

ISSN 2409-336X

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (59)
2022

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук А.У. Коласаў (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Вальнец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс "Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта імя А.А. Куляшова" ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
каб. 413, т. +375 44 716 34 97; vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

$\frac{1 (59)}{2022}$

Editorial Board:

Lavrinovich D.S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Vishnevsky M.I., Deputy Chief Editor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Riyer Y.G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kolosov A.V., Executive Secretary of the Editorial Board

History:

Duk D.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K.M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Karako P.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Punchenko O.P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Odessa, Ukraine)
Konokh N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Kamenskoye, Ukraine)
Starostenko V.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Philology:

Makarevich A.N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Mogilev)
Volynets T.N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhalchuk T.G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Lavshuk A.S., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dovgal A.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
room 413, tel. +375 44 716 34 97; vesnik_mdu@mail.ru

ЗМЕСТ

ЧЕРКАСОВ Д. Н. Политическое положение герцогства Бар в 1390–1400 гг.	7
ВАЛОДЗІНА А. В. Гістарыяграфія Вальдэнсаў у прасторы і часе: асноўныя тэндэнцыі развіцця ад зараджэння да нашых дзён	12
МАКОЎСКАЯ Я. У. Шкляныя вырабы Налібоцкай і Урэцкай мануфактур (XVIII – першая палова XIX ст.)	22
ВІКОЛ Л. Ф. Сацыяльна-культурныя функцыі ўстаноў грамадскага харчавання на тэрыторыі беларускіх зямель (XIX – пач. XX ст.)	27
КОСЕНКО А. А. Розыскная дзейнасць паліцыі в 1862–1917 гг. в белорусских губерниях	32
ТАБУНОВ В. В. Православное духовенство белорусских земель о положении церкви и ее реформировании в конце XIX – начале XX ст.	39
СТАРОСТЕНКО Э. В. Замена священнослужителями-беженцами иеромонахов на должностях военных священников в армиях Западного фронта в годы Первой мировой войны	44
ВОРОБЬЕВ А. А. О деятельности Гомельской уездной организации партии социалистов-революционеров (эсеров) летом 1917 г.	50
РОЖКОВА С. Н. Брестский мир в белорусской историографии	55
ТЮТЮНКОВ А. Н. Создание системы политических органов в Рабоче-крестьянской милиции БССР в 1931–1941 гг.	60
КІМБАР А. У. Напрамкі дзейнасці ЛКСМБ на тэрыторыі заходніх абласцей БССР у 1944 – сярэдзіне 1950-х гг.	64
КУКСА А. Н. БГПИ: первый технический ВУЗ Беларуси	69
ЖУК С. А. Падрыхтоўка навуковых кадраў у АН БССР праз аспірантуру ў другой палове 1940-х гг.	74
КУРС И. Л. Внутриполитическая борьба в Великобритании по вопросу статуса Шотландии в 2011–2014 гг.	83
КОЛАСАЎ А. У. Вынікі радыевугляроднага датавання помнікаў каменнага веку беларускага Пасожжа	89
ТКАЧЕВА М. В. Керамика из городища Агеевка Могилевского района	95
БАНЬКОВСКАЯ Ю. Л. Технологии регулирования и управления сетевыми конфликтами	100
КУЗНЕЧИК Е. В. Проблема исторического сознания в романе К. Хайна “Портрет сына с отцом”	105
ДОЎГАЛЬ А. В. Гендарна маркіраваныя эматыўна-ацэначныя лексемы: да праблемы лексікаграфічнага апісання	110
РУБАНОВА Е. В. Новая лексика в современном английском сленге в социолингвистическом аспекте	116
ЛИ ЧЖЭН. Реалити-шоу в китайском развлекательном телевидении: содержательное наполнение и предназначение	120

CONTENTS

CHERKASOV D. N. Political situation of the duchy of Bar in 1390–1400.....	7
VALODZINA A. V. The waldensian historiography in space and time: main development trends from the beginning to the present day	12
MAKOUSKAYA Y. V. Glassware from the manufactories of Nalibaki and Ureche (XVIII – first half of the XIX century)	22
VIKOL L. V. F. Social and cultural functions of catering establishments on the territory of the Belarusian lands (in the 19th – early 20th centuries)	27
KOSENKO A. A. The efficient and investigation activity of police in the Belarusian provinces in 1862–1917	32
TABUNOV V. V. The Orthodox clergy of the Belarusian lands on the position of the church and the reform of its institution in the late XIX – early XX centuries	39
STAROSTENKO E. V. Replacement of hieromonaches with an refugee priests on positions of military priests in the armies of the western front in the years of the first world war	44
VOROBIEV A.A. Activity of the Gomel district organization of the Socialist-Revolutionary party (SRP) in the summer of 1917.....	50
ROZHKOVA S.N. Brest peace in Belarusian historiography	55
TYUTYUNKOV A.N. Establishment of a system of political bodies in the Workers ‘and Peasants’ Militia of the BSSR in 1931–1941	60
KIMBAR A.U. Activity area of the Iksmb in the BSSR western regions between 1944 and the mid-1950s.....	64
KUKSA A.N. Top officials of the education system and the Belarusian state polytechnic institute.....	69
ZHUK S.A. Training of scientific personnel in the Academy of Sciences of the BSSR through postgraduate studies in the second half of the 1940s.....	74
KURS I.L. Internal political struggle on the issue of Scotland’s status in 2011–2014.....	83
KOLASAU A.U. The results of radiocarbon dating of the Stone Age monuments of the Belarusian Sozh basin.....	89
TKACHEVA M.V. Ceramics from the Ageevka settlement of the Mogilev region	95
BANKOUSKAYA Yu. Technologies of network conflicts regulation and management	100
KUZNECHIK E. The problem of historical consciousness of “Portrait of a son with father” by Ch. Hein.....	105
DOUHAL A. Gender-marked emotive-evaluative lexemes: to the problem of lexicographic descriptio.....	110
RUBANOVA YE. New vocabulary in modern English slang in the sociolinguistic aspect.....	116
LI ZHENG. Reality show in Chinese entertainment television	120

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(443.82)“1390/1400”

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРЦОГСТВА БАР В 1390–1400 ГГ.

Д. Н. Черкасов

кандидат исторических наук, доцент,
докторант
Белорусский государственный университет

В статье рассматривается политическое положение герцогства Бар в период 1390–1400 гг. Исследуются династическая политика дома де Бар, участие в войнах Франции, политика в отношении соседних государств Лотарингии. Анализируется вопрос о наследовании герцогом де Бар владений Иоланды Фландрской. Значительное место уделено проблеме отношений герцогств Бара и Люксембурга.

Ключевые слова: герцогство Бар, Лотарингия, Люксембург, франко-имперское пограничье.

Введение

В последней четверти XIV в. восстановившаяся в правление Карла V (1364–1380) после поражения при Пуатье (1356 г.) и внутренней смуты Франция вновь стала активизировать свою политику в приграничных регионах Св. Римской империи. Этому способствовала Великая схизма (1378–1417), церковный раскол, который дал новый импульс соперничеству Франции, поддерживавшей авиньонского папу Климента VII, и империи, выступившей на стороне римского папы Урбана VI. Наиболее остро это соперничество проявилось на землях франко-имперского пограничья, в том числе в имперских городах и княжествах Лотарингии.

Цель статьи – рассмотреть политическое положение одного из ключевых государств Лотарингии, герцогства Бар, в период 1390–1400 г. в контексте его отношений с Францией, а также соседними княжествами и имперскими городами.

Исследование средневековой истории Барруа активно развивалось со второй половины XIX в. и было связано с работами Ж. Бодо, Ж.-Ж. Карлье, Л. Макс-Верли, Ф.-Ж.-Э. де Смиттера и, особенно, В. Серве. В XX – начале XXI в. количество исследований и их тематика значительно расширились. Можно указать на работы М. Буйе, М. Бубеничек, А. Жирардо,

Ж. Жюлиато, Ю. Колена и ряда других историков. Вместе с тем изучение истории герцогства Бар в период 1390–1400 гг. до настоящего времени как самостоятельное исследование не проводилось.

Основная часть

Династическая политика. В конце XIV в. герцогство Бар представляло из себя относительно небольшое государственное образование на границах Франции и Священной Римской империи, являясь фьефом двух корон – французской и имперской. Однако в политическом плане династия де Бар полностью ориентировалась на Францию, чему способствовал брак герцога Робера I де Бар (1352–1411) и Марии Французской, дочери короля Иоанна II Доброго (1350–1364) и Бонны Люксембургской¹.

Родство с правящей во Франции династией Валуа было причиной глубокой вовлеченности представителей дома де Бар в политическую жизнь королевства. Дети Робера I де Бар и Марии Французской – 6 сыновей и 5 дочерей – были принцами и принцессами королевской крови, занимая видное место среди феодальной аристократии Франции.

Так, старший из сыновей герцога де Бар и его наследник, Анри, воспитывался вместе с дофином Франции, будущим Карлом VI (1380–1422), с началом правления которого вошел в ближайшее окружение молодого короля.

Второй сын герцога, Филипп, также был близок ко двору и был тесно связан с герцогом Филиппом II Бургундским, который, судя по всему, являлся его крестным². В июне-сентябре 1390 г. Филипп де Бар участвовал в экспедиции, организованной королем Франции против мусульман Туниса [1, р. 164–165]³.

¹ Брачный договор был заключен 4 июня 1364 г., свадьба состоялась 5 октября 1364 г. [2, р. 178].

² В феврале 1384 г. Филипп де Бар принял участие в церемонии похорон Луи де Маля, графа Фландрии, тестя Филиппа Бургундского. В сентябре 1386 г. он готовился под началом герцога Бургундского отправиться в экспедицию в Англию [2, р. 107, 111]. В 1390 г. герцог доверил ему задержать Жана III де Шалона за убийство одного из своих сержантов [3, р. 91].

³ За свою службу Филипп де Бар 20 октября 1390 г. получил от короля Карла VI 2 тыс. золотых франков, 1 тыс. из которых была выплачена ему уже 26 октября [4, р. 513].

В апреле-сентябре 1396 г. Анри и Филипп де Бар приняли участие в крестовом походе в Болгарию против турок-османов. Поход завершился разгромом франко-бургундского войска в битве при Никополе 25 сентября 1396 г. В сражении погиб Филипп де Бар, а Анри умер позже¹.

Таким образом, к 1398 г. умерли трое старших сыновей герцога де Бар². Герцог Робер I принял решение о передаче права наследования герцогства своему четвертому сыну, Эдуару, в обход прав внука, сына Анри де Бар.

Сперва по акту от 1 марта 1399 г. Эдуару были переданы ½ сеньорий Пьерфор, Буковиль, Авангард и некоторых других [5, р. 426]. Затем актом от 14 декабря 1399 г. он получил еще ряд сеньорий герцогства, в том числе маркизат Понт-а-Муссон [6, col. DCLXXVI–DCLXXVII]. Однако окончательно вопрос о наследовании герцогства был решен в пользу Эдуара только в 1409 г.

В 1390-е гг. начал блестящую церковную карьеру еще один из сыновей Робера I – Луи де Бар, который 21 декабря 1397 г. в возрасте 19–20 лет был возведен авиньонским папой Бенедиктом XIII в кардиналы [7, р. 218].

В период 1390–1400 гг. были заключены браки трех дочерей герцога де Бар. В мае 1393 г. Бонна де Бар вышла замуж за Валерана III де Люксембурга, графа де Сен-Поль и де Линьи. Герцог де Бар обещал за своей дочерью 30 тыс. франков приданого, из которых 20 тыс. выделил король Франции [1, р. 199–201]. В декабре 1393 г. был заключен договор о браке Жанны де Бар и Теодора II Палеолога, маркиза Монферрата. Приданое Жанны составило 32 тыс. франков, из которых 10 тыс. давала бабка Жанны – Иоланда Фландрская и 10 тыс. – король Франции [1, р. 208–209]. В конце ноября – начале декабря 1400 г. состоялась свадьба Иоланды-младшей де Бар и Адольфа Бергского³. Герцог де Бар давал за дочерью 20 тыс. экю приданого [1, р. 317].

¹ Анри умер в октябре–ноябре 1397 г. по дороге домой, недалеко от Венеции, в Тревизо. Известно его завещание от 1 октября 1397 г., составленное в Каподистрии. Тело Анри было отвезено в Париж и похоронено в церкви целестинцев [2, р. 143–144; 8, р. 304–305].

² В конце 1392 г. или первой половине 1393 г. умер третий из сыновей герцога – Шарль [1, р. 198].

³ Адольф был сыном Вильгельма I, герцога Берга, и Анны Виттельсбах, сестры Рупрехта III, пфальцграфа Рейнского и правителя Св. Римской империи (1400–1410).

Политика в Лотарингии. В регионе Лотарингии для герцогства Бар наиболее значимыми были отношения с герцогством Лотарингия, имперскими городами и епископствами Мец, Туль и Верден.

Смена поколений в герцогстве Лотарингском позволила Роберу I де Бар в последнее десятилетие XIV в. укрепить свое влияние в регионе⁴. Так, 24 января 1391 г. был заключен договор о союзе с коммуной г. Туль, до этого находившейся под защитой герцога Лотарингского (договор о союзе Жана I Лотарингского и города Туль от 10 ноября 1376 г.). Позднее союз герцога де Бар и горожан Туля был подтвержден 28 февраля 1394 г. [9, р. 567].

В отношениях с Мецем герцог де Бар часто являлся посредником в конфликтах города и местной знати. Так, благодаря его арбитражу 2 октября 1391 г. был заключен договор о мире между Мецем и Валераном III, графом де Сен-Поль и де Линьи [10, р. 399].

Важным событием региональной политики стало заключение 17 марта 1392 г. в Понт-а-Муссоне 6-летнего союза между четырьмя наиболее важными акторами Лотарингии: герцогами Бара и Лотарингии, городом Мец и епископом Меца, целью которого была борьба с разбоем [10, р. 411–420], [11, р. XXI–XXIII].

Однако, несмотря на дружественные отношения с Карлом II Лотарингским, объективно Робер I де Бар являлся его соперником в борьбе за региональное лидерство. Если политика герцога де Бар была безусловно профранцузской, то герцог Лотарингский держался более независимо, стараясь соблюдать баланс в отношениях с Францией и империей. Возможно, что эти факторы стали причиной отказа в 1392 г. герцога де Бар от династического союза с Лотарингским домом, запланированного еще в 1379 г. [11, р. XXIII–XXIV]⁵.

Вместе с тем напряженные отношения с герцогством Люксембург, частые нападения феодалов прирейнских областей побуждали герцога де Бар искать возможности для совместных действий с герцогом Лотарингским для обеспечения мира в регионе. Так, Робер I выступил посредником в спорах герцога Ло-

⁴ После смерти 22 сентября 1390 г. герцога Жана I Лотарингского (1352–1390) к власти пришел его старший сын Карл II (1390–1431).

⁵ 5 апреля 1379 г. было заключено предварительное соглашение о браке Ферри, младшего сына Жана I Лотарингского и Бонны, дочери Робера I де Бар [12, р. 134–135].

тарингского и Меца. По договору от 5 июля 1399 г. стороны согласились передать свои претензии на арбитражный суд герцога де Бар, приговор которого, объявленный 1 августа 1399 г., привел к заключению мира [10, р. 500–502].

2 августа 1399 г. был заключен 6-летний наступательный и оборонительный союз между герцогами Бара и Лотарингии, направленный на борьбу с грабителями и защиту земель. Стороны обязались выставить в случае необходимости по 200 конных воинов, по 50 лучников или арбалетчиков и по 300 пеших сержантов [11, р. CCLXXVII].

Влияние на епископов Меца и Туля у герцога де Бар было меньшим, чем у герцогов Лотарингии. Несмотря на это, в 1396 г. епископ Меца, Рауль де Куси, заложил династии де Бар свои сеньориальные права, касавшиеся земель Апремон и Коммерси [13, р. 480]. Существенное влияние герцог де Бар имел на епископство Верден, часто выступая посредником в спорах епископа и капитула. Более того, 12 апреля 1399 г. епископ Вердена, Льебо де Кузанс, подписал с Робером I договор, который обеспечивал ему защиту герцога [13, р. 484].

Фландрское наследие. Важным фактором политики герцога де Бар в 1390-е гг. были вопросы, связанные с владением богатыми сеньориями во Фландрии, и в этой связи взаимоотношения с Филиппом II Смелым, герцогом Бургундским, владевшим Фландрией с 1384 г.

В период 1388–1395 гг. Филипп II, стремясь укрепить графскую власть, вел наступление на права Иоланды, матери Робера I де Бар, в отношении ее фландрских владений¹. Тяжба касалась земель Берг, Ньюпор и Донз, конфискованных предыдущим графом Фландрии, Людовиком де Маль. 1 октября 1388 г. Иоланда подала судебный иск в Парижский парламент, который 25 мая 1389 г. принял решение в ее пользу [2, р. 113]. 28 июля 1391 г. сторонами был заключен договор, по которому герцог Бургундский и его жена согласились предоставить Иоланде 1400 ливров годовой ренты, чтобы компенсировать потерю этих владений в обмен на уступку прав юрисдикции на землях Берг и Ваттен [14, р. CLX–CLXI].

¹ Иоланда была дочерью Робера Фландрского, сеньора Касселя, второго сына Робера III де Дампьера, графа Фландрии (1305–1322), и женой Анри IV, графа де Бар (1336–1344). После смерти отца Иоланда унаследовала сеньорию Кассель и ряд других владений во Фландрии [2, р. 84].

21 января 1394 г. герцог де Бар, а 10 марта 1394 г. Иоланда Фландрская принесли фуа и оммаж герцогу Бургундскому за земли, которыми владели во Фландрии [7, р. 736]. Актом, данным в Париже 10 мая 1395 г., Иоланда Фландрская сделала “перечисления” своих владений, которые она держала от графа Фландрии [15, р. 111]². Однако форма, в которой были сделаны “перечисления”, не устроила Филиппа Бургундского, и он наложил арест на земли Иоланды.

После смерти Иоланды 12 декабря 1395 г. все ее сеньории во Фландрии перешли Роберу I. 23 января 1396 г. Филипп Бургундский снял секвестр с этих земель [1, р. 234]. В свою очередь, Робер I де Бар обязался до 22 июля 1396 г. направить герцогу Бургундскому “перечисления” за фьефы, которые он держал во Фландрии, но смог выполнить обещание только к 30 октября 1398 г. [1, р. 286]. Несмотря на это, он продолжал пользоваться доходами со своих фландрских владений.

Отношения с герцогством Люксембург. С декабря 1383 г. герцогством Люксембург владел чешский король Венцеслав/Вацлав IV, бывший также правителем Св. Римской империи. В 1388 г. он заложил Люксембург своему кузену Йошту, маркграфу Моравии и Бранденбурга, сохранив за собой права верховного правителя герцогства. Однако ни Венцеслав IV, ни Йошт Моравский, погрязшие в междоусобных конфликтах, почти не участвовали в политической жизни герцогства.

Интересы Бара и Люксембурга пересекались в вопросе влияния на Верден. Кроме того, в условиях господства феодальной анархии, люксембургская знать вела частные войны не только внутри страны, но и на сопредельных территориях, в том числе на землях герцогства Бар, привлекая родственников и союзников из прирейнских земель. Это вызывало ответные действия герцога де Бар против люксембургских и прирейнских “немцев”.

Для обуздания трансграничного разбоя представители герцогов Бара и Люксембурга, а также герцога Бургундского, как владельца графства Ретель, 1 марта 1391 г. заключили союз. Стороны обязались ограничить военные действия, установить господство законов

² “Перечисления” (фр. *dénombrément* или *aveux*) – обязательная процедура вступления во владение фьефом, в соответствии с которой вассал должен предоставить сеньору точное описание своего фьефа и его доходов (доменов, рент, прав и др.), за которые он обязан службой.

и свободу перемещения по земле и воде для всех подданных [1, р. 173–175]. Однако договор лишь частично избавил от своеволия знати, привыкшей решать споры во внесудебном порядке.

В апреле 1395 г. один из сыновей герцога де Бар – Эдуар – во главе 300 всадников принял участие в походе графа де Сен-Поль на земли Люксембурга, что привело к обострению отношений¹. В мае 1395 г. на герцогство Бар начались нападения во главе с сеньорами де Булэ, де Дё-Пон-Битш, де Вире, которым противостояли воины во главе с бальи Сен-Мийеля и маршалом Барруа [1, р. 220–223].

12 марта 1396 г. представители Бара и Люксембурга заключили новый договор, обязывавший чиновников обеих герцогств и представителей городских магистратов вести борьбу с разбоем. Несмотря на это, уже в апреле 1396 г. столкновения на границах Бара и Люксембурга возобновились. Противниками герцога де Бар были Арнуль де Булан, Жан де Бранденбург, сеньор д’Эш и сеньоры де Дё-Пон-Битш (Симон Вакэр и Ханеман) [1, р. 234–235].

В начале мая 1396 г. в рамках войны против Арнуля де Булан воины герцога де Бар заняли Дикирх, а в июле осадили замок Штольценбург. В конце июля люди Арнуля де Булан спалили Дикирх и осада Штольценбурга была временно прекращена. В августе 1396 г. Штольценбург был снова осаждён и взят к началу сентября 1396 г. К 15 ноября война с Арнулем де Булан завершилась. К этому же времени завершилась война с сеньорами де Дё-Пон-Битш, которым герцог де Бар дал обещание выплатить 2 тыс. “старых” флоринов долга [1, р. 236–239].

Однако в течение 1396–1398 гг. продолжалась война герцога де Бар и сеньоров де Бранденбург, которая периодически прерывалась переговорами и перемириями и завершилась только к 1402 г. [1, р. 239, 260–262]. В конце ноября 1399 г. герцог де Бар воевал против сеньоров Эрхарда и Винмара де Гимних, чьи люди разорили земли аббатства Сен-Ван в Вердене [1, р. 310–311].

4 марта 1400 г. в Сен-Мийеле представители герцога де Бар и герцога Люксембургского подписали договор о соблюдении мира на 1399–1403 гг., предполагавший борьбу с грабе-

¹ “В 1395 г. граф де Сен-Поль пришел в земли, чтобы взять герцогство Люксембург, а вместе с ним многие сеньоры Франции, но были посрамлены Немцами” [16, р. XXXII].

жами и правовое урегулирование конфликтных ситуаций между жителями обоих герцогств².

Несмотря на это, весной-осенью 1400 г. нападения на герцогство Бар совершали люди сеньоров де Гимних: в мае они действовали в окрестностях Санси, в ноябре – возле Лонгви. В октябре 1400 г. войска под началом Эдуара де Бар вошли в земли Люксембурга для осады замка Мейсенбург, предпринятой в рамках войны против братьев де Гимних и их союзников. Замок был взят в конце 1400 – начале 1401 г., а в сентябре 1401 г. разрушен [1, р. 312–316].

Заключение

Таким образом, тесные родственные связи династии де Бар с правящим во Франции домом Валуа в значительной степени обусловили профранцузскую политику герцога Робера I. Представители династии активно участвовали во внутривластной жизни Франции и ее внешних войнах, таких, как крестовые походы в Тунис в 1390 г. и Болгарию в 1396 г. Смерть в результате похода 1396 г. старших сыновей герцога де Бар Анри и Филиппа стала причиной постепенной передачи права наследования герцогства Эдуару де Бар.

В региональной политике для герцога де Бар были важны отношения с бургундским герцогом Филиппом II Смелым, что было связано, помимо прочего, с фландрскими владениями династии де Бар, их статусом и урегулированием вассально-ленных отношений. В Лотарингии для герцога де Бар определяющими были отношения с герцогом Карлом II Лотарингским, которые, несмотря на дружественный характер, можно определить как региональное соперничество. Вместе с тем необходимость поддержания мира в регионе привела к заключению в 1399 г. союза между герцогствами Бара и Лотарингии.

В период 1390–1400 гг. оставался открытым конфликт с герцогством Люксембург. Заключенные в 1391, 1396 и 1400 гг. договоры между герцогствами Бара и Люксембурга о поддержании мира и борьбе с разбоем не соблюдались, что было обусловлено слабостью центральной власти в Люксембурге и господством там феодальной анархии.

² По договору все вассалы и подданные герцогств, допустившие правонарушения в период с 24 июня 1399 г. по 24 июня 1403 г., должны их исправить. Жалобы сторон должны подаваться в инстанции друг друга: люксембуржцами – в Бар, барруасцами – в Люксембург. Было договорено о задержании лиц, занимающихся похищением людей и скота, и придании их суду [6, col. DCLXXVII–DCLXXX].

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Servais, V.** Annales historiques du Barrois de 1352 à 1411 ou histoire politique, civile, militaire et ecclésiastique du duché de Bar : en 2 t. / V. Servais. – Bar-le-Duc : Contante-Laguerre, 1867. – T. 2. – 482 p.
2. **Carlier, J.-J.** Henry d'Oisy. Fragments d'études historiques sur les seigneurs de Dunkerque, de Bourbourg, de Gravelines, de Cassel, de Nieppe, etc. / J.-J. Carlier // Mémoires de la Société dunkerquoise pour l'encouragement des sciences, des lettres et des arts. 1857. – Dunkerque: B. Kien, 1858. – P. 81–243.
3. **Barante, P. de.** Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois. 1364–1477 : en 13 t. / P. de Barante. – Paris: chez Lavocat, 1824. – T. 2. – 474 p.
4. **Anselme de Sainte-Marie.** Histoire généalogique et chronologique de la Maison royale de France : en 9 t., 3 ed. / Anselme de Sainte-Marie. – Paris : par la Compagnie des Libraires, 1730. – T. 5. – 996 p.
5. **Lefebvre, H.** Les sires de Pierrefort de la maison de Bar / H. Lefebvre // Mémoires de la Société d'Archéologie lorraine et du Musée Historique lorrain. a – Nancy : Palais ducal, 1902. – T. 52. – P. 209–487.
6. **Calmet, Aug.** Histoire ecclésiastique et civile de Lorraine : en 3 t. / Aug. Calmet. – Nancy : J.-B. Cusson, 1728. – T. 2. – 1163 p.
7. **Anselme de Sainte-Marie.** Histoire généalogique et chronologique de la Maison royale de France : en 9 t., 3 ed. / Anselme de Sainte-Marie. – Paris : par la Compagnie des Libraires, 1726. – T. 2. – 987 p.
8. **Digot, Aug.** Histoire de Lorraine : en 6 t., 2 ed. / Aug. Digot. – Nancy : Crépin-Leblond, 1880. – T. 2. – 403 p.
9. **Lepage, H.** Les communes de la Meurthe. Journal historique des villes, bourgs, villages, hameaux et censes de ce département : en 2 t. / H. Lepage. – Nancy : A. Lepage, 1853. – T. 2. – 799 p.
10. Preuves de l'histoire de Metz. – Nancy : H. Haener, 1781. – 1133 p.
11. **Calmet, Aug.** Histoire généalogique de la Maison de Chatelet, branche puinée de la Maison de Lorraine / Aug. Calmet. – Nancy : la Veuve de J.-B. Cusson, 1741. – 617 p.
12. Corpus universel diplomatique du droit des gens; par Mr. J. Dumon, baron de Carels-Croon : en 8 t. – Amsterdam : Chez P. Brunel, R. et G. Wetstein, les Janssons Wacsberge et l'Honoré Chatelain; La Haye: Chez P. Husson et Ch. Levrier, 1726. – T. 2. – Pt. 1. – 366 p.
13. **Clouet, L.** Histoire de Verdun et du pays Verdunois : en 3 t. / L. Clouet. – Verdun : Ch. Laurent, 1870. – T. 3. – 660 p.
14. **Plancher, Ur.** Histoire générale et particuliere de Bourgogne : en 4 t. / Ur. Plancher. – Dijon : A. de Fay, 1748. – T. 3. – 1002 p.
15. **Smyttere, P.-J.-E. de.** Essai historique sur Iolande de Flandre / P.-J.-E. de Smyttere. – Lille : Lefebvre-Ducrocq, 1877. – 380 p.
16. Chronique, ou Annales du Doyen de S. Thiébaud de Metz // Calmet, Aug. Histoire de Lorraine : en 7 t. – Nancy : Leseur, 1752. – T. 5. – P. V–CXVII.

Поступила 27.05.2021 г.

Контакты: dmcmink@gmail.com

(Черкасов Дмитрий Николаевич)

Cherkasov D. N. POLITICAL SITUATION OF THE DUCHY OF BAR IN 1390–1400.

The article examines the political situation of the Duchy of Bar in the period of 1390–1400. The dynastic relations of the House of Bar, participation in the wars of France, the Duke's policy towards the neighbouring states of Lorraine are investigated. The article deals with the inheritance of the possessions of Yolanda of Flanders by the Duke de Bar. Considerable attention is paid to the problem of relations between the Duchies of Bar and Luxembourg.

Keywords: Duchy of Bar, Lorraine, Luxembourg, Franco-Imperial borderlands.

УДК 930.1(4)“16/20”

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ВАЛЬДЭНСАЎ У ПРАСТОРЫ І ЧАСЕ: АСНОЎНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦА АД ЗАРАДЖЭННЯ ДА НАШЫХ ДЗЁН

А. В. Валодзіна

кандыдат гістарычных навук
Варшаўскі ўніверсітэт, запрошаны даследчык

У артыкуле разглядаецца гістарыяграфія вальдэнсаў, пачынаючы з рэлігійнай палемікі паміж пратэстантамі і каталікамі пачатку XVI ст. і да найноўшых работ. Акцэнт зроблены на рэгіянальную і храналагічную спецыфіку даследаванняў. Вальдэнсы на самім пачатку разглядаліся аўтарамі як папярэднікі пратэстантызму, але наступова, з назаваннем крыніц нямецкімі даследчыкамі ў XIX ст. і іх навуковым выданнем французскімі ў XX ст., вальдэнсы занялі сваё месца між іншых рэлігійных рухаў Сярэднявечча. У XXI ст. вальдэнскія даследаванні засяроджаны на вузкіх пытаннях і абавязкова ўключаны ў агульнаеўрапейскі кантэкст. Назіраецца недахоп найноўшых абагульняльных работ.

Ключавыя словы: вальдэнсы, ерэтыкі, каталіцкая царква, Рэфармацыя, гістарыяграфія, рэлігійная палеміка

Уводзіны

Гістарыяграфія вальдэнсаў першых стагоддзяў свайго існавання зусім не пераследвала мэту спазнання мінулага. Перад кожным творам стаяла выразная задача доказу таго ці іншага меркавання. Адпаведна з тэорыяй аб вальдэнсах як папярэдніках пратэстантаў [1] выкладаліся факты датычна першых: падкрэсліваліся агульныя дагматы, замоўчвалася першапачатковае імкненне Вальдо да прызнання Апостальскім прастолам.

Каталіцкія даследчыкі, у сваю чаргу, адмаўляюцца прызнаваць пераемнасць паміж вальдэнсамі і пратэстантамі, для іх Вальдо і па сёння застаецца “няспраўджаным Св. Францыскам Асізскім” [2, р. 49; 3, р. 60] або Св. Дамінікам [4, р. 138]. Сапраўды, паміж першапачатковай ідэалогіяй і статутам францысканцаў і “бедных каталікоў”, а таксама “бедных ізноў далучаных” (протаордэны вальдэнсаў у пачатку XIII ст.) шмат агульнага [5, с. 25; 6]. Усе тры групы развіваліся прыкладна ў адзін час і ў аднолькавых абставінах, існавала практыка пераходу членаў і нават маёмасці з аднаго ордэна ў другі. Гэта дае падставу

некаторым аўтарам – прыхільнікам Рымскай царквы змяншаць значэнне ерэтычнага складніка вучэння першых вальдэнсаў, акцэнтуючы ўвагу выключна на агульныя з каталікамі фактары.

Сваё адностраванне вальдэнскі рух знайшоў і ў літаратуры – варта прыгадаць хаця б гістарычны раман А. Сандстэда “Вальдо, прапаведнік ерасі” пра драматычнае супрацьстаянне свецкай і царкоўнай улады ў сярэднявечным Ліёне [7]. Відавочна, што ні адзін з вышэйпрыведзеных падыходаў з-за свайго тэндэнцыйнасці не можа даць усебаковай карціны гісторыі вальдызму.

Асноўная частка

Вальдэнсы як ерэтычны рух цікавілі ўжо тэолагаў XIV ст. [8, р. 63]. Магчыма, менавіта адтуль і паходзіць традыцыя даследавання пераважна тэалагічна-дактрынальных пытанняў, у той час як праблемы сацыяльна-эканамічнага характару доўга заставаліся па-за ўвагай, нягледзячы на значную агульную колькасць работ.

Для таго каб “ахапіць” вокам усю амаль 600-гадовую гістарыяграфію вальдэнсаў, намі была падрыхтавана параўнальная табліца, якая вылучае найбольш значныя творы і аўтараў, разнесеныя па часе і рэгіёнах. Аўтары, у якіх імя прапісана цалкам (не толькі ініцыялы), з’яўляюцца вядучымі спецыялістамі ў вывучэнні вальдызму. Таксама вылучаны назвы самых поўных і грунтоўных збораў вальдэнскіх крыніц. Тлумачэнне пазначаным датам будзе дадзена ніжэй у тэксце даклада. Назвы, прыведзеныя ў зносках, ілюструюць тэндэнцыйнасць англійскіх аўтараў XIX ст. (падрабязней гл. ніжэй).

Пачатак Рэфармацыі ў Еўропе і асабліва палеміка паміж каталікамі і пратэстантамі на конт “першапрычыны” рэфармацкай царквы і веры рэзка актуалізавала пытанне менавіта сярэднявечных ерасяў. І адзін, і другі бок бачылі ў ерэтыках папярэднікаў “рэфарматараў”. Але калі для каталікоў вальдэнсы – гэта тыя ерэтыкі, змагацца з якімі ім далі заповіт яшчэ Айцы Царквы, то для пратэстантаў яны – “згубленае звяно” паміж імі і самім Хрыстом. Таму старанна пераказваюцца ў якасці гістарычных звестак сярэднявечныя легенды, напрыклад, аб паходжанні вальдэнсаў напрамую ад Апосталаў [9, р. 38]. Адною з першых работ такога кшталту з’яўляецца “Гісторыя вальдэнсаў”, якая была надрукавана ў 1618 г. у Жэневе пад аўтарствам гугенотскага святара Ж. П. Пе-

рына [10] па замове саміх вальдэнсаў [11, р. 46]. Яго работа была першай спробай даказа гугенцак дактрыны, якая ўзнікла падчас рэлігійных войнаў у Францыі, аб тоеснасці альбігойцаў і вальдэнсаў як сярэднявечных носьбітаў сапраўднай пратэстанцкай веры, якія былі несправядліва абвінавачаны ў “дуалізме” і “маніхействе” каталіцкімі інквізітарамі і, такім чынам, з’яўляліся пакутнікамі за веру. Гэтая спроба “ўстаражытнівання” гісторыі пратэстантызму была абвергнута ўжо ў XVII ст. [12, р. 43–51].

Вельмі актыўна ў палеміку накіонт евангельскай прыроды вальдэнскага руху ў XIX ст. уключаюцца англіканскія пастары [13]. Пратэстанцкая Англія ў ранні Новы час, асабліва ў часы Пратэктарату, выступала на міжнароднай арэне на баку вальдэнсаў, калі яны цяргелі ад крыжовых паходаў. У Вялікабрытаніі выходзяць ілюстраваныя кнігі на некалькі соцень старонак кожная, аўтары якіх імкнуцца падкрэсліць як у назве, так і ў змесце “адпачатковую чысціню” [14], месіяніскі характар [15; 16] і заўзятую барацьбу вальдэнсаў супраць папскага прастола [17]. У той жа час іх “італьянскія калегі”, напрыклад, А. Харвац, які з 1834 г. быў біскупам Пінерола і ў 1836 г. апублікаваў у Парыжы сваю кнігу “Паходжанне вальдэнсаў і характар іх ранняй дактрыны” [18], пераходзяць ад прамога пераказу крыніц да іх крытычнага вывучэння.

Абсалютна іншая сітуацыя назіраецца ў нямецкамоўным рэгіёне (тэрыторыя счасных Германіі, Аўстрыі і нямецкамоўных кантонаў Швейцарыі). У справе вывучэння сярэднявечных ерасей на гэтых землях можна вылучыць дзве тэндэнцыі:

Актыўная публікацыя крыніц. Першы вялікі збор крыніц па гісторыі вальдэнсаў “Паведамленні пра гісторыю вальдэнсаў у сярэднявечныя вякі” аўтара шматлікіх даследчыцкіх работ В. Прэгера [19] выходзіць тут ужо ў 1875 г. “Паведамленні пра гісторыі сектаў у сярэднявечныя вякі”, сабраныя і апрацаваныя І. фон Дзёлінгерам [20], актуальная і да сённяшняга часу. У гэты перыяд вывучэнне вальдэнсаў яшчэ не было цалкам адзелена ад вывучэння іншых ерэтычных рухаў, такіх як катары, браты вольнага духу¹, петрабрузіянцы² і інш. [21; 22; 23;

24] Іх не толькі разглядалі разам, але і часам блыталі, пераймаючы гэтым памылкі сярэднявечных інквізітараў [25, р. 172]. Недахопам гэтых збораў з’яўляецца адсутнасць у іх анатацый да апублікаваных крыніц і тэксталагічнага разбору. Няма і ўказанняў на розначытанні ў рукапісах.

Распрацоўка гісторыі вальдэнсаў не толькі на ўласна нямецкіх землях, але і ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе. Звязана гэта было ў першую чаргу з тым, што распаўсюджанне вальдызму ў гэтым рэгіёне ішло поруч з нямецкай каланізацыяй і носьбітамі ерасі былі ў абсалютнай большасці выпадкаў нямецкія перасяленцы [26, с. 79]. Гэта тэндэнцыя набыла асаблівае развіццё ў XX ст. (гл. ніжэй).

У расійскай дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі спецыяльных работ, акрамя асобных кароткіх артыкулаў, прысвечаных вальдэнсам, не сустракаецца [27, р. 71]. У лепшым выпадку ім аддаюцца раздзелы ў работах па гісторыі сярэднявечных ерасяў. Такая сітуацыя характэрна, напрыклад, для фундаментальнага даследавання М. Асокіна “Гісторыя альбігойцаў і іх часу” [28], у якой апісанню гісторыі вальдэнсаў адведзена дзве главы. Для свайго часу (1869–1872) праца выканана на вельмі высокім узроўні, але ў ёй адсутнічае разгорнутая сістэма спасылак, некаторыя дадзеныя не пацвярджаюцца ні па якіх крыніцах (напрыклад, пра тое, што нерухомая маёмасць “бедных каталікоў” стала матэрыяльнай асновай для дамініканскага ордэна [28, с. 219, 424]), таму цяжка меркаваць пра навуковую вартасць гэтага выдання.

З даследчыкаў абавязкова трэба вылучыць Льва Платонавіча Карсавіна, які дэталёва займаўся пытаннямі рэлігійнага жыцця Італіі ў працах “Очерки средневековой религиозности” і “Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках” [29; 30]. Менавіта яго прапрацоўка рэлігійнага фонду вызначанага перыяду дае магчымасць высветліць месца вальдэнсаў у структуры сярэднявечнай рэлігійнасці (насельніцтва Ламбардыі валодала вялікімі арганізацыйнымі навыкамі, а пастаяннае суседства з іншымі сектамі рабіла для вальдэнсаў Італіі абасабленне проста неаб-

¹ Браты вольнага духу – ерэтычная секта, дасягнула росквіту з XIII–XIV стст. Адмаўлялі неабходнасць царкоўнай арганізацыі і духавенства, сацыяльную няроўнасць. Абвінавачваліся ў пантэізме і неўнармаваных палавых стасунках.

² Петрабрузіянцы, або генрыхіяне (ад

заснавальніка Пятра з Бруі і Генрыха з Лазаны), – рацыяналістычная секта пачатку XII ст. Верылі ў прадвызначэнне шляху душы пасля смерці, адмаўлялі царкоўныя таінствы і самі храмы, забаранялі пакланяцца крыжам як увасабленню пакуты, з усёй Бібліі прызнавалі толькі Евангеллі.

ходным [29, с. 122]). Карыснымі бачацца яго меркаванні наконт пытання “ерэтычнасці” вальдэнства [30, с. 34–36]. Яго погляды наконт не толькі агульных момантаў, але і некаторых пытанняў унутранай структуры вальдэнскага руху (адміністратыўныя функцыі “сабрата” [30, с. 133]) не страцілі актуальнасці і па сённяшні дзень, праз амаль сто гадоў пасля іх публікацыі.

У другой палове XX ст. сітуацыя значна змяняецца. Адкрывае перыяд самы поўны на сённяшні дзень двухтомны “Збор вальдэнскіх крыніц” да пачатку XIV ст., падабраных, апрацаваных і каментаваных адным з лепшых даследчыкаў нашага часу Ж. Ганэ [31; 32]. Гэтае выданне выпраўляе ўсе недахопы сваіх папярэднікаў: адабраны крыніцы (і нават вытрымкі з іх), датычныя менавіта вальдэнсаў, кожная мае ўступ і тэксталагічны разбор. Па-бачыў свет манументальны збор каментаваных крыніц “Парасткі па гісторыі вальдэнсаў” пад рэдакцыяй А. Пачоўскага і К. - В. Селжа [33]. Прыцягвае ўвагу пераклад на англійскую мову і каментары да найважнейшых з іх у “Ерасях Высокага Сярэднявечча. Выбраныя крыніцы, перакладзеныя і анатаваныя” В. Л. Вакефілда і А. П. Эванса [34]. Таксама пачынаючы з гэтага перыяду выданне і каментаванне крыніцаў робіцца складаючай часткай вальдэнскай гістарыяграфіі, гэтым пытаннем займаюцца такія ж спецыялісты, якія пішуць уласна гістарычныя даследаванні.

Тэматычна большасць работ канца XX ст. была звязана з асобнымі рэгіёнамі і перыядамі ў развіцці руху, хоць пачалі з’яўляцца і праблемныя артыкулы. Напрыклад, праца С. Трыш “Вальдэнскі зварот да гвалту” [35] прымушае адмовіцца ад погляду на сярэднявечных вальдэнсаў як на абсалютных пацыфістаў, прыводзяцца прыклады прымянення гвалту для самаабароны і нават застрашвання ворагаў. Праводзяцца міждысцыплінарныя даследаванні. Нават для абагульняючых прац па гісторыі вальдызму былі характэрны адыход ад разгляду толькі тэалагічна-дактрынальных праблем і зварот да эканамічна-сацыяльных пытанняў. Гэта асабліва яскрава назіраецца ў адной з апошніх буйных абагульняючых прац, падрыхтаваных чэшскім даследчыкам А. Мальнарам: “Гісторыі вальдэнсаў” [36]. Ім разбіраецца сістэма здабывання інквізітарамі грошай з вальдэнсаў, якая працавала дзесяцігоддзямі [36, р. 116].

Значнае месца ў сучасных вальдэнскіх даследаваннях займае гендэрная гісторыя.

Выклікана гэта тым, што ў раннім вальдызме жанчынам таксама дазвалялася прапаведаваць [37, р. 80–81; 38, р. 219]. Актыўна абмяркоўваюцца ролі жанчын-прапаведніц і жанчын – простых верніц у руху, прычыны ўзнікнення і заняпаду гэтага феномену [38; 39; 40; 41; 42].

Асноўнымі сучаснымі цэнтрамі вывучэння вальдызму сталі Германія, Аўстрыя, Францыя і Італія – з прычыны таго, што гісторыя вальдызму з’яўляецца іх роднай гісторыяй, а таксама Англія і Злучаныя Штаты Амерыкі. Пануе плюралізм падыходаў і пунктаў погляду, хоць па-ранейшаму адчуваецца падзел на каталіцкія і пратэстанцкія пазіцыі.

Найбуйнейшым французскім спецыялістам у гісторыі вальдызму на сённяшні дзень з’яўляецца Г. Аўдызіа. Яму належыць кніга “Вальдэнскі рух: пераслед і выжыванне” [43; 44]. Ён па-новаму ставіць пытанні паходжання руху, выбару найбольш прымальнай назвы для заснавальніка руху (Valdès або Vaudès замест прынятага раней у гістарыяграфіі Valdo, [43, р. 9], сувязі руху з іншымі ерэтыкамі. Французскімі навукоўцамі і іх замежнымі калегамі вядзецца актыўная праца па публікацыі (у тым ліку і ў інтэрнэце) інквізітарскіх архіваў [45], напрыклад, Doat 25-26 [46]. Найноўшыя выданні ўтрымліваюць падрабязныя тэксталагічныя разборы і розныя паказальнікі, што дазваляе раскрываць новыя, раней невядомыя аспекты з гісторыі вальдэнсаў і выкарыстоўваць колькасныя метады для апрацоўкі новых дадзеных.

Англамоўная гістарыяграфія прадстаўлена найбольшай колькасцю разнастайных даследаванняў – ад абагульняючых манарграфій да кароткіх вузкасפעцыялізаваных артыкулаў. Прафесар Оксфардскага ўніверсітэта Э. Камеран з’яўляецца аўтарам грунтоўнай англамоўнай працы па гісторыі ранняга этапу вальдэнскага руху “Вальдэнсы: Непрыняцце святой царквы ў сярэднія вякі” [47, р. 57–60]. Менавіта яму належыць пастаноўка найбольш актуальных пытанняў: аб колькасці вальдэнсаў на пачатку іх існавання і аб іх сацыяльным складзе. На жаль, параўнальна невялікі аб’ём работы не дазволіў аўтару разледзець усе аспекты вальдэнскага жыцця падрабязна. Карыстаецца папулярнасцю вальдэнскае пытанне і ў такіх буйных спецыялістаў у духоўным жыцці Сярэднявечча, як П. Білер [48; 49] і Дж. Б. Расел [50]. Цікавыя факты і новыя тэорыі пра вальдэнскі рух утрымліваюць абагульняючыя англамоўныя працы па гісторыі сярэднявечных ерасяў, у якіх той ці іншы

аспект гісторыі вальдэнскага руху раскрываецца ў агульнаеўрапейскім кантэксце [51; 52; 53; 54; 55].

На сёння найбольш поўнай, грунтоўнай і актуальнай работай пра першы этап вальдэнскага руху (пераважна на тэрыторыі Італіі і некаторых французскіх землях) з’яўляецца кніга К. Папіні “Вальдо з Ліёна і бедныя духам: першае стагоддзе вальдэнскага руху (1170–1270)” [56]. Каштоўнасць яго работы палягае ў канчатковым пераадоленні “канфесійнага” падыходу да даследавання вальдэнскай гісторыі, непразраўнага параўнання Вальдо і Францыска з Асізі. Акрамя даследавання непасрэдна гісторыі Італіі, італьянскія навукоўцы займаюцца распрацоўкай пытанняў існавання вальдэнсаў у іншых землях, у тым ліку і ў сучаснай Расіі. К. Дж. Дэ Мікеліс вылучае тэзіс пра ўплыў вальдэнсаў на ерась “жидовствующих” у Вялікім Ноўгарадзе [57; 58]. З актыўных сучасных спецыялістаў трэба вылучыць Ф. Таску, якая паралельна з даследчыцкай дзейнасцю займаецца арганізацыяй навуковых канферэнцый і семінараў, выданнем часопісаў і музейнай дзейнасцю [59; 60]. На наш погляд, найбош значным яе даследаваннем з’яўляецца аналіз аповеду Лаонскай хронікі пра “зварот” Вальдо, які традыцыйна ўспрымаецца ў гістарыяграфіі некрытычна. Ф. Таска прапануе разглядаць яго як збор клішэ, якія павінны былі прывесці чытача да высновы пра Вальдо як пра “блзна”, а не як пра новага апостала [59]. Важным мерапрыемствам у даследаванні сярэднявечнага вальдызму стала правядзенне канферэнцыі, прысвечанай 800-годдзю вальдэнскай сустрэчы ў Бергама (1218–2018, знакавы момант у развіцці руху); матэрыялы выйшлі ў верасні 2019 г. [61].

Нямецкамоўная школа вывучэння гісторыі вальдэнскага руху вядзе свой адлік з XIX ст. і на дадзены момант з’яўляецца адной з самых моцных у свеце. Асабліва варта адзначыць работы А. Пачоўскага, які нават у сваіх абагульняльных працах для Monumenta Germaniae Historica, манаграфіях і артыкулах падрабязна разбірае факты, датычныя вальдэнсаў [62; 63; 64; 65]. Менавіта на базе яго даследаванняў вядуцца сучасныя распрацоўкі па гісторыі вальдэнсаў у Багеміі, Сілезіі і Памераніі, бо ён у сваіх работах прааналізаваў усе даступныя на момант публікацыі крыніцы пра сярэднявечных вальдэнсаў у пазначаных рэгіёнах, зрабіў высновы пра пераважна нямецкае паходжанне ерасі на гэтых землях, сацыяльны склад і адрозныя рысы

веравучэння. Спецыфікай сучасных даследаванняў з’яўляецца вывучэнне вальдэнскай абшчыны канкрэтнага невялікага рэгіёна; найбольш грунтоўнымі з’яўляюцца работы Г. Мадэціна і К. Утц-Трэмп, якія датычацца інквізіцыйных працэсаў супраць вальдэнсаў і ведзьмаў канца XIV – пачатку XV ст., што актуалізуе пытанне ўзаемазвязей гэтых дзвюх груп [66; 67; 68; 69; 70].

У асобную групу можна вылучыць вывучэнне вальдэнскіх абшчын на тэрыторыі сучасных Польшчы, Чэхіі (у лацінамоўных крыніцах таго часу – Багеміі) і Венгрыі. З чэшскіх даследчыкаў самая грунтоўная праца належыць Р. Галінцы [71], якая была напісана ў папярэднім перыядзе – першай палове XX ст. Яна ўяўляе сабой кароткае (каля 150 старонак) апісанне вальдэнскай прысутнасці на поўдні сучаснай Чэхіі. Самым каштоўным у ёй можна назваць публікацыю спісу вальдэнскіх вераванняў [71, р. 175–181]. З апошняга варта адзначыць артыкул Е. Далэжалавай [72], дзе аўтар пасля статыстычнага аналізу інквізітарскіх крыніц прыходзіць да нечаканай высновы, што калі параўнаць адносную колькасць ерэтыкоў на душу насельніцтва, то ў Чэхіі інквізітар Гал з Касорыц выкрыў больш вальдэнсаў, чым Бернард Гі на поўдні Францыі – вызнаным ерэтычным цэнтры [72, р. 301]. У Польшчы найбольш аўтарытэтнымі аўтарамі з’яўляюцца Ст. Быліна [73; 74] і Я. Шыманьскі [75; 76], якія актыўна займаюцца вывучэннем гісторыі хрысціянства на польскіх землях. М. Агурэк прысвяціла сваю дысертацыю сярэднявечным польскім вальдэнсам у Сілезіі [77]. Праблема гэтых прац палягае ў тым, што яны фактычна пашыраюць невялікую публікацыю К. Дабравольскага “Першыя ерэтычныя секты ў Польшчы”, напісаную яшчэ ў 1924 г. [78]. Можна адзначыць, што вальдэнсы “Заходняй Польшчы” – Сілезіі і Памераніі – разгледжаны дастаткова грунтоўна сіламі вышэйпазначаных нямецкіх і польскіх аўтараў, а вось стан даследавання іх прысутнасці або адсутнасці на цэнтральных польскіх землях застаецца на ўзроўні прац 100-гадовай даўнасці.

Вывучэнне вальдэнсаў Венгрыі з-за іх нешматлікасці развіта значна менш, але варта назваць аўтара спецыялізаванага артыкула на гэту тэму Г. Хамана [79]: прааналізаваны ўсе зафіксаваныя выпадкі іх узгадак на венгерскіх тэрыторыях і інквізітарскія працэсы мяжы XIV і XV ст. Далейшыя даследаванні не працягваюцца, хутчэй за ўсё, з-за вычарпанасці даступных крыніц. З аўтараў – не ўраджэнцаў

названых краін асабліва вызначыўся італьянец Р. Чэнья, чыя сфера навуковых інтарэсаў якраз палягае ў гісторыі вальдызму напярэдадні ўзнікнення гусізму [80; 81]. Узаемасувязь гэтых двух рухаў з’яўляецца галоўным пытаннем для ўсёй не толькі рэлігійнай, але і ў цэлым духоўнай гісторыі рэгіёна, бо вальдэнсаў часта пазіцыянуюць як папярэднікаў і натхняльнікаў гусізму, тых, хто здзяйсняў для абшчын Чэшскіх братоў першае рукапалажэнне. Але ў далейшым больш моцны і шматлікі гусіцкі рух фактычна паглынуў рух вальдэнскі.

Нягледзячы на такую разнастайнасць, дагэтуль адсутнічаюць грунтоўныя абагульняльныя працы па гісторыі цэнтральнаеўрапейскага вальдызму, якія б уключалі ў сябе гісторыю вальдэнскага руху ад пачатку XIII ст. да пачатку XV ст., выкладзеную на агульнагістарычным фоне. Вышэйпазначаныя творы – гэта вузкаспецыяльныя па тэматыцы або рэгіёне кнігі і артыкулы. Даследаванне ж Р. Галінкі было напісана амаль 100 гадоў таму; за гэты час былі адкрыты новыя крыніцы, статыстычныя метады гістарычнай навукі (выкарыстаныя ў тым ліку Е. Далэжалавай і Дж. Гіўнам [82]) дазволілі раскрыць новыя тэндэнцыі і факты гендэрнага складу ерэтыкоў (жанчын аказалася менш, чым гэта прынята лічыць [82, р. 227]), суровасці пакарання (колькасць спаленых таксама адносна невысокая [82, р. 222]) і інш. Напісанне такой абагульняючай работы з улікам новых дадзеных павінна карэнным чынам змяніць наша ўяўленне пра ерэтычныя рухі ў Цэнтральнай Еўропе, якія дагэтуль існуюць у цяні гусізму.

Пачынаючы з XI ст. вальдэнсы мелі запісаную легенду аб пачатках сваёй гісторыі (т. зв. “Кнігу Выбраных” (Liber Electorum)), якая, хутчэй за ўсё, была створана ў Італіі. У італьянскім горадзе Торэ Пелічэ (Torre Pellice) правінцыі П’эмонт на дадзены момант знаходзіцца цэнтр вальдэнскага руху. Там існуе іх навуковае перыядычнае выданне “Бюлетэнь таварыства вывучэння вальдэнсаў” (Bollettino della Società di Studi Valdese, з 2016 г. выходзіць пад назвай “Рэфармацыя і рэлігійныя рухі” (Riforma e movimenti religiosi)), дзе публікуюцца актуальныя даследаванні па гісторыі не толькі вальдэнскага, але і іншых ерэтычных рухаў, а таксама пратэстантызму. З 1985 г. Фонд вальдэнскага культурнага цэнтра (Fondazione Centro Culturale Valdese) выдае навукова-папулярны часопіс

“La beidana”¹. З канца XIX ст. у рэгіёне гістарычнага рассялення вальдэнсаў “Вальдэнскія даліны” (“Valli valdesi”, на захадзе П’эмонта) існуе сістэма музеяў, прысвечаных гісторыі і культуры вальдэнсаў. Найбуйнейшы – “Вальдэнскі гістарычны музей” (“Museo Storico Valdese”), рэструктураваны і ўзбудзены ў 2018 г. У Турыне, сталіцы правінцыі, працуе выдавецтва “Claudiana” (апошнія выданні па перыядзе [83, р. 102]). Маецца вышэйшая навучальная ўстанова – Факультэт вальдэнскай тэалогіі, якая была перанесена з Фларэнцыі ў Рым сынам вядомага вальдэнскага гісторыка і святара Эмілія Комба – Эрнэста Комба. Іх кнігі да сярэдзіны XX ст. з’яўляліся афіцыйным поглядам саміх вальдэнсаў на сваю гісторыю як на гісторыю сапраўднай хрысціянскай царквы сярод ганенняў няпраўды [84; 85]. Пытаннімі гістарыяграфіі першых вальдэнсаў займаецца Гр. Дж. Мерло, гэтаму ён прысвяціў двухтомнік “Вальдэнсы і сярэднявечныя вальдызмы” і некалькі асобных артыкулаў [86; 87; 88]. Менавіта гэты даследчык з’яўляецца аўтарам тэзіса пра раздробленасць вальдэнскага руху ў сярэднявечнай Еўропе [87, р. 142].

У апошнія два дзесяцігоддзі ў заходняй гістарычнай навучы назіраюцца дзве выразныя тэндэнцыі: “вяртанне” вальдэнсаў у гістарычны кантэкст – даследаванні адыходзяць ад разбору непасрэдна асаблівасцей вальдэнскага руху і акцэнтуюцца на ўключэнні яго ў агульнагістарычныя рэаліі, а таксама знікае карэляцыя паміж паходжаннем даследчыка, мовай работы і тэрытарыяльнай прывязкай даследавання [89; 90; 91; 92; 93].

У рамках савецкай гістарыяграфіі не было створана спецыяльных прац, прысвечаных вальдэнсам, але яны прама ці ўскосна ўзгадваюцца ў даследаваннях па гісторыі сярэднявечнага хрысціянства. Што датычыцца вальдэнсаў, то навукоўцы СССР перанялі тэзіс Ф. Энгельса пра тое, што вальдэнская ерась – гэта “рэакцыя патрыярхальных альпійскіх пастухоў на пранікненне да іх феадалізму” [94, с. 34]. Асноўная ўвага надавалася ўзаемасувязям ерэтычных і народных рухаў [95], ролі беднасці і апазіцыі Рымскай каталіцкай царквы як феадальнаму інстытуту [96, с. 126–127 і далей]. Згадваюцца вальдэнсы ў савецкіх

¹ La beidana – сельскагаспадарчы інструмент тыпу секатара, выкарыстоўваюцца для высякання падлеску, а таксама як зброя ў Вальдэнскіх далінах. Стаў сімвалам супрацьстаяння правячай Савойскай дынастыі і пратэстанцкага насельніцтва П’эмонта з XVII ст.

абагульняючых працах па гісторыі царквы ці папства, але гэтыя працы не даюць ніякіх новых фактаў і не ўтрымліваюць новых тэарэтычных абагульненняў [97; 98; 99]. Да таго ж некаторыя з іх паўтараюць распаўсюджаную памылку пра тоеснасць катараў і вальдэнсаў [100, с. 32; 101, с. 55], абвергнутую нават у рускамоўнай гістарыяграфіі яшчэ да рэвалюцыі [102, с. 173].

У беларускай гістарыяграфіі вальдэнскае пытанне ўвогуле не ўздымаецца, бо тэма сярэднявечных ерасяў у Беларусі амаль не распрацавана.

Заклучэнне

Такім чынам, гістарыяграфія вальдэнсаў у сваім развіцці прайшла доўгі шлях ад інструмента рэлігійнай палемікі да паўнаважнага раздзелу гістарычнай навукі. На дадзены момант даследаваннямі ахлоплены ўсе галіны існавання вальдэнскай абшчыны: не толькі дагматыка і храналагічная паслядоўнасць падзеяў, але і структура абшчыны, роля жанчыны ў вальдэнскім руху, сувязь развіцця і распаўсюджвання руху з агульнагістарычнымі падзеямі.

Цікавымі з'яўляюцца тэндэнцыі рэгіянальнага размеркавання вывучэння вальдэзму. Вывучэнне вальдэнсаў у сучаснай Італіі, Францыі, Германіі і Швейцарыі можна разглядаць як частку "аічыннай гісторыі". Тое самае датычыцца і прац нямецкамоўных даследчыкаў па вальдэнскіх абшчынах у Польшчы і Чэхіі, бо іх членамі былі пераважна нямецкія каланісты. У гэтым шэрагу асабліва вылучаецца англамоўная гістарыяграфія, якая імкліва развілася ад тэндэнцыйных палемічных работ пратэстанцкіх пастараў да высоканавуковых даследаванняў. З другой паловы XX ст. мова даследавання і паходжанне яе аўтара больш не звязаны з рэгіёнам яго даследаванняў.

Выклікае аптымізм тое, што ў XXI ст. з'явілася шмат міжгаліновых работ, якія дазваляюць больш глыбока і рознабакова разгледзець вальдэнскую гісторыю. Спадзяёмся, што ў хуткім часе выйдучь абагульняючыя працы, якія будуць улічваць увесь назапашаны матэрыял апошніх дзесяцігоддзяў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Wingerd, J.* "Poor Preaching Protestants": a brief discussion of the Waldenses [Electronic resource] / J. Wingerd // Academia. – Mode of access: https://www.academia.edu/11593267/Poor_Preaching_Protestants. – Date of access: 26.08.2016.

2. *Merlo, G. G.* Eretici ed eresie medievali / G. G. Merlo. – Bologna : Il Mulino, 1989. – 145 p.

3. *Volpe, G.* Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale Italiana (secoli XI–XIV) / G. Volpe. – Roma : Donzelli Editore, 1997. – 267 p.

4. *Russel, J. B.* A history of medieval Christianity: prophecy and order / J. B. Russel, D. W. Lumsden. – New York : Peter Lang, 2000. – VIII. – 205 p.

5. *Володина, А. В.* Общины "paupers catholici" и "paupers reconciliati" в рамках религиозного подъёма второй половины XI – первой половины XIII века / А. В. Володина // Bractwa religijne w średniowieczu i w okresie nowożytnym (do końca XVIII wieku) / red.: D. Burdzy, B. Wojciechowska. – Kielce, 2014. – S. 19–31.

6. *Володина, А. В.* Уставы вальденсийских обществ и францисканского ордена: общее и особенное [Электронный ресурс] / А. В. Володина // ЛОМОНОСОВ – 2011 : материалы Междунар. молодеж. науч. форума, Москва, 11–15 апр. 2011 г. / отв. ред.: А. И. Андреев [и др.]. – М., 2011. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

7. *Sundstedt, A.* Valdes, der Ketzerprediger / A. Sundstedt. – Kreuzlingen : Dynamis-Verl., 1992. – 137 s.

8. *Shogimen, T.* William of Ockham and conceptions of heresy, c. 1250 – c. 1350 / T. Shogimen // Heresy in transition: transforming ideas of heresy in medieval and early modern Europe / ed.: I. Hunter, J. Ch. Laursen, C. J. Nederman. – Burlington, 2005. – P. 59–70.

9. *Strong, C. H.* A brief sketch of the Waldenses / C. H. Strong. – Lawrence : J. S. Boughton, 1893. – 222 p.

10. *Perrin, J. P.* Histoire des Vavdois. Divisee en trois parties [Electronic resource] / G. P. Perrin. – Geneve : Pour Matthieu Berjon, 1618. – Mode of access: https://books.google.by/books?id=ucQAAAAcAAJ&dq=Perrin,+J.+P.+Histoire+des+Vavdois.+Divisee+en+trois+parties&hl=ru&source=gbs_navlinks_s. – Date of access: 11.09.2016.

11. *Benedetti, M.* Fratelli Barlotti, cagnardi, sorelle in Cristo. Identità valdesi nel Quattrocento / M. Benedetti // Boll. della Soc. di Studi Valdesi. – 2016. – № 219. – P. 43–58.

12. *Toti, D.* Sulle prime Historiae di catari e valdesi: dall'unità alla diversità attraverso la repression / D. Toti // Predicazione e repressione. Processi e letteratura religiosa / a cura di A. Girardo e M. Rivoira. – Torino : Claudiana, 2018. – P. 41–64.

13. *Wickham, H. D.* An historical sketch of the Italian Vaudois / H. D. Wickham. – London : Seely, 1848. – XIII. – 232 p.

14. *Gilly, W. St.* Waldensian researches during a second visit to the Vaudois of Piemont: with an introductory inquiry into the antiquity and purity of the Waldensian church / W. St. Gilly. – London : C. J. G. & F. Rivington, 1831. – 626 p.

15. *Muston, A.* The Israel of the Alps: a complete history of the Waldenses and their colonies : in 2 vol. / A. Muston. – [S. l.] : The Baptist Standard Bearer, 2001. – Vol. 2. – 572 p.

16. *Muston, A.* The Israel of the Alps: a complete history of the Waldenses and their colonies : in 2 vol. /

- A. Muston. – [S. I.] : The Baptist Standard Bearer, 2001. – Vol. 1. – 528 p.
17. **Blair, A.** History of the Waldenses: with an introductory sketch of the history of the Christian Churches in the south of France and north of Italy, till these churches submitted to the pope, when the Waldenses continued as formerly independent of the papal see : in 2 vol. / A. Blair. – Edinburgh : A. Black, 1832–1833. – Vol. 1. – 1832. – XVI. – 544 p.
18. **Charvaz, A.** Origine dei Valdesi e carattere delle primitive loro dottrine / A. Charvaz. – Torino : G. Bocca, 1838. – 512 p.
19. **Preger, W.** Beiträge zur Geschichte der Waldesier im Mittelalter / W. Preger // Abh. der Hist. Kl. der Kgl. Bayerischen Akad. der Wiss. – 1875. – Bd. 13. – S. 182–250.
20. **Döllinger, I. von.** Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters / I. von Döllinger. – München : Beck, 1890. – 737 s.
21. **Erbstößer, M.** Ketzer im Mittelalter / M. Erbstößer. – Leipzig : Ed. Leipzig, 1984. – 235 s.
22. **Friess, G. E.** Patarener, Begharden und Waldenser in Oesterreich während des Mittelalters / G. E. Friess // Österr. Vierteljahresschr. für Katholische Theologie. – 1872. – Bd. 11. – S. 209–272.
23. **Haupt, H.** Waldensertum und Inquisition im südöstlichen Deutschland / H. Haupt. – Freiburg : C. B. Mohr, 1890. – IV. – 126 s.
24. **Herzog, J. J.** Die romanischen Waldenser, ihre vorreformatorischen Zustände und Lehren, ihre Reformation im 16. Jahrhundert und die Rückwirkungen derselben, hauptsächlich nach ihren eigenen Schriften dargestellt / J. J. Herzog. – Halle : E. Anton, 1853. – 492 s.
25. **Taylor, C.** Heresy in medieval France: dualism in Aquitaine and the Agenais, 1000–1249 / C. Taylor. – Woodbridge : Boydell & Brewer, 2005. – XI. – 311 p.
26. **Валодзіна, А. В.** Асабліваці з’яўлення, распаўсюджання і дактрыны вальдэнсаў на тэрыторыі сучаснай Польшчы / А. В. Валодзіна // Весн. Полц. гос. ун-та. Сер. А : Гуманитар. науки. – 2016. – № 9. – С. 76–82.
27. **Ronchi de Michelis, L.** Il movimento valdese nella storiografia russa e sovietica / L. Ronchi de Michelis // Boll. della Soc. di Studi Valdesi. – 1978. – №. 144. – P. 71–76.
28. **Осокин, Н.** История альбигойцев и их времени / Н. Осокин. – М. ; Назрань : АСТ, 2000. – 889 с.
29. **Карсавин, Л.** Очерки средневековой религиозности / Л. Карсавин // История ересей : сборник / сост. А. Лактионов. – М., 2007. – С. 9–266.
30. **Карсавин, Л.** Сочинения : [в 2 т.] / Л. Карсавин ; под ред. А. К. Клементьева, С. Ю. Клементьевой. – СПб. : Алстейя, 1997. – Т. 2 : Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. – 418 с.
31. Enchiridion fontium Valdensium: recueil critique des sources concernant les Vaudois au moyen âge : in 2 vol. / a cura di J. Gonnet. – Torino : Claudiana, 1958. – Vol. 1 : Du IIIe Concile de Latran au Synode de Chanforan (1179–1532). – 189 p.
32. Enchiridion fontium Valdensium: recueil critique des sources concernant les Vaudois au moyen âge : in 2 vol. / a cura di J. Gonnet. – Torino : Claudiana, 1998. – Vol. 2 : De la fin du XIIe au début du XIVe siècle. – 197 p.
33. Quellen zur Geschichte der Waldenser / Hrsg.: A. Patschkovsky, K.-V. Selge. – Gütersloh : Mohn, 1973. – 106 S. – (Texte zur Kirchen- und Theologiegeschichte ; H. 18).
34. **Wakefield, W. L.** Heresies of the High Middle Ages : sel. sources transl. a. annot. / W. L. Wakefield, A. P. Evans. – New York ; London : Columbia Univ. Press, 1969. – 865 p.
35. **Treesh, S. K.** The Waldensian recourse to violence / S. K. Treesh // Church History. – 1986. – Vol. 55, № 3. – P. 294–306.
36. **Molnár, A.** Storia dei valdesi : in 2 vol. / A. Molnár. – Torino : Claudiana, 1989. – Vol. 1 : Dalle origini all’adesione alla Riforma. – 377 p.
37. Bernard de Fontcaude. Adversus Waldensium sectam / Bernard de Foncaude // Enchiridion fontium Valdensium: recueil critique des sources concernant les Vaudois au moyen âge : in 2 vol. / a cura di J. Gonnet – Torre Pellice, 1958. – Vol. 1 : Du IIIe Concile de Latran au Synode de Chanforan (1179–1532). – P. 64–90.
38. **Benedetti, M.** The Bible, women heretics, and inquisitors / M. Benedetti // The high Middle Ages / ed. K. E. Børresen, A. Valerio. – Atlanta, 2015. – P. 83–99.
39. **Mick, K.** A bastion of feminine equality? Women’s roles in the Waldensian movement [Electronic resource] / K. Mick // Academia. – Mode of access: https://www.academia.edu/12235874/A_Bastion_of_Feminine_Equality_Womens_Roles_in_the_Waldensian_Movement. – Date of access: 13.08.16.
40. **Pinagro, C.** Eroine marginali nella storia. Donne Valdesi tra storia e storiografia [Electronic resource] / C. Pinagro // SinTesi. – 2007. – Mode of access: https://www.academia.edu/36568848/Eroine_marginali_nella_storia_Donne_Valdesi_tra_storia_e_storiografia. – Date of access: 20.11.20.
41. **Shahar, S.** Women in a medieval heretical sect: Agnes and Huguette the Waldensians / S. Shahar, Y. Lotan. – Woodbridge, Boydell Press, 2001. – XIX. – 184 p.
42. The Bible, Women Heretics, and Inquisitors, in The Bible and the Women, Middle Ages and the Early Modern Era, VI/2: The High Middle Ages, edited by K.E. Børresen, A. Valerio, Atlanta, SBL Press, 2015. – P. 83–99.
43. **Audisio, G.** The Waldensian dissent: persecution and survival, c. 1170 – c. 1570 / G. Audisio. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. – XIII. – 234 p.
44. **Audisio, G.** Waldenser: die Geschichte einer religiösen Bewegung / G. Audisio. – München : Beck, 1996. – 281 s.
45. **Duvernoy, J.** Le registre d’inquisition de Jacques Fournier (évêque de Pamiers): 1318–1325 / J. Duvernoy, E. Le Roy Ladurie. – Berlin ; Boston : W. de Gruyter, 1978. – 1376 p. – (Civili sations et Sociétés ; 43).
46. Inquisitors and heretics in thirteenth-century Languedoc : ed. a. transl. of Toulouse inquisition

- depositions, 1273–1282 / ed.: P. Biller, C. Bruschi, S. Sneddon. – Leiden ; Boston : Brill, 2011. – XV. – 1088 p.
47. **Cameron, E.** Waldenses: rejections of Holy Church in Medieval Europe / E. Cameron. – Malden : Blackwell, 2001. – 336 p.
48. **Biller, P.** Christians and heretics / P. Biller // Cambridge history of christianity : in 10 vol. / ed.: M. M. Mitchell [et al.]. – Cambridge, 1987. – Vol. 4 : Christianity in Western Europe c. 1100 – c. 1500 / ed.: M. Rubin, W. Simons. – P. 170–186.
49. **Biller, P.** The Waldenses, 1170–1530: between a religious order and a church / P. Biller. – Aldershot : Ashgate variorum, 2001. – XXI. – 320 p.
50. **Russel, J. B.** A history of medieval Christianity: prophecy and order / J. B. Russel, D. W. Lumsden. – New York : Peter Lang, 2000. – VIII. – 205 p.
51. **Kieckhefer, R.** Repression of heresy in medieval Germany / R. Kieckhefer. – Liverpool : Liverpool Univ. Press, 1979. – XIV. – 160 p.
52. **Kienzle, B. M.** Cistercians, heresy and crusade in Occitania, 1145–1229: preaching in the Lord's vineyard / B. M. Kienzle. – Woodbridge : York Medieval Press, 2001. – 256 p.
53. **Lambert, M. D.** Medieval heresy: popular movements from the Gregorian reform to the Reformation / M. D. Lambert. – 3rd ed. – Oxford : Blackwell Publ., 2002. – 504 p.
54. **Leff, G.** Heresy in the later Middle Ages: the relation of heterodoxy to dissent, c. 1250 – c. 1450 / G. Leff. – Manchester : Manchester Univ. Press, 1999. – 800 p.
55. **Moore, R. I.** The formation of a persecuting society: authority and deviance in Western Europe 950–1250 / R. I. Moore. – Carlton : J. Wiley, 2008. – 240 p.
56. **Papini, C.** Valdo di Lione e i poveri nello spirito : il primo secolo del movimento valdese (1170–1270) / C. Papini. – Torino : Claudiana, 2002. – 549 p.
57. De Michelis, C. G. Il valdismo e le terre Russe / C. G. De Michelis // Rev. de l'Histoire des Religions. – 2000. – T. 217, № 1 : Les vaudois. – P. 140–153.
58. De Michelis, C. G. La Valdesia di Novgorod: "giudaizzanti" e prima riforma : con un'appendice di studi e testi / C. G. De Michelis. – Torino : Claudiana, 1993. – 263 p.
59. **Tasca, F.** La prima predicazione di Valdo? Riflessioni sul "Chronicon Universale" di Laon / F. Tasca // Predicazione e repressione. Processi e letteratura religiosa / a cura di A. Giraud e M. Rivoira. – Torino : Claudiana, 2018. – P. 181–201.
60. **Tasca, F.** La famiglia dell'eretico: dalla normalità all'esclusione. Una fonte emblematica / F. Tasca // Verwandtschaft, Freundschaft, Bruderschaft: soziale Lebens- und Kommunikationsformen im Mittelalter / Hrsg. G. Krieger. – Berlin, 2009. – S. 330–342.
61. Maggio 1218: il colloquio di Bergamo. Un dibattito agli inizi della storia valdese / a cura di F. Tasca. – Torino : Claudiana, 2020. – 217 p.
62. **Patschovsky, A.** Der Passauer Anonymus. Ein Sammelwerk über Ketzer, Juden, Antichrist aus der Mitte des 13. Jahrhunderts / A. Patschovsky. – Stuttgart : A. Hiersemann, 1968. – XI. – 208 s. – (Schriften der Monumenta Germaniae Historica ; 22).
63. **Patschovsky, A.** Die Anfänge einer ständigen Inquisition in Böhmen : ein Prager Inquisitoren-Handb. aus der ersten Hälfte des 14. Jh. / A. Patschovsky. – Berlin : Walter de Gruyter, 1975. – 319 s.
64. **Patschovsky, A.** The literacy of Waldensianism from Valdes to c. 1400 / A. Patschovsky // Heresy and literacy, 1000–1530 / ed.: P. Biller, A. Hudson. – Cambridge, 1996. – P. 112–136.
65. **Patschovsky, A.** Waldenserverfolgung in Schweidnitz 1315 / A. Patschovsky // Dt. Arch. für die Erforschung des Mittelalters. – 1980. – № 36. – S. 137–176.
66. **Modestin, G.** Der Augsburger Waldenserprozess und sein Strassburger Nachspiel (1393–1400) / G. Modestin // Ztschr. des Hist. Vereins für Schwaben. – 2011. – Bd. 103. – S. 43–68.
67. **Modestin, G.** The Metamorphoses of the Anti-Witchcraft Treatise Errores Gazariorum (15th Century) / G. Modestin // Demonology and Witch-Hunting in Early Modern Europe / ed. by J. Goodare, R. Voltmer, and L. H. Willumsen. – Oxon, 2020. – P. 49–64.
68. **Soukup, P.** Die Waldenser in Böhmen und Mähren im 14. Jahrhundert / P. Soukup // Friedrich Reiser und die "waldensisch-hussitische Internationale" im 15. Jahrhundert : Akten der Tagung Ötisheim-Schönenberg, 2. bis 4. Okt. 2003 / Hrsg.: A. de Lange, K. Utz-Tremp. – Heidelberg, 2006. – S. 131–160.
69. Utz Tremp, K. Quellen zur Geschichte der Waldenser von Freiburg im Üchtland (1399–1439) / K. Utz Tremp. – Hannover : Hahn, 2000. – X. – 837 s. – (Monumenta Germaniae Historica. Quellen zur Geistesgeschichte des Mittelalters ; Bd. 18).
70. Utz Tremp, K. Von der Häresie zur Hexerei: Waldenser- und Hexenverfolgungen im heutigen Kanton Freiburg (1399–1442) / K. Utz Tremp // Schweiz. Ztschr. für Geschichte. – 2002. – Bd. 52. – S. 115–121.
71. **Holinka, R.** Sektářství v Čechách před revolucí husitskou / R. Holinka // Sb. Filosofické Fakulty Univ. Komenského. – Bratislava, 1929. – Roč. 6, № 3. – S. 34–181.
72. **Doležalová, E.** The inquisition in medieval Bohemia: national and international contexts / E. Doležalová // Heresy and the making of European culture / ed.: A. P. Roach, J. R. Simpson. – Farnham, 2013. – P. 299–311.
73. **Bylina, S.** Heretycy w społeczeństwie. Świadectwo czeskich źródeł inkwizycyjnych z XIV wieku / S. Bylina // Kwart. Hist. – 1982. – R. 89, № 1. – P. 105–117.
74. **Bylina, S.** Wizerunek heretyka w Polsce późnośredniowiecznej / S. Bylina // Odrodzenie i Reformacja w Polsce / Pol. Akad. Nauk, Inst. Historii. – Warszawa, 1985. – T. 30. – S. 5–24.
75. **Szymański, J.** Articuli secte Waldensium na tle antyheretyckich zbiorów rękopiśmiennych Biblioteki Uniwersytetu Wrocławskiego / J. Szymański // Studia Źródłoznawcze / Pol. Akad. Nauk, Inst. Historii. – Warszawa, 2004. – T. 42. – S. 85–96.

76. *Szymański, J.* Ruchy heretyckie na Śląsku w XIII i XIV wieku / J. Szymański. – Kraków : Inst. Książki, 2007. – 222 s.
77. *Ogórek, M.* Beginki i waldensi na Śląsku i Morawach do końca XIV wieku / M. Ogórek. – Racibórz : Wydaw. i Agencja Informacyjna WAW Grzegorz Wawoczny, 2012. – 291 s.
78. *Dobrowolski, K.* Pierwsze sekty religijne w Polsce / K. Dobrowolski. – Kraków : Krakowska Spółka Wydawnicza, 1925. – 44 p.
79. *Hammann, G.* Waldenser in Ungarn, Siebenbürgen und der Slowakei / G. Hammann // Ztschr. für Ostforschung: Länder u. Völker im Östlichen Mitteleuropa. – 1971. – Bd. 20, № 3. – S. 428–441.
80. *Cegna, R.* Eresie e movimenti religiosi in Polonia e in Boemia–Moravia nel Medioevo (Repubblica Ceca) / R. Cegna // Boll. della Soc. di Studi Valdesi. – 1994. – № 174. – P. 109–125.
81. *Cegna, R.* Il volto cattolico della contestazione ussito-valdese e le sue origini germaniche / R. Cegna // Boll. della Soc. di Studi Valdesi. – 1974. – № 136. – P. 37–42.
82. *Given, J.* A Medieval inquisitor at work: Bernard Gui, 3 March 1308 to 19 June 1323 / J. Given // Portraits of medieval and renaissance living : essays in memory of D. Herlihy / ed.: S. K. Cohn, S. A. Epstein, D. Herlihy. – Ann Arbor, 1996. – P. 207–232.
83. *Bertolin, S.* Processi per stregoneria in Val d'Aosta (1398–1434) / S. Bertolin // Predicazione e repressione. Processi e letteratura religiosa / a cura di A. Giraud e M. Rivoira. – Torino : Claudiana, 2018. – P. 79–88.
84. *Comba, E.* Breve storia dei valdesi / E. Comba, L. Santini. – 5. ed., riv. – Torino : Claudiana, 1966. – 188 p.
85. *Comba, E.* History of the Waldenses of Italy: from their origin to the Reformation / E. Comba, T. E. Comba. – London : Truslove & Shirley, 1889. – 357 p.
86. *Merlo, G. G.* Identità valdesi nella storia e nella storiografia : studi e discussioni / G. G. Merlo. – Torino : Claudiana, 1991. – 180 p.
87. *Merlo, G. G.* Itinerari e proposte di ricerca / G. G. Merlo. – Torino : Claudiana, 1984. – 158 p.
88. *Merlo, G. G.* Pauperes spiritu valdesi / G. G. Merlo // Boll. della Soc. di Studi Valdesi. – 2016. – № 219. – P. 15–26.
89. *Ames, C. C.* Obeying God, Not Man: Heresy, Inquisitors, and Obedience in the Dominican Order / C. C. Ames // Making and Breaking the Rules: Discussion, Implementation, and Consequences of Dominican Legislation / ed. C. Linde. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – P. 37–58.
90. *Feuchter, J.* All'ombra dei catari. Valdesi in Linguadocia (1200–1330) / J. Feuchter // Valdesi medievali. Bilanci e prospettive di ricerca / M. Benedetti. – Torino : Claudiana, 2009. – P. 53–60.
91. *Nowell, P.* Burning the Bible: Heresy and Translation in Occitania 1229–1250 [Electronic resource] / P. Nowell // Academia. – Mode of access: https://www.academia.edu/7883083/Burning_the_Bible_Heresy_and_Translation_in_Occitania_1229_1250. – Date of access: 20.11.20.
92. *Tolonen, P.* Medieval memories of the origins of the Waldensian movement / P. Tolonen // History and Religion Narrating a Religious Past // ed. by B.-C. Otto, S. Rau and J. Rüpke with the support of A. Quero-Sánchez. – Berlin – Boston : De Gruyter, 2015. – P. 165–187.
93. *Välimäki, R.* Imagery of disease, poison and healing in the late fourteenth-century polemics against Waldensian heresy / R. Välimäki // Infirmity in Antiquity and the Middle Ages: Social and Cultural Approaches to Health, Weakness and Care. – Routledge, 2016. – P. 137–152.
94. *Энгельс, Ф.* Крестьянская война в Германии / Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1952. – XII. – 184 с.
95. *Рутенбург, В. И.* Народные движения в городах Италии, XIV – начало XV в. [Electronic resource] / В. И. Рутенбург. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 383 с. – Mode of access: http://istmat.info/files/uploads/28250/popular-movements-italy_xiv-xv-s_v-i-rutenberg_1958.pdf. – Date of access: 11.10.2020.
96. *Сказкин, С. Д.* Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века : материалы науч. исслед. / С. Д. Сказкин. – М. : Наука, 1981. – 295 с.
97. *Бедуелл, Г.* История церкви [Электронный ресурс] : пер. с фр. / Г. Бедуелл. – М. : Христиан. Россия, 1996. – Режим доступа: <http://agnuz.info/app/webroot/library/94/185>. – Дата доступа: 13.08.2017.
98. *Гергей, Е.* История папства / Е. Гергей ; пер. с венг. О. В. Громова. – М. : Республика, 1996. – 463 с.
99. *Лортц, Й.* История церкви, рассмотренная в связи с историей идей [Электронный ресурс] / Й. Лортц. – М. : Христиан. Россия, 1999. – Режим доступа: http://krotov.info/spravki/1_history_bio/20_bio/lorz.html. – Дата доступа: 13.08.2017.
100. *Керов, В. Л.* Народные восстания и еретические движения во Франции в конце XIII – начале XIV века / В. Л. Керов. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1986. – 134 с.
101. *Нефедов, С. А.* История средних веков / С. А. Нефедов. – М. : ВЛАДОС, 1996. – 363 с.
102. *Арсеньев, И.* От Карла Великого до Реформации: исторические исследования о важнейших реформационных движениях в западной церкви в течение восьми столетий / прот. И. Арсеньев. – М. : Типолитограф. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1913. – IV. – 683 с.

Паступіў у рэдакцыю 11.03.2021 г.
Кантакты: a.v.valodzina@gmail.com
(Валодзіна Аляксандра Вадзімаўна)

Valodzina A. V. HISTORIOGRAPHY OF THE WALDENSIANS IN SPACE AND TIME: MAIN DEVELOPMENT TRENDS FROM THE BEGINNING TO THE PRESENT DAY.

The article focuses on the historiography of the Waldensians, beginning with the religious polemic between Protestants and Catholics in the early XVI century and up to the latest works. The emphasis is placed on the regional and chronological peculiarities of the research works. Initially, the scholars viewed the Waldensians as the forerunners of Protestantism, but gradually, as the German researchers accumulated sources in the XIX century and the French researchers made their sci-

entific publications in the XX century, the Waldensians took their place among other religious movements of the Middle Ages. In the XXI century, the research of the Waldensian movement focuses on narrow problems and is included into the pan-European context. There is a lack of up-to-date generalizing works.

Keywords: Waldensians, heretics, Catholic Church, Reformation, historiography, religious polemic.

Region	French-speaking areas	Italy	England (and US)	German-speaking areas
First works	1618 J. P. Perrin "Histoire des Vavdois"			
XIX		A. Charvaz G. Amati	W. St. Gilly ¹ . A. Muston ² A. Blair ³	Ignaz von Döllinger Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters H. Haupt W. Preger. Beiträge zur Geschichte der Waldesier im Mittelalter
XX	Jean Gonnet Enchiridion fontium Waldensium Amedeo Molnár	Ernaesto & Emilio Comba R. Manselli G. Tourn L.Zanoni		Alexandr Patschovsky Kurt-Victor Selge M. Erbstösser D. Kurze
XXI	Gabriele Audisio Pierrette Paravy	Marina Benedetti Francesca Tasca Grado Giovanni Merlo Carlo Papini	Peter Biller Euan Cameron Catherina Bruschi R. Välimäki	George Modestin K. Utz Tremp
		Bollettino della Società di Studi Valdesi Fondazione Centro Culturale Valdese Facoltà Valdese di Teologia di Roma		

Czech Republic	Poland	Russia	Belarus	Other
		Лев Платонович Карсавин Н.Осокин		
R. Holinka Romolo Cegna (ital.) Alexandr Patschovsky	1924 K. Dobrowolski Stanislaw Bylina D. Kurze Alexandr Patschovsky W. Swoboda			Waldenser in Ungarn, Siebenbürgen und der Slowakei
Amedeo Molnár Eva Doležalová	M. Ogórek Jaroslaw Szymański		A.В. Валодзіна	

¹ Waldensian researches during a second visit to the Vaudois of Piemont: with an introductory inquiry into the antiquity and purity of the Waldensian church

² The Israel of the Alps: a complete history of the Waldenses and their colonies

³ History of the Waldenses: with an introductory sketch of the history of the Christian Churches in the south of France and north of Italy, till these churches submitted to the pope, when the Waldenses continued as formerly independent of the papal see

УДК 748.035(476)

**ШКЛЯНЫЯ ВЫРАБЫ
НАЛІБОЦКАЙ І УРЭЦКАЙ
МАНУФАКТУР
(XVIII – першая палова XIX ст.)**

Я. У. Макоўская

аспірант

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Артыкул прысвечаны малавядомаму сюжэту гісторыі беларускага народа – вытворчасці мастацкага шкла на вятчынных мануфактурах роду Радзівілаў у XVIII – першай палове XIX ст. У тэксце разглядаюцца характэрныя рысы вырабаў шкляных мануфактур Урэчча і Налібак, вызначаюцца іх тэхнічныя і дэкаратыўныя адметнасці. Аўтар вылучае асаблівыя формы посуду, якія склаліся на тэрыторыі сучаснай Беларусі і былі распрацаваны мясцовымі майстрамі. Даследаванне падкрэслівае ўнікальнасць урэцка-налібоцкага шкла, неабходнасць вылучэння яго асаблівага месца ў гісторыі мастацкага шкларобства нашай краіны і Заходняй Еўропы.

Ключавыя словы: мастацкае шкларобства; урэцка-налібоцкае шкло; шкляныя мануфактуры Радзівілаў; карафка.

Уводзіны

Мастацкае шкло – неверагодная раскоша, якую можа дазволіць сабе далёка не кожны. Такая каштоўнасць шкляных вырабаў абумоўлена іх крохкасцю і складанасцямі працэсу вытворчасці. Не дзіўна, што найлепшыя ў свеце прыклады шкляных вырабаў (Муранскае шкло, Багемскі крышталі і г. д.) былі вынайзлены ў часы эканамічнай і палітычнай стабільнасці і росквіту. Беларускія землі не сталі выключэннем з гэтага правіла. Нягледзячы на той факт, што гутная справа вядома тут ажно з XII ст., сваёй максімальнай вядомасці і прызнання беларускае шкло дасягнула ў часы эканамічнай стабільнасці, якая прыпала на XVIII ст.

XVIII ст. – час росквіту фальварачнай сістэмы, пашырэння таварна-грашовых адносін і павышэння матэрыяльнага стану насельніцтва. Асабліва хутка назапашвалі багацце землеўласнікі-феадалы. Менавіта ў гэты перыяд адбылася канцэнтрацыя буйнога капітала ў іх руках. Заможныя гараджане актыўна шукалі спосабы для захавання і павелічэння свайго дастатку. Такім спосабам для мясцовай шляхты сталі мануфактуры, у тым ліку і ў галіне вытворчасці шкла.

Да гэтага часу вышэйшыя колы грамадства Рэчы Паспалітай карысталіся замежным шклом, імпартуючы посуд з зямель сучасных Германіі і Чэхіі. Гэта цягнулася да таго часу, пакуль Ганна Радзівіл не заснавала ў сваіх уладаннях шкляныя мануфактуры ў вёсцы Налібакі і мястэчку Урэчча [1, арк. 42]. І сёння шкло, якое выраблялася ва ўладаннях Радзівілаў, завецца ўрэцка-налібоцкім – па назве тых прадпрыемстваў, дзе яно стваралася. За больш чым стогадовую гісторыю існавання гэтых прадпрыемстваў ім удалося не толькі забяспечваць шклянымі вырабамі тэрыторыю Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага, але і выйсці на замежны рынак. Шкло з Налібак і Урэчча экспартавалася ў Пецябург, Чарнігаў, Кіеў, Гданьск, Кракаў [2, с. 28–29].

Што ж садзейнічала такой папулярнасці шкла Радзівілаўскіх мануфактур? Чым яно прыцягвала пакупнікоў і калекцыянераў у тыя часы, а гісторыкаў і мастацтвазнаўцаў зараз?

Асноўная частка

Вядома, што першапачаткова на Налібоцкай і Урэцкай мануфактурах капіравалі вырабы заходнееўрапейскіх прадпрыемстваў. Гэтаму садзейнічалі не толькі густы Радзівілаў і іх шляхетных сяброў, але і значная дапамога замежных спецыялістаў у арганізацыі першай шкляной “фабрыкі”. Узорам для заснавання прадпрыемства стала Дрэздэнская каралеўская мануфактура, а першымі майстрамі былі запрошаныя з-за мяжы спецыялісты – Вольфганг Ландграф з Баварыі, француз Канстанцін Фрэмель, саксонцы Георг Хайнц, Крыстаф Дрэер, Георг Унгер і інш. [3, с. 64]. Замежныя працаўнікі прывезлі з сабой не толькі формулу шкломасы, тэхналогію вырабу посуду, але і свае густы, сваё разуменне прыгожага.

Кубкі першых гадоў працы мануфактуры даволі складана адрозніць ад еўрапейскіх. Але ўсё ж такі ёсць шэраг прыкмет, якія выдаюць урэцка-налібоцкае шкло даследчыкам. Такім маркерам з’яўляецца след ад понціі. У краінах Заходняй Еўропы яго імкнуліся схаваць, таму старанна зашліфоўвалі, на ўсходнім шкле ён таксама сустракаецца вельмі рэдка. Прычынай з’яўлення следу ад понціі была тэхналогія вырабу шкляных рэчаў. Яна прадугледжвала выкарыстанне спецыяльнай шкладуўнай трубка – понціі – з дапамогай якой і адбывалася выдзіманне вырабу. Шкло даволі хутка цвярдзела, таму понцію прыходзілася адбіваць ад рэчы, пасля чаго і заставаўся шурпаты след [2, с. 22].

Ён не замінаў эстэтычнаму густу майстроў і пакупнікоў, таму яго проста пакідалі.

Яшчэ адна асаблівасць урэзка-налібоцкага шкла – яго колер. Пясок тых мясцін быў насычаны жалезам, таму “простае” (бясколернае) шкло магло мець ружова-фіялкавае, жаўтаватае, зеленаватае і дымчатае адценне. З гэтай нагоды шкло радзівілаўскіх мануфактур часта дадаткова асвятлялі вокісам марганца. У супрацьвагу бясколернаму шклу “шкло белае” было ідэальнага колеру і адцення.

Нават калі кубкі поўнасьцю капіравалі ў сваіх заходніх суседзяў форму чашы і ступні, вышыню ножкі, размяшчэнне і колькасць аздабленняў на ёй, усё роўна дыяметр ступні кубкаў заўсёды быў большы за дыяметр чашы па вусці на 1–2,5 см, што надавала вырабам від грунтоўнасці і ўстойлівасці. Самымі частымі “формуламі” (вышыня : дыяметр вусця : дыяметр ступні) беларускіх кубкаў былі 15 см : 5,5 см : 7,5 см ці 30 см : 7,5 см : 9 см [2, с. 46, 75–83].

З цягам часу замежных майстроў замянялі мясцовыя. Лічыцца, што ўжо ў 1750-я гады на шкляных мануфактурах рысавальшчыкамі, гутнікамі і шліфоўчыкамі з большага былі мясцовыя спецыялісты. Ва ўсякім разе, дакументы захавалі беларускія імёны: Рыгор Аўчук, Ян Дубіцкі, Міхаіл Караневіч, Пятрук Дошчачка і інш. [4; 5, арк. 30–31]. На мануфактурах нават сфарміраваліся цэлыя сем’і, прадстаўнікі якіх былі патомнымі гравёрамі, мастакамі і г. д. Самымі знакамітымі сем’ямі былі Дубіцкія, Малевічы, Рымашэўскія, Александровічы [2, с. 57–62]. Нядзіўна, што формы вырабаў станавіліся ўсё больш мясцовымі. Майстры шукалі натхнення ў добра вядомым мясцовым посудзе, а аздаблялі вырабы, глядзячы ў вокны на беларускую флору і фауну.

За 150-гадовае існаванне шкляных мануфактур у Налібаках і Урэччы тут былі выпрацаваны некаторыя формы вырабаў, якія ўласцівыя толькі беларускім майстрам-шкларобам. Такія рэчы могуць стаць візітнай карткай беларускага шкла.

Арыгінальнай урэзка-налібоцкай формай з’яўляюцца “куляўкі” – посуд для пітва, які не мае ступні. Фактычна гэта значная па аб’ёме чаша на ножцы. Атрымліваецца, што такі бакал можна паставіць на стол толькі выпішы ўвесь напой да апошняй кроплі. Менавіта таму што паставіць бакал можна толькі перавярнуўшы яго чашай уніз, ён і атрымаў назву “куляўка”. Куляўкі маглі мець выгляд

рога, булавы, гарматы, мядзведзя і іншых прадметаў [2, с. 55].

“Куляўкі” прынята адносіць да пацешнага посуду. У гэтую катэгорыю трапляў увесь посуд, выкарыстанне якога было неабходна для смеху, арганізацыі і захавання вясялага настроя падчас сяброўскіх сутрэч, а функцыя спаталення смагі не з’яўлялася асноўнай. У гэтую ж групу можна аднесці і “дубельты”. Другая назва такіх бакалаў – “блізнякі”. Дубельтовыя бакалы – гэта бакалы, які аб’ядноўваюцца ручкай (вельмі падобныя да гаршка-спарыша) [2, с. 53].

Вядома, што на працягу ўсяго XVIII ст. былі вельмі папулярнымі “пуздэркі” – дарожныя куфэркі, у якіх змяшчаліся розныя наборы посуду. Знутры куфэркі выклеваліся тканінай, а звонку ўпрыгожваліся коўкай і размалёўваліся. Напаўненне пуздэркаў магло быць вельмі розным – ад карафкі і некалькіх шклянак да сапраўдных сталовых сервізаў з рознымі відамі кубкаў і тары для захавання напояў [2, с. 67].

Цікавай з’явай былі “карафкі” (мал. 1) – невысокія, па-мастацку аздобленыя бутэлькі квадратнай ці прамавугольнай формы з вузкім і высокім горлам. Такая форма стала традыцыйнай для беларускіх зямель яшчэ ў XVI ст. Посуд выкарыстоўваўся для захавання напояў, часцей за ўсё алкагольных. Такая піцейная тара вельмі адрознівала нас ад усходніх суседзяў, дзе для гэтых мэт выраблялі плоскія і акруглыя бутэлькі. Новае жыццё ў Расійскай імперыі карафкі атрымалі ў часы кіравання Кацярыны II пад назвай “штофы”, пад гэтым імем яны вядомы і сёння [2, с. 23–24].

Малюнак 1. Карафка. Налібоцкая шкляная мануфактура [6]

Да “беларускіх” формаў таксама можна аднесці слоікі, “жбанкі для кветак”, посуд для захавання алкагольных напояў у выглядзе паменшаных бочачак і бутэлек, посуд у форме жывёл – качак, свінак, курачак [2, с. 52].

Разглядаючы такія формы, неабходна адзначыць, што яны толькі пераклікаліся з народнымі, а не поўнаасцю паўтаралі іх. Таму народнасць беларускіх шклянных вырабаў не трэба перабольшваць. Мы добра разумеем, на каго арыентаваліся мануфактуры. Іх асноўнымі спажыўцамі былі шляхта і заможныя гараджане, а таму галоўную ролю ў аздабленні адыгрывала такая зменлівая з’ява, як мода [7].

Разгледзім аздабленне ўрэзка-налібоцкага шкла. Тут беларускае шкларобства развівалася ў кантэксце агульнаеўрапейскага, імкнулася адпавядаць усім модным павевам і тэндэнцыям таго часу. Таму, як і ў Еўропе, мастацкі дэкор і аздабленне шкляннага посуду падпарадкоўваліся дамінуючым мастацкім стылям у архітэктуры. Час працы шклянных мануфактур Радзівілаў прыпадае на панаванне барока, ракако, класіцызму і нават трохі захоплівае ампір. Усе гэтыя мастацкія стылі ўплывалі на выгляд шклянных вырабаў. Гэтаму садзейнічаў не толькі ўплыў заходнеўрапейскіх майстроў, але і актыўны ўдзел прыдворных архітэктараў Радзівілаў у распрацоўцы форм і дэкораў посуду [6, с. 33].

Кампазіцыя і тэматыка беларускага шкла ў першай палове XVIII ст. падпарадкоўваліся традыцыям, якія прывезлі саксонскія майстры. Вырабы гэтага перыяду вызначаюцца барочнымі рысамі: манументальнасцю формаў, раскошай і пышнасцю аздаблення.

Улюбёны жанр – партрэт. Уся кампазіцыя магла будавацца вакол партрэта княжацкай асобы ці выбітнага дзеяча краіны (вядомы кубкі з партрэтамі Аўгуста III, Міхала Радзівіла). Часта з бакоў размяшчалі пальмавыя або лаўровыя галінкі, гарнастаевыя мантыі, ваенныя аtryбуты, асабліва папулярны быў матыў “трымальнікаў картушу” – сіметрычна размешчаных амураў ці німф [2, с. 63–64].

Асаблівай формай аздаблення посуду былі надпісы. Такое ўпрыгожванне было добра вядома на Беларусі яшчэ ў XVII ст. Гэта маглі быць простыя ініцыялы нейкага чалавека (мал. 2), гербавыя подпісы з імем ці дэвізам. Часта сустракаюцца прывітальныя надпісы з нагоды нейкай падзеі (дня нараджэння, вяселля, перамогі ў бітве), радзей сустракаюцца надпісы-пажаданні і надпісы-парады, тосты, а часам можна знайсці і цэлыя вершы. Што ціка-

ва, аднолькавыя тэксты знайсці вельмі цяжка. Складаецца ўражанне, быццам на кожны выраб рабіўся свой, асобны надпіс. Гэта надае вырабам індывідуальнасць, у адрозненне ад надпісаў заходнеўрапейскіх краін, для якіх характэрна паўтарэнне адных і тых жа тэкстаў [2, с. 55–56].

Малюнак 2. Флет з манаграмай “AR”.
Налібоцкая шклянная мануфактура,
XVIII ст. З калекцыі Нацыянальнага
гістарычнага музея
Рэспублікі Беларусь

У сярэдзіне стагоддзя адчуваюцца стылістычныя змены. На месца рэалістычнасці і пышнасці аздаблення прыходзіць дынамічнасць, вытанчанасць, манернасць ракако. Лініі, галоўнай мэтай якіх раней было рэалістычна паказаць прадмет, становяцца хвалістымі, закручанымі, зусім далёкімі ад рэчаіснасці. Нават форма посуду пачынае набываць хвалісты контур. У гэты перыяд фарміруецца ўнікальная беларуская форма бакалаў з трыма мяккімі, плаўна-цяжучымі выпукласцямі ў дне чашы (мал. 3). Бакалы з такімі кольцамі-складкамі былі настолькі прыгожымі і арыгінальнымі па сваім сілуэце, што часта нават не аздабляліся нічым іншым [2, с. 65].

У кампазіцыйным аздабленні геральдыка і партрэты адыходзяць на другі план, цэнтральнае месца займаюць раслінныя выявы, жывёлы, дынамічныя сцэны з жыцця. Улюбёнымі матывамі становяцца кветкі, галінкі, птушкі, пейзажы і нават архітэктурныя краявіды. Новай з’явай былі жанрава-бытавыя кампазіцыі, якія мелі апавядальны характар [2, с. 65–66].

У канцы XVIII ст. характэрныя асаблівасці стылю ракако пачынаюць слабець, а ў апошнія дзесяцігоддзі знікаюць зусім. На змену ракако

прыходзіць класіцызм. Для новага стылю была характэрна прастата і лаканізм кампазіцый [3, с. 67]. Сапраўдным сімвалам эпохі сталі бакалы і кілішкі з цюльпанападобнымі чашамі на прамой “жэрдкападобнай” ножцы з мінімальным дэкорам (мал. 4).

Малюнак 3. Тоставы келіх з трыма выпукаласцямі ў дне чашы, Налібоцкая шкляная мануфактура [6]

Малюнак 4. Флет на ножцы-дроціку. Другая палова XVIII ст. З калекцыі Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь.

Разам з такімі ўласнавынайздзенымі ўрэзка-налібоцкімі дэкарамі, як “Налібоцкі”, “зорачкі” і “шашачкі” [8, с. 25–27], актыўна выкарыстоўваўся новы стыль дэкаратыўнай шліфоўкі – “у брыльянты”. Ён быў вынайздзены ў Англіі, але захапіў усю Еўропу. Такая шліфоўка складалася з трохвугольнікаў, якія размяшчаліся пад дакладным укланам і злучаліся паміж сабой вяршынямі.

У пачатку XIX ст. прадукцыя стала больш дэмакратычнай, разлічанай на больш шырокае кола пакупнікоў з рознымі патрабаваннямі і эстэтычнымі густамі. Асабліва добра гэта адчуваецца ў памерах посуду. Стандартны памер бакалаў зніжаецца з 30–50 см да 15–20 см, а келіхаў – з 20 да 7–8 см. Мастацкае аздабленне становіцца прасцейшым, знікае ўзнёсласць і манументальнасць [8, стр. 30].

У 20–30-я гг. XIX ст. на змену яснаму і простаму класіцызму прыйшоў ампір. Шкло, зробленае ў стылі ампір, было не багатае на шліфоўку і гравіроўку. Яны замяняліся бронзавымі элементамі ці аправай. Напрыклад, у інвентарах часта ўзгадваюцца фляшы, аплеценыя ажурнымі металічнымі дэкарамі. На Урэцкай мануфактуры нават быў створаны спецыяльны цэх для вытворчасці бронзавых і алавяных дэкараў і ўпрыгожванняў [6, с. 36]. Ампір прынёс з сабой і новыя формы посуду. Так, у гэты перыяд узніклі келіхі з чашай-ладдзёй, жбаны ў форме амфар, высокія вузкія келіхі для шампанскага (флеты) [8, с. 37].

Заклучэнне

Нягледзячы на той факт, што беларускае шкларобства развівалася ў кантэксце агульнаеўрапейскага, можна адзначыць, што шкло, вырабляемае на беларускіх землях у XVIII–XIX стст., мела істотныя адрозненні ад еўрапейскага. Яны праяўляліся ў аздабленні, тэхніцы вытворчасці, формах вырабаў. Урэцка-налібоцкія вырабы мелі наступныя асаблівасці: незашліфаваны след ад понціі на вырабах, невялікія адхіленні ад сіметрыі ў ножках бакалаў, ружова-фіялкавае, жаўтаватае, зеленаватае і дымчатае адценні “простага бясколернага” шкла.

Лёгка прасочваецца і сувязь шкларобства з беларускімі народнымі матывамі, што праяўляецца не толькі ў дэкары (выкарыстанне элементаў “зорачкі”, “шашачкі”, запазычаных з беларускага народнага ткацтва), але і ў форме вырабаў. Пад уплывам гэтай сувязі ў шкларобстве сфарміраваліся ўласнабеларускія формы, да якіх адносяць карафкі, дубельты, куляўкі, а таксама мясцовыя гравіраваныя арнаменты – “налібоцкі”, “у сухарык”.

Стылістыка мясцовых шкляных вырабаў залежыла ад дамінуючага архітэктурнага стылю, што спрашчае атрыбуцыю і датаванне вырабаў. Пачатак працы мануфактур прыйшоўся на панаванне барока. У сярэдзіне стагоддзя яму на змену прыходзіць ракако – стыль, які пануе да апошняга дзесяцігоддзя

XVIII ст., з яго дынамічнасцю, вытанчанасцю, манернасцю. На стыку стагоддзя на тэрыторыі Беларусі пануе класіцызм, а апошні стыль, які захапіў шкляныя мануфактуры, быў ампір. Ён панаваў з 20-ых гг. XIX ст. і амаль да яго сярэдзіны. Абсалютна ўсе згаданыя стылі ўплывалі на знешні выгляд вырабаў шкляных прадпрыемстваў Налібак і Урэчча.

Такім чынам, беларускае шкло можна паставіць у адзін шэраг з еўрапейскімі культурнымі здабыткамі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 476.
2. **Яніцкая, М. М.** Беларускае мастацкае шкло (XVI–XVII стст.) / М. М. Яніцкая. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 87 с.
3. **Галоўка, С.** Шкляныя цуды з Налібакаў / С. Галоўка // Беларуская думка. – 2016. – № 10. – С. 60–67.
4. **Гурневіч, Д.** 90 налібацкіх гутнікаў. Знайдзі свайго продка! [Электронны рэсурс] // Блог Налібацкага краю. – Рэжым доступу: <http://www.nalibaki.org/2015/10/90.html>. – Дата доступу: 14.04.2021.
5. НГАБ. – Ф. 694. Воп. 2. Спр. 9028.
6. Zamek Królewski w Warszawie – Muzeum. Kolekcja [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://kolekcja.zamek-krolewski.pl/>. – Дата доступу: 14.04.2021.

7. **Верашчэгіна, А.** Беларускае супершкло [Электронны рэсурс] // planeta Belarus. – Рэжым доступу: <http://planetabelarus.by>. – Дата доступу: 09.04.2021.

8. **Яніцкая, М. М.** Беларускае мастацкае шкло (XIX – пачатак XX ст.) / М. М. Яніцкая. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 141 с.

Паступіла ў рэдакцыю: 17.05.2021 г.

Кантакты: yana@tst.by

(Макоўская Яна Уладзіміраўна)

Makouskaya Y. V. GLASSWARE FROM THE MANUFACTURERS OF NALIBAKI AND URECHE (XVIII – early XIX centuries).

The article is devoted to a little-known fact of the Belarusian history – the production of art glass by the patrimonial manufacturers of the Radziwill family in the XVIII – early XIX centuries. The article views the main features of the glass manufactories of Ureche and Nalibaki, defines their technical and decorative lineaments. The author describes special forms of utensils developed on the territory of modern Belarus and designed by local masters. The study highlights the uniqueness of the glassware from Naliboki and Ureche, the importance of finding its special place in the history of glass art in our country as well as in Western Europe.

Keywords: artistic glassmaking; glass products from Naliboki and Ureche; Radziwill's glass manufactories; carafe.

УДК 94 (476) (XIX ст. – пач. XX ст.).

САЦЫЯЛЬНА-КУЛЬТУРНЫЯ ФУНКЦЫІ ЎСТАНОЎ ГРАМАДСКАГА ХАРЧАВАННЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ (XIX – пач. XX ст.)

Л. Ф. Вікол

магістр гістарычных навук,
суіскальнік ступені кандыдата
гістарычных навук
Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Я. Купалы

У артыкуле разглядаецца трансфармацыя сацыяльна-культурных функцый корчмаў, якія былі характэрны для беларускіх зямель на працягу доўгага адрэзка часу. Першасныя функцыі корчмаў заключаліся ў продажы алкагольных напіткаў, прадуктаў харчавання, рэчаў побыту. У гэтым раскрываецца іх гандлёва-эканамічная роля. Важнае месца займае сацыяльна-культурныя функцыі, якія не страцілі сваё значэнне ў XIX ст.

Ключавыя словы: установы грамадскага харчавання, корчмы, сацыяльна-культурныя функцыі, штодзённая культура, рэкрэацыя.

Уводзіны

Установы грамадскага харчавання ў розныя перыяды гісторыі адыгрывалі важную ролю ў паўсядзённым жыцці чалавека. Акрамя таго, што яны валодалі гандлёва-эканамічнымі функцыямі, такія ўстановы пераўтвараліся ў сапраўдныя асяродкі сацыяльных і культурных узаемадачыненняў. У вытокаў фарміравання сістэмы харчавання на тэрыторыі беларускіх зямель стаяць корчмы. Іх дзейнасць напоўнена багатым і супярэчлівым сэнсам. У рамках даследавання гісторыі карчмы як установы харчавання цікавым з’яўляецца раскрыццё сацыяльнага і культуралагічнага аспекта яе існавання, яе сімвалічны статус у штодзёнай культуры.

Асноўная частка

Сацыяльна-культурныя функцыі корчмаў пачалі вылучацца яшчэ з XVI ст. З гэтага часу карчмы становяцца цэнтрамі сацыяльнай актыўнасці. У карчмах заключаліся гандлёвыя пагадненні [1, с. 44], сустракалі замежных паслоў [2, с. 65]. Камунікатыўныя функцыі карчмы пацвярджаюцца вытрымкамі з гістарычных крыніц XVI–XVII стст.: “тдышь сиде-

ли у корчмы”, “беседы за свой властный кошт справляючи”, “сидя в шинке при беседе” [3, с. 124].

Сацыяльная функцыя корчмаў захавалася і ў XIX ст. у кансерватыўным вясковым асяроддзі. Градская ж інфраструктура ў першай палове XIX ст. узбагачалася іншымі тыпамі ўстаноў харчавання: рэстараны, буфеты, лаўкі, тракціры, гасцініцы, харчэўні. Названія ўстановы становяцца спажывецка-рэкрэацыйнай часткай горада. У сельскай мясцовасці карчмы працягвалі дамінаваць і захоўваць функцыі не толькі гандлёвых пунктаў, але і заставаліся сацыяльнымі і культурнымі асяродкамі. Важную ролю карчмаў пацвярджае комплекс фальклорных крыніц, у сюжэтным полі якіх карчма займае адно з цэнтральных месцаў. Фальклорны матэрыял сабралі такія этнографы і фалькларысты, як Ч. Пяткевіч, Е. Раманаў, Н. Нікіфароўскі, П. Шэйн, А. Сержпутоўскі, П. Шпілеўскі.

Карчма адыгрывала значную ролю ў бытавым жыцці селяніна. Такую версію адстойвае Л. Смілавіцкі на старонках манаграфіі “Евреи в Турове: история местечка мозырского Полесья”. Аўтар сцвярджае, што роля карчмы на вёсцы як грамадскага цэнтра была даволі важнай. Тут сустракаліся сяляне пасля цяжкай працы, даведваліся і абмяркоўвалі навіны [4, с. 107]. Такого погляду трымаецца і У. Лобач: “...Карчма на Беларусі адыгрывала надзвычай ёмістую ролю ў абрадавым, сацыяльным і гаспадарчым жыцці беларускіх вяскоўцаў” [5, с. 230]. А. Смолік лічыць, што карчма была адзіным месцам грамадскага жыцця [6, с. 23]. С. Токць сцвярджае, што карчма ў вёсцы была не толькі галоўным месцам спажывання алкаголю, але і публічнай прасторай [7, с. 270].

Можна меркаваць, што асабліва актыўным жыццём гэтай піцейнай установы было ў нядзелю. Танцавалі ў карчме лявоніху, польку, казачка, танец “бычок” пад дуду, цымбалы, скрыпку [8, с. 59]. Найчасцей пачуць скрыпку ў карчме можна было ў канцы XIX ст. Папулярнасцю карысталася дуда [9, с. 140]. К. Квітка зазначае: “Дудари в корчме играли разам в трох-чатырох...” [9, с. 146].

Карчмы былі месцам адпачынку і сустрэч для моладзі, якая наладжвала ў іх ігрышчы, што прымяркоўваліся да каляндарных цыклаў. На такіх мерапрыемствах выкарыстоўвалася традыцыйнае дзейства “Жаніцьба Цярэшкі” [10, с. 254]. Ладзіліся гульня-карагод “Яшчур” і тэатралізаваны паказ “Ваджэнные казы”. Часам святочныя дзействы адбываліся спан-

танна. Уяўленне аб гэтым даюць апісанні П. Шпілеўскага. Аўтар піша пра выпадак у карчме ў вёсцы Сеньяўка (Палессе): “Ля карчмы гулялі хлопцы. Потым адзін з іх прынёс скрыпку і пачаў іграць. Усе кінуліся танцаваць” [11, с. 54–55].

У выданні “Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом” апісваюцца гулянні пры карчме падчас кірмашу ў мястэчку Анімеле. Так, да музыкантаў падыходзяць маладыя мужчыны і жанчыны, потым расплочваюцца з музыкантамі за ігру яблыкамі, яйкамі ці грашамі. Халастыя хлопцы выбіралі сабе нявест, а дзяўчаты – жаніхоў [12, с. 241]. Указваецца і тое, што па нядзелях ці ў святочных дні старэйшыя мужчыны збіраліся ў корчмах і абмяркоўвалі розныя справы [12, с. 242].

Я. Баршчэўскі ў “Нарысе Паўночнай Беларусі” зазначаў: “Пасля набажэнства ўсе збіраюцца ў адным месцы, дзе-небудзь паблізу карчмы, падае голас адмысловая беларуская дуда. Распачынаецца музыка (танцы) пад адкрытым небам” [9, с. 126]. Ч. Пяткевіч у працы “Рэчыцкае Палессе” прыводзіць словы аднаго селяніна: “Маўчыма ўжо за гарэлку, а дзе ж хлопцы з дзеўкамі дзеліся б зімою? Дзе б мы, старэйшыя сыходзіліся б пагаманіць пра нашыя злыдні, спадзяванні, нашы крыўды?” [13, с. 640]. Далей дадае: “У цэркву ходзяць толькі ў нядзелю да яшчэ ў які такі празьнік, а ў карчму будзённа; у цэркві толькі поп гамоніць, а людзі хрысціянца, а ў карчме ляндар налівае да падносіць гарэлку” [13, с. 639]. С. Карскі вылучаў асабліва важную ролю карчмы ў жыцці моладзі. Згодна з яго назіраннямі, жаніх у карчме выбіраў сабе нявесту, а ў танцах і гуляннях моладзь часта бавіла цэлую ноч [9, с. 154]. Характарыстыку дала карчме польская пісьменніца Э. Феліньская, якая назвала ў сваіх успамінах гэтую ўстанову “мясцовай ратушай” [14].

У корчмах адзначалі сямейныя ўрачыстасці. З сямейнага цыкла свят найчасцей спраўлялі ў корчмах вяселлі [8, с. 59]. Калі вяселле было ў сялянскай хаце, то ў карчму ўсё роўна заязджалі пасля вячання. А. Сержпутоўскі пісаў: “...Едучы пасля вячання дадому, вясельная бядэда не павінна мінаць ніводнае карчмы, а ў кожную зайсці хоць на часінку” [15, с. 181]. П. Шэйн таксама сабраў прыклады святкаванняў у корчмах. Так, у карчму заязджалі пасля хрышчэння немаўляці, каб выпіць чарку і пачаставаць аднавяскоўцаў, наведваліся туды ў памінальны тыдзень, пасля пахавання [16, с. 103]. На Радуніцу, як паве-

дамляе І. Насовіч, сяляне па вяртанні ў вёску з могілак заходзілі ў кабак [9, с. 109]. Паводле Я. Баршчэўскага, у карчме спраўлялі замовіны і запоіны, хрэсьбіны [17, с. 230].

З корчмамі звязана спраўленне свят календарна-абрадавага цыкла. Прыклады прыводзяцца ў працы “Пережитки древнего мирозерцания у белорусов” А. Багдановіча. У традыцыйным беларускім календары калядныя дні заканчваюць і пачынаюць год. У гэтыя дні наймалі батракоў на наступны год. Пры разліку з батраком яго адорвалі “калядой” – каўбасамі і салам. І потым, як тое занатаваў А. Багдановіч, “...бездомные батраки или гуляки отправляются в корчму, чтобы кутнуть на остатки полученного жалованья” [18, с. 88]. Этнограф прыводзіць прыклады масленічных гулянняў у Барысаўскім і Лепельскім паветах [18, с. 99]. Н. Нікіфароўскі ў працы “Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи Витебской Белоруссии” апісвае выпадкі наведвання корчмаў падчас свят календарнага цыкла. Напярэдадні Вялікага посту на Падзвінні сяляне абавязкова прыходзілі ў карчму [19, с. 94].

Пра дзейнасць карчмы да нас дайшлі народныя песні. Вусная народная традыцыя мае засцерагальнае стаўленне не толькі да п’янства, але і да маральных звычак, якія ў карчме парушаліся. Захавалася балада “На бітым гасцінцы” з трагічным сюжэтам. У карчме маладыя хлопцы спакусілі дзяўчыну паехаць з імі, паабяцаўшы лепшай долі. Маладзіца пагадзілася, з-за чаго потым яе чакала згуба [20, с. 600]. Стаўленне да карчмы праявілася ў сацыяльна-бытавых казках. Творы высмейваюць у крытычнай форме загіны карчмара. Як прыклад казка “Карчмар і Мужык” [20, с. 446]. У пастаноўках “Батлейкі” карчмароў надзялялі фамільярнасцю і ганарлівасцю, высмейвалі разнастайнымі камічнымі эфектамі [21, с. 40–42].

Стаўленне да карчмара высвятляецца і праз аналіз беларускага народнага сонніка. Бачыць у сне карчмара – дрэннага надвор’я ці перасцярога, што хтосьці ашукае. У. Варсілевіч у “Беларускім народным сонніку” прывёў тлумачэнне, што прысніць карчму – гэта пабачыць само пекла. Сон з карчмой прадвяшчаў п’янку, бядэду, адпачынак ці бяду [22, с. 27–28]. У народным светапоглядзе адлюстравалася адначасова і жартулівае стаўленне да карчмара. Яно адчуваецца ў прыказках, прымаўках, народных жартах [23, с. 45].

Арганізацыя рэкрэацыі ў корчмах была свабоднай і непадкантрольнай. Кліенты такіх

устаноў спантанна ладзілі гульні, танцы, спе-вы, выступленні з удзелам мясцовых ці вандроўных музыкантаў. Асабліва гэта было характэрна для корчмаў у сельскай мясцовасці, што і дало падставы зрабіць высновы аб карчме як аб асяродку захавання народнай культуры [24, с. 526–527].

З другой паловы XIX ст. сітуацыя змяняецца. У гарадах узнікае мноства тыпаў устаноў грамадскага харчавання, на дзяржаўным узроўні выпрацоўваецца іх класіфікацыя з пэўнымі патрабаваннямі для кожнага з тыпаў. Пад кантроль падпадае сфера рэкрэацыі, якая набывае фінансавое значэнне. Арганізацыя дадатковых забяў прываблівала кліентаў і прыносіла ўстанове дадатковы прыбытак. Рэгламентацыя сферы забяўляльных мерапрыемстваў была абумоўлена імкненнем захоўваць парадак і спакой ва ўстановах трактёрнага промыслу. Для карчмы, дзе такія праяўленні народнай вяселіцы былі натуральнай з’явай, гэта мера мела больш адмоўны эфект, чым для іншых устаноў харчавання. Карчма губляла сваё адметнае і самабытнае аблічча, пазбаўлялася адной са сваіх важных функцый, як месца культурнага і сацыяльнага жыцця.

Пералік забяўляльных мерапрыемстваў не быў шырокім: музычная праграма, бильярд, ігравыя прыстасаванні, музычныя скрыні, гульні ў шашкі, шахматы, косякі і карты [25, арк. 2–3]. “Положение о трактирных заведениях” ад 1861 г. зафіксавала дазвол на ўстаноўку бильярда ў трактёрных установах, правядзенне гульняў і музыкі, якія не супярэчылі закону [26, арк. 14]. “Уставом о питейном сборе” ад 1879 г. забаранялася арганізацыя забяўляльных гульняў і музыкі ва ўстановах, прызначаных выключна для продажу алкагольных напіткаў [27, арк. 20–36]. У 1893 г. “Положение о трактирном промысле” замацавала права губернатараў даваць дазвол на арганізацыю забяўляльных мерапрыемстваў [27, арк. 21].

Сярод крыніц сустракаецца шмат прашэнняў на бильярд [28, арк. 605; 29, арк. 6]. Група крыніц дапамагае выявіць працэдуру ўстаноўкі бильярда: пасля таго як у органы губернскага кіравання паступала прашэнне на бильярд, праводзілася праверка на адпаведнасць памяшкання неабходным нормам [30, арк. 81]. Атрымаць такі дазвол было даволі складана. Так, жыхарка Мінска Ф. Сабалеўская змагла атрымаць дазвол на бильярд, таму што памяшканне яе трактёрнай установы адпавядала ўсім нормам [31, арк. 6]. Цеснае памяшканне

магло стаць прычынай адмовы. Адмовы трапляліся часта, у іх агаворвалася прычына: “...Пивную посещают лица среднего класса населения, изредка простонародье, в пивной продаётся горячая пища, больше мясные блюда, но открыть бильярдную игру было бы не желательно, в виду маломерности комнаты” [31, арк. 23]. Не заўсёды афіцыйная адмова на ўстаноўку бильярда спыняла ахвотных тое зрабіць. Некаторыя браліся пераўсталёўваць трактёр [32, арк. 78]. Часам, калі такі дазвол быў немагчымым, то некаторыя трымальнікі трактёраў тайна ўстанаўлівалі бильярд [32, арк. 40]. Жаданне адкрыць бильярд штурхала жадаючых і на хітрасці, як, напрыклад, абяцанне выдаткоўваць частку даходаў на дабрачыннасць [32, арк. 23].

Наяўнасць бильярда прываблівала дадатковую публіку, што спрыяла павелічэнню вырочкі. Часам гаспадары трактёрных устаноў праяўлялі фантазію ў арганізацыі іншых гульняў. У Рагачове ў 1899 г. ва ўстанове двараніна К. Зянькевіча папулярнай стала гульня “фартунка” [32, арк. 10]. Вялікую папулярнасць у канцы XIX – пачатку XX ст. набылі музычныя скрынкі [33, арк. 179]. Часам у рэстаранах былі аркестры з мясцовых музыкантаў. Так, у рэстаране горада Кобрына ў 1897 г. аркестр выступаў два разы на тыдзень [34, арк. 70]. Вядома, што ў 1882 г. у рэстаране В. Чапскага для публікі гралі арфісткі [33, арк. 1–2].

Заклучэнне

Такім чынам, такія ўстановы харчавання, як карчмы ў розныя перыяды гісторыі адыгрывалі важную ролю ў штодзённым жыцці. Акрамя таго, што яны выконвалі гандлёвыя функцыі, такія ўстановы станавіліся асяродкамі сацыяльных і культурных узаемадачыненняў. Сацыяльная значнасць карчмаў заставалася непарушнай, хаця і зведвала пэўныя змены, была пад уплывам грамадскай думкі. У другой палове XIX ст. традыцыйныя функцыі карчмы трансфармаваліся, яна страціла сваю важную ролю эканамічнага і сацыяльнага асяродка. У жыцці ж вясковага насельніцтва гэтая ўстанова доўгі час захоўвала сацыяльныя функцыі і адыгрывала ролю мясцовага культурнага цэнтра. Роля карчмы ў горадзе паступова зніжаецца, што асабліва актыўна адбывалася ў XIX ст., калі гарадскую прастору сталі запаўняць рэстараны, сталовыя, трактёры, закусачныя, спецыялізаваныя піўныя лаўкі і інш. Роля пералічаных устаноў выявілася ў фінансавым плане і ў забеспячэнні рэкрэацыі для гарадско-

га насельніцтва. Сама рэкрэацыя стала насіць камерцыйны характар, пачала рэгламентавацца на заканадаўчым узроўні.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Созонова: [в 32 вып.]. – Витебск : Типолитограф. бр. Подземских, 1906. – Вып. 32: [Акты первой книги Могилевского магистрата за 1577–1578 гг.]. – XXXIV, 165–289, 292, [4] с.
2. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцией архивариуса сего архива Созонова : [в 32 вып.]. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1881. – Вып. 12 : [Приходо-расходная книга г. Могилева за 1698 г.; Акты, извлеченные из книг Могилевского магистрата за 1716–1725 гг.]. – 530, XIV с.
3. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Созонова : [в 32 вып.]. – Витебск : Типолитограф. Г. А. Малкина, 1895. – Вып. 26 : [Извлечение из приходо-расходной книги г. Могилева за 1715 г. ; Акты, извлеченные из книг Витебского городского суда за 1721 г.; из книг Витебского земского суда за 1641 г. ; из книг Полоцкого городского суда за 1667 г. ; из книг Оршанского земского суда за 1668–1680 гг.] – 516, XXXIV с.
4. *Смиловицкий, Л.* Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья = Jews in Turów: history of a shtetl in Mozyr's Polesye region / Л. Смиловицкий. – Иерусалим : [б. и.], 2008. – 798 с.
5. *Лобач, У.* Карчма / У. Лобач // Мифалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд.: Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск, 2011. – С. 228–229.
6. *Смолік, А.* Карчма як прастора вуснай народнай творчасці / А. Смолік // Аўтэнтычны фальклор: праблемы захавання, вивучэння, успрымання : зб. навук. пр. удзельнікаў V Міжнар. навук. канф., Мінск, 29 крас. – 1 мая 2011 г. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал.: М. А. Мажэйка (старш.), В. В. Калацэі, С. К. Канаковіч. – Мінск, 2011. – С. 23–25.
7. *Токць, С.* Сацыяльны і культурны працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. Токць. – Мінск : ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.
8. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье / под общ. ред. П. П. Семенова. – Репринт. воспр., 2-е изд. – Минск : Беларус. Энцыкл., 1994. – 490, VI с.
9. *Сасноўскі, Зм.* Гісторыя беларускай музычнай культуры: XIX–XX стст. / Зм. Сасноўскі. – Мінск : Харвест, 2012. – 336 с.
10. *Грышча* // Беларускі фальклор : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 2005. – Т. 1. – С. 254.
11. *Шпилевский, П.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П. Шпилевский. – Минск : Польша, 1992. – 251 с.
12. Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1854. – Вып. 2 / [ред. К. Д. Кавелин]. – 268 с.
13. *Пяткевіч, Ч.* Рэчыцкае Палессе : пер. з пол. / Ч. Пяткевіч. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2004. – 672 с.
14. Pamietniki z zycia. Seria-1-t-1 [Electronic resource] // Polona [Electronic resource]. – Mode of access: <https://polona.pl/item/pamietniki-z-zycia-seria-1-t-1,MTEwODQ0MTM/174/#item> – Date of access: 12.11.2017
15. *Сержпутоўскі, А. К.* Прычмы і забавы беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі ; навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.
16. *Шейн, П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : [в 3 т.] / собр. и привед. в порядок П. В. Шейном. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1887. – Т. 1, ч. 1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. – [2], XXVI, 585 с.
17. *Баршчэўскі, Я.* Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі; [уклад., прадм. і камент. М. Хаустовіча]. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1998. – 476 с.
18. *Богданович, А.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: этногр. очерк / А. Богданович. – Гродно : Губерн. тип., 1895. – 180 с.
19. *Никифоровский, Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Губерн. Типо-Литограф., 1897. – 344 с.
20. Беларускі фальклор : хрэстаматыя : вучэб. дапам. / склад.: К. П. Кабашнікаў [і інш.]. – 4-е выд., перапрац. – Мінск : Выш. шк., 1996. – 856 с.
21. *Барышаў, Г. У.* Беларускі народны тэатр Батлейка і яго ўзаемасувязі з рускім “Вяртэпам” і польскай “Шопкай” / Г. У. Барышаў, А. К. Саннікаў. – Мінск : Выд-ва Акад. навук Беларус. ССР, 1963. – 42 с.
22. Беларускі народны соннік / уклад. і прадм. У. Васілевіча. – Мінск : Бацькаўшчына, 1996. – 127 с.
23. *Добровольский, В. Н.* Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. – Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914. – IV, 1022 с.
24. *Рогач, Л. Ф.* Карчма як цэнтр жыцця грамадства на беларускіх землях у XVI – пачатку XX ст. / Л. Ф. Рогач, С. В. Марозава // Сборник научных работ студентов высших учебных заведений Республики Беларусь “НИРС 2009” / редкол.: А. И. Жук (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – С. 526–527.
25. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (г. Гродна) (НГАБ). – Ф. 1564. Воп. 1. Спр. 11. Арк. 2–3, 12–44.

26. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (г. Санкт-Пецярбург) (РДГА). – Ф. 574. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 12–18.

27. РДГА. – Ф. 1016. Воп. 1. Спр. 737. Арк. 2–38.

28. НГАБ (г. Гродна). – Ф. 1. Воп. 8. Спр. 757. Арк. 605.

29. НГАБ (г. Гродна). – Ф. 1. Воп. 8. Спр. 756. Арк. 6.

30. НГАБ (г. Гродна). – Ф. 1. Воп. 8. Спр. 687. Арк. 81.

31. НГАБ (г. Мінск). – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 1590. Арк. 6, 23.

32. НГАБ (г. Мінск). – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 1484. Арк. 78, 40, 23, 10.

33. НГАБ (г. Гродна). – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 450. Арк. 1–2; 179.

34. НГАБ (г. Гродна). – Ф. 1. Воп. 8. Спр. 77. Арк. 70.

Vikol L. F. SOCIAL AND CULTURAL FUNCTIONS OF CATERING ESTABLISHMENTS ON THE TERRITORY OF THE BELARUSIAN LANDS (in the XIX – early XX centuries).

The article is devoted to the transformation of social and cultural functions of catering establishments (taverns, or korchmas). These institutions were characteristic of the Belarusian lands for a long period of time. Their primary function was the sale of alcoholic beverages, food, and household items. Thus, korchmas performed trade and economic functions. They also fulfilled cultural and social functions. This set of functions has not lost its significance in the XIX century. At this time, along with korchmas, other types of catering establishments joined the trade infrastructure: restaurants, buffets, groceries, wine and beer shops.

Keywords: catering establishments, economic and socio-cultural functions, everyday culture, recreation.

Паступіў у рэдакцыю 17.05.2021 г.
Кантакты: ludmieszka@gmail.com
(Вікол Людміла Фёдараўна)

УДК 94(746):351.74

РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ В 1862–1917 гг. В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ

А. А. Косенко

старший преподаватель

Могилевский институт Министерства
внутренних дел Республики Беларусь

В статье рассматриваются вопросы об организации и осуществлении розыскной деятельности полиции Российской империи на территории белорусских губерний в 1862–1917 гг. Значительное внимание уделено работе полиции по борьбе с общеуголовной преступностью и проведению ею розыскных мероприятий до принятия Закона от 6 июля 1908 г. “Об организации сыскной части”. Излагается предыстория создания в Российской империи специализировавшихся на осуществлении розыскной деятельности подразделений сыска, рассматриваются штаты созданных сыскных отделений, проводится анализ кадрового состава сыскных отделений, динамика их обновления и приводятся исторические факты о деятельности полиции, в том числе и сотрудников сыскных отделений, по выявлению и расследованию преступлений, розыску и задержанию лиц, их совершивших.

Ключевые слова: полиция, розыскная деятельность, розыскное мероприятие, сыскное отделение, преступность, белорусские губернии.

Введение

Задачи по обеспечению защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, а также интересов всего общества в целом и государства от преступных и иных противоправных посягательств; осуществлению розыска различных категорий лиц (от без вести пропавшего до скрывающегося от ответственности преступника); оказанию содействия гражданам и государству в защите их собственности стояли перед правоохранительными органами на любом историческом этапе развития общества в качестве основных. Одним из основных и наиболее эффективных способов выполнения данных задач является осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Под оперативно-розыскной деятельностью в настоящее время понимают деятельность уполномоченных законом субъектов, в том числе и органов внутренних дел, которая направлена на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Респу-

блики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых гласно и негласно, с соблюдением конспирации [1, ст. 1]. Таким образом, мы можем констатировать, что оперативно-розыскная деятельность является одним из основных видов оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел в целом.

На настоящий момент правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность в органах внутренних дел Республики Беларусь преимущественно наделены подразделения криминальной милиции по борьбе с экономическими преступлениями, наркоконтролю и противодействию торговле людьми, борьбе с коррупцией и организованной преступностью, а также другие подразделения, необходимые для осуществления деятельности криминальной милиции [2, ст. 15]. Вместе с тем применительно к рассматриваемому в данной статье периоду времени, анализируя служебную деятельность органов полиции, будет более корректно говорить об осуществлении ими розыскной деятельности.

Основная часть

В пореформенной Российской империи, в состав которой в тот момент входила и территория современной Республики Беларусь, до определенного момента специализированных подразделений полиции, ориентированных в основном на проведение розыскных мероприятий, не существовало. То есть до принятия закона от 6 июля 1908 г., на котором мы остановимся позже, проведение розыскных мероприятий по общеуголовным делам возлагалось на чинов “наружной”, или общей, полиции, т. е. на околоточных надзирателей, полицейских урядников, станových приставов и т. п. Основания и порядок осуществления розыскной деятельности устанавливались в ведомственных инструкциях и распоряжениях.

Так, для проведения розыскных мероприятий не требовались особые основания. Сотрудник полиции мог проводить “розыски”, проверяя информацию, поступившую из различных источников, таких как:

“1) народная молва и слухи;

2) подметные безымянные письма, или доносы;

3) объявления свидетеля, не бывшего очевидцем преступления;

4) объявление свидетеля – очевидца преступления;

5) сообщение присутственного места или должностного лица о совершившемся преступлении;

6) заявление или жалоба потерпевшего;

7) непосредственное личное удостоверение в наличии преступления или его следов (например, совершение преступления в присутствии полицейского урядника, нахождение трупа с признаками насильственной смерти и проч.) и

8) явка с повинной самого виновного” [3, с. 40].

При этом отмечалось, что сбор необходимой информации должен производиться “негласно, пользуясь близким знанием жителей своего участка и местности, стараясь не возбуждать никакого подозрения или недоверия” [4, с. 22]. Также Инструкцией полицейским урядникам устанавливались обязанности по выявлению преступлений и установлению лиц, их совершивших, путем личного сыска. К примеру, § 16 данной Инструкции предписывал “возможно чаще обходить или объезжать, днем и ночью, вверенную им местность... чаще осматривать глухие места, для убеждения, не скрываются ли в оных подозрительные и опасные лица”, а в § 26 закреплялась обязанность “следить, негласным образом, за неблагонадежными и подозрительными лицами и наблюдать, негласно, за поведением лиц, водворенных на местах жительства под надзор полиции” [4, с. 23, 27].

Сами действия сотрудников полиции по производству первоначальных проверочных действий информации о преступлениях или проступках, полученных из “источника не вполне достоверного”, т. е. в условиях неочевидности, должны были производиться “посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением”, путем проведения розыскных мероприятий. Все материалы, полученные в ходе проведения данных мероприятий, сотрудники полиции обязаны были передать судебному следователю для дальнейшего производства по делу [5, с. 234].

Результативность проводимых чинами регулярной полиции розыскных мероприятий была достаточно невысока. Так, к примеру, за период январь-апрель 1879 г. 16 полицейскими урядниками Волковысского уезда Гродненской губернии (в уезде на тот момент проживало 108384 человека) была проделана

следующая работа: “Открыто 10 преступлений и 33 проступка; разыскано и возвращено потерпевшим 1 вол, 1 корова, на 75 рублей разного рода другого домашнего скота и птицы, на 12 рублей вещественного имущества, 103 рубля 94,5 копейки денег; задержано 4 обвиняемых в совершении преступлений, 15 обвиняемых в совершении проступков, 7 иных лиц, сверх того сделано дознаний по разного рода случаям – 27” [6, с. 95–96].

Недостаточная профессиональная квалификация сотрудников полиции и крайне широкий спектр повседневно решаемых ими задач явно не способствовали эффективному и качественному проведению ими розыскных мероприятий. Это было настолько очевидно, что руководству страны и отдельных административно-территориальных единиц пришлось принимать соответствующие меры на законодательном уровне еще до момента официального создания на общегосударственном уровне специализированной службы розыска.

Так, в целях повышения эффективности работы полиции в сфере розыскной деятельности еще в 1866 г. в Санкт-Петербурге было создано первое в Российской империи сыскное отделение. Опыт столичной полиции оказался востребован на местах: по инициативе местных чиновников в провинциальных городах начали создаваться нештатные сыскные отделения. В 1883 г. “особый отряд сыскной полиции” был создан в Иркутске, в 1895 году подобное нештатное подразделение было создано в Нижнем Новгороде, в 1904 г. – в Уфе, в январе 1908 г. – в Либаве (ныне – Лиепая). Кроме того, сыскные отделения создавались и по Высочайшему утверждению. В частности, по решению высшей государственной власти в 1888 г. сыскная полиция была создана в Риге, в 1898 – в Одессе, в 1902 – в Харькове, в 1906 – в Ростове-на-Дону, Нахичевани, Баку [7, с. 124–127]. Однако не все вышеуказанные специализированные подразделения полиции по различным причинам смогли продолжить свою оперативно-служебную деятельность до момента общегосударственной реорганизации штатов полиции. Так, в своем докладе “Об организации сыскной части” от 29 декабря 1907 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин упоминает только семь действующих сыскных отделений, действующих в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Риге, Одессе, Ростове-на-Дону, Баку и Тифлисе [8, с. 259].

До принятия 6 июля 1908 г. Закона “Об организации сыскной части” на территории

современной Республики Беларусь не существовало ни одного полицейского специализированного подразделения, занимающегося “производством розысков по делам общеполового характера”. В соответствии с вышеуказанным законом сыскные отделения создавались в следующих белорусских губернских городах: в Минске при городском полицейском управлении создавалось сыскное отделение II разряда, а в Витебске, Гродно и Могилеве – отделения III разряда [9, с. 448–449].

В соответствии с утвержденной штатной численностью сыскное отделение II разряда комплектовалось начальником, помощником начальника, 3 полицейскими надзирателями и 6 городовыми, т. е. личный состав отделения состоял из 11 постоянных сотрудников. Штатная численность сыскного отделения III разряда составляла 8 сотрудников: начальник, 3 полицейских надзирателя и 4 городовых. Должность начальника сыскного отделения как II, так и III разряда, в соответствии с Табелем о рангах, действующим на тот момент в Российской империи, по должности относилась к VIII разряду (гражданский классный чин – коллежский ассессор; в армии – капитан (в пехоте), ротмистр (в кавалерии), а по пенсии – к VI (гражданский классный чин – коллежский советник; в армии – полковник (в пехоте)). Должность помощника начальника по должности относилась к IX разряду (гражданский классный чин – титулярный советник; в армии – штабс-капитан (в пехоте), штабс-ротмистр (в кавалерии), по пенсии – к VI. Должность полицейского надзирателя также относилась к классному чину, по должности – к XIV разряду (гражданский классный чин – коллежский секретарь), по пенсии – к IX [10, с. 131–132].

Однако и с созданием специализированных сыскных отделений проблемы, стоящие перед полицией, сразу не решились. В первую очередь многие исследователи и современники отмечали слабый профессиональный и образовательный уровень чинов сыскной полиции, а также отсутствие какого-либо опыта организации деятельности данных подразделений [8, с. 260–261].

К примеру, первым начальником сыскного отделения Могилевской полиции был назначен А. К. Крокосевич, который на момент данного назначения вообще не имел классного чина. Как следует из соответствующих документальных источников, А. К. Крокосевич до назначения начальником сыскного отделения, в 1907–1908 гг., занимал должность частного

пристава 1-й части г. Могилева, т. е. отвечал за состояние правопорядка в 1/3 части города [11, с. 69; 12, с. 88]. А. К. Крокосевич являлся руководителем сыскного отделения с 1909 по 1910 г., причем в 1910 г. он получил классный чин коллежского регистратора (XIV разряд Табеля о рангах) [13, с. 78; 14, с. 93]. При этом, несмотря на достаточно невысокий классный чин, в дальнейшем А. К. Крокосевич был назначен полицмейстером г. Тобольска [15, с. 1].

Вторым начальником сыскного отделения в 1911 г. был назначен губернский секретарь (XII разряд Табеля о рангах) И. И. Лавровский, переведенный на эту должность с должности станового пристава 1-го стана Быховского уездного полицейского управления [16, с. 46]. Это был достаточно опытный сотрудник, проходивший службу в полиции Могилевской губернии в качестве станового пристава с 1904 г. [17, с. 313]. Однако и он продержался на данной должности всего два года, после чего в 1913 г. И. И. Лавровский был возвращен на должность станового пристава [18, с. 59; 19, с. 279], т. е. формально был понижен в должности. Однако И. И. Лавровский уже в 1914 г. назначается помощником полицмейстера Могилевского городского полицейского управления, а с 1916 г. занимает пост уездного исправника Быховского уезда Могилевской губернии, а также в 1915 г. получает классный чин титулярного советника, относящийся к IX разряду [20, с. 308; 21, с. 45; 22, с. 92].

Далее, в 1913 г., должность начальника сыскного отделения занял сотрудник полиции, также имеющий достаточный опыт работы, коллежский секретарь (X разряд Табеля о рангах) С. П. Поздняков. Последний работал в полиции с 1902 г., начав службу с должности столоначальника уездного полицейского управления [17, с. 376]. Затем С. П. Поздняков последовательно занимал должности секретаря уездного полицейского управления [23, с. 176], с 1907 по 1909 г. – полицейского надзирателя г. Мстиславля [11, с. 179; 12, с. 197; 13, с. 218], а с 1910 по 1912 г. – станового пристава Оршанского уезда Могилевской губернии [14, с. 308; 16, с. 175; 18, с. 169]. Однако, проработав в должности начальника сыскного отделения всего один год, С. П. Поздняков возвращается на предыдущее место службы, т. е. на должность станового пристава Оршанского уезда [19, с. 107; 20, с. 215; 21, с. 193; 22, с. 181].

Дольше всех, с 1914 по 1916 г., должность начальника сыскного отделения Могилевской губернии занимал А. К. Крокосевич.

левского городского полицейского управления занимал коллежский регистратор Т. И. Забалуев [20, с. 52; 21, с. 45; 22, с. 43], до того три года занимавший должность помощника пристава Гомельского городского полицейского управления [11, с. 107; 18, с. 105; 19, с. 179].

Таким образом, за восемь лет работы Могилевского сыскного отделения сменилось четыре начальника. Нельзя не отметить, что все они до своего назначения занимали нижестоящие должности, обладали значительным опытом работы на руководящих должностях, не имели практического опыта работы в сыскной полиции, а также проходили службу в регионах, а не в губернском городе, за исключением непродолжительного срока службы в г. Могилеве А. К. Крокосевича. Если говорить об их профессиональной подготовке, то А. К. Крокосевич получил только лишь домашнее образование [14, с. 93], И. И. Лавровский и С. П. Поздняков окончили уездное училище [18, с. 59; 19, с. 107], а Т. И. Забалуев – народное училище [20, с. 52]. То есть говорить о подготовленных и обученных кадрах для замещения должностей в сыскной полиции, которые могли бы осуществлять розыскную деятельность на профессионально высоком уровне, здесь не приходится.

Не лучше обстояли дела с сотрудниками, которые занимали оставшиеся классные чины сыскной полиции, т. е. должности полицейских надзирателей. Во впервые созданном Могилевском сыскном отделении на данные должности были назначены не имеющие классного чина А. С. Шайтуро, М. Н. Тимонов и И. Д. Кряжев [13, с. 78]. И если А. С. Шайтуро в 1906 г. занимал должность помощника пристава Могилевской городской полиции [22, с. 94], то фамилии М. Н. Тимонова и И. Д. Кряжева впервые встречаются в списках сотрудников полиции Могилевской губернии. При этом стоит отметить, что А. С. Шайтуро числился в составе сыскного отделения в 1909 и 1911 гг., после чего вернулся на должность помощника пристава Могилевской городской полиции [16, с. 46; 18, с. 49]. В 1913 г. А. С. Шайтуро после окончания уездного училища получил чин коллежского регистратора, а в 1914 г. был назначен приставом 3-й части г. Могилева [19, с. 107; 20, с. 52]. Далее, в 1915 и 1916 гг., А. С. Шайтуро занимает должность станového пристава Климовичского уезда [21, с. 148; 22, с. 163]. И. Д. Кряжев находился на должности полицейского надзирателя сыскного отделения и на следующий год [14, с. 93],

после чего он больше не числился в составе полиции Могилевской губернии, а М. Н. Тимонов закончил свою работу в полиции фактически сразу же.

В следующем, 1910 г. полицейскими надзирателями Могилевской сыскной полиции были: не имеющий чина И. Д. Кряжев и коллежский регистратор И. Ф. Сирин, третья должность оставалась вакантна [14, с. 93]. В 1911 г. – коллежский регистратор И. Ф. Сирин, уже упоминавшийся ранее А. С. Шайтуро и не имеющий чина И. А. Верхов [16, с. 46]. Этот список можно продолжать и далее. Достаточно отметить, что за период времени с 1909 по 1916 г. в должностях полицейских надзирателей Могилевского сыскного отделения проходили службу 11 различных сотрудников, из них только четверо, И. А. Верхов, Д. Ф. Туман, А. Г. Чернявский и Н. А. Радкевич, занимали должность полицейского надзирателя непрерывно на протяжении трех лет, а еще четверо сотрудников продолжили службу в полиции на других должностях.

Как показывает практика, даже в настоящее время вновь назначенному сотруднику органов внутренних дел, особенно в подразделениях криминальной милиции, необходимо около трех лет практического стажа работы в подразделении для нормальной адаптации и получения необходимых навыков для организации своей работы. При этом не стоит забывать о нынешнем уровне профессиональной подготовки сотрудников, их образовательном уровне, наличии в подразделениях сотрудников с большим практическим стажем работы, соблюдении принципа преемственности в работе и т. п. факторов. Таким образом, можно констатировать, что за время существования Могилевского сыскного отделения профессионального кадрового ядра там так и не сложилось, что, в свою очередь, дает все основания полагать о недостаточной эффективности работы данного подразделения. Косвенно данный вывод подтверждается содержанием некоторых приказов Могилевского губернатора.

Так, в приказе Могилевского губернатора № 42 от 8 марта 1909 г. по результатам проверки городских полиций г. Могилева и г. Гомеля отмечается, что сыскная полиция “хотя и считается состоящей при Могилевском городском полицейском управлении, но по характеру своего назначения, не может быть не выделена в самостоятельный орган и обязана действовать не только в губернском городе, но и во всей губернии...” [14, с. 650].

То есть формально констатировался тот факт, что сотрудники сыскальной полиции в своей оперативно-служебной деятельности ограничивались только территорией непосредственно города, не уделяя внимание уездным городам и в целом территории губернии. В оправдание сотрудников сыскальной полиции в данном случае можно отметить, что в 1908 г. в г. Могилеве проживало 53618 человек, в Могилевском уезде – 146605, а в губернии – 2166945 [14, с. 575], т. е. более чем достаточно на 8 сотрудников сыскального отделения. Естественно, что в данных условиях сотрудники общей полиции самостоятельно продолжали осуществлять розыскную деятельность на местах.

Так, в приказе Могилевского губернатора № 98 от 17 июля 1909 г. с положительной стороны отмечается профессиональная инициатива Климовичского уездного исправника С. И. Гацкевича, который организовал мероприятия, направленные на розыск преступников, совершивших на территории уезда ряд вооруженных грабежей, в том числе один сопряженный с убийством потерпевшего. При этом из текста приказа явно видно, что розыскные и поисковые мероприятия проводились исключительно силами общей полиции, а именно уездным исправником, становым приставом, полицейским урядником и стражниками [14, с. 667–668]. Аналогично в приказе Могилевского губернатора № 84 от 25 сентября 1909 г. отмечаются профессионально грамотные действия частного пристава Оршанского уезда И. И. Леонова, “образцовая деятельность” которого “дала ему возможность открыть и задержать”, начиная с ноября 1908 г., “главаря грабительской шайки ссыльно-каторжного арестанта Голодного”, “девять участников разбойного нападения на Любавичское волостное правление”, вооруженного огнестрельным оружием преступника, подозреваемого в убийстве двух полицейских стражников, а также трех вооруженных преступников, обвиняемых в убийстве полицейского урядника [14, с. 674]. В приказе Могилевского губернатора № 90 от 9 октября 1909 г. приводятся в пример действия полицейского урядника Полевченко и двух подчиненных ему полицейских стражников, Юркевича и Балобеева, т. е. вообще нижних чинов полиции, по реагированию и розыску по “горячим следам” в Мстиславском уезде вооруженных преступников, совершивших разбойное нападение и двойное убийство [14, с. 676]. Примеры подобного характера можно приводить и далее.

Однако приведенные примеры отнюдь не свидетельствуют, что чины сыскальной полиции полностью самоустранились от проведения розыскных мероприятий и раскрытия преступлений. Так, исходя из информации, содержащейся в приказе Могилевского губернатора № 101 от 23 ноября 1909 г., 23 октября 1909 г. в селе Крупец Гомельского уезда было ограблена казенная винная лавка, а также было совершено еще одно разбойное нападение, в ходе которого пять человек было убито, а четверо ранено. Уже 24 октября начальник Могилевского сыскального отделения А. К. Крокосевич совместно с местными чинами общей полиции производил “расследование и обыски у всех подозрительных лиц, продолжавшиеся 9 суток”, а далее участвовал в установлении местонахождения и обезвреживании преступников, за что, наряду с другими чинами полиции, получил от губернатора “живейшую признательность” и был поощрен денежной премией в размере 100 рублей, что составляло пятую часть его годового жалования [14, с. 684–686].

В некоторых случаях о профессионально грамотных и успешных действиях чинов белорусской сыскальной полиции упоминалось и в центральной прессе. В частности, в ведомственном журнале Министерства внутренних дел “Вестник полиции” № 2 от 15 января 1910 г. была опубликована статья, в которой в качестве примера приводятся действия начальника Витебского сыскального отделения А. И. Чернявского и полицейского надзирателя того же отделения Н. З. Лукашевича по раскрытию двойного убийства, произошедшего 12 декабря 1909 г. в селе Шумилино Полоцкого уезда. В статье разъясняется, каким образом данными сотрудниками было определено время совершения преступления, порядок проведения ими “розысков” и установления подозреваемых, а также как именно сотрудники полиции производили обыски и осмотр территории, прилегающей к месту совершения преступления, собирали вещественные доказательства, позволившие полностью изобличить подозреваемых в совершении данного преступления [24, с. 16–17].

Заключение

Подводя черту под всем вышеизложенным, можно прийти к выводу, что розыскная деятельность и в 1860–1910-х гг. являлась одной из основных составляющих оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции. Постоянно обостряющаяся опера-

тивная обстановка, значительное увеличение количества совершенных преступлений, социальная напряженность и, как итог, недовольство в обществе государственной политикой – все это диктовало необходимость принятия мер по повышению эффективности деятельности полиции. Одним из таких шагов стало создание в 1908 г. отдельной, специализированной именно на розыскной деятельности сысковой службы полиции. Однако малочисленность ее сотрудников, отсутствие либо недостаточный уровень опыта работы по данному направлению деятельности, недостаток подготовленных, профессиональных кадров и, наконец, крайне непродолжительный срок существования сысковой службы не позволили достичь значимых успехов в борьбе с преступностью того времени. Вместе с тем необходимо отметить, что создание специализированной службы сыска и наработка практического опыта по осуществлению розыскных мероприятий явились той базой, которая легла в основу создания службы уголовного розыска уже новой, советской рабоче-крестьянской милиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г., № 88-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.05.2021 г. № 106-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Справочная книга для полицейских урядников. – СПб. : тип. Н. А. Лебедева, 1887. – 170 с.
4. Руководство для полицейских урядников при предупреждении, пресечении и исследовании преступлений и проступков, подсудных общим и мировым судебным установлениям / сост. А. Ельсон. – Варшава : Тип. управления Варшавского жандармского округа, 1879. – 243 с.
5. Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825–1881). – Т. 39. – Ч. 2 : Законы. – № 41476. – С. 215–253.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). – Ф. 78. Оп. 1. Д. 163. Дело о деятельности служащих уездного полицейского управления за 1878–1879 гг.
7. *Рассказов, Л. П.* Специфика образования и деятельности подразделений уголовного сыска в провинциальных городах Российской империи до учреждения общероссийской системы сысковой полиции в 1908 г. / Л. П. Рассказов, В. Л. Рассказов // Общество и право. – 2018. – № 3. – С. 124–129.
8. *Невский, С. А.* Создание сысковых отделений в Российской империи / С. А. Невский // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 1. – С. 257–262.
9. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон “Об организации сысковой части” // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (1881–1913). – Т. 28. – Ч. 1 : Законы. – № 30672. – С. 448–449.
10. Высочайше утвержденные штаты сысковых отделений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (1881–1913). – Т. 28. – Ч. 2 : Штаты и табели. – № 30672. – С. 130–132.
11. Памятная книжка Могилевской губернии на 1907 год / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Губ. тип., 1906. – 458 с.
12. Памятная книжка Могилевской губернии на 1908 год / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Губ. тип., 1907. – 418 с.
13. Памятная книжка Могилевской губернии на 1909 год / сост. Г. Пожаров. – Могилев : Губ. тип., 1909. – 529 с.
14. Памятная книжка Могилевской губернии на 1910 год / сост. Г. Пожаров. – Могилев : Губ. тип., 1910. – 721 с.
15. Вестник полиции. – 10.02.1911. – № 6. – С. 1.
16. Памятная книжка Могилевской губернии на 1911 год / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Губ. тип., 1911. – 357 с.
17. Памятная книжка Могилевской губернии на 1905 год / под ред. Г. Г. Данилова. – Могилев : Типо-Литография Я. Н. Подземского, 1905. – 734 с.
18. Памятная книжка Могилевской губернии на 1912 год / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Губ. тип., 1912. – 379 с.
19. Памятная книжка Могилевской губернии на 1913 год / под ред. И. И. Марченко. – Могилев : Губ. тип., 1913. – 525 с.
20. Памятная книжка Могилевской губернии на 1914 год / под ред. И. И. Марченко. – Могилев : Губ. тип., 1914. – 565 с.
21. Памятная книжка Могилевской губернии на 1915 год / под ред. И. И. Марченко. – Могилев : Губ. тип., 1915. – 479 с.
22. Памятная книжка Могилевской губернии на 1916 год / под ред. И. И. Марченко. – Могилев : Губ. тип., 1916. – 423 с.
23. Памятная книжка Могилевской губернии на 1906 год / под ред. М. Н. Хорошавина. – Могилев : Губ. тип., 1906. – 533 с.
24. Убийство псаломщика // Вестник полиции. – 15.01.1910. – № 2. – С. 16–17.

Поступила в редакцию 11.10.2021 г.

Контакты: alex.kosenko1805@mail.ru

(Косенко Александр Александрович)

Kosenko A. A. POLICE INVESTIGATION ACTIVITY IN THE BELARUSIAN PROVINCES IN 1862–1917.

The article deals with the organization and implementation of the investigative activities of the Russian Empire police in the territory of the Belarusian provinces in 1862–1917. Considerable attention is paid to the police anticriminal warfare and crime detection activities before the adoption of the Law of July 6, 1908 “On Detective Department Organization”. The article describes the background to the creation of detective

departments in the Russian Empire which specialized in operational and investigative activities. The staff of the established detective departments and the dynamics of their renewal are regarded. The article provides historical facts about the police activities, including the facts about the employees of the detective departments detecting and investigating crimes, searching for criminals and arresting them.

Keywords: police, investigation activity, investigation case, detective department, crime, Belarusian provinces.

УДК 2(476)“20”

**ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО
БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
О ПОЛОЖЕНИИ ЦЕРКВИ И ЕЕ
РЕФОРМИРОВАНИИ В КОНЦЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ст.**

В. В. Табунов

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В статье анализируется позиция православного духовенства белорусских земель по положению и реформированию церкви в конце XIX – начале XX вв. В рассматриваемое время православная церковь была интегрирована в систему государственных органов Российской империи, что вызывало недовольство духовенства, требовавшего надления церкви статусом самостоятельной организации для решения своих внутренних вопросов (уставное совершение церковных служб, улучшение материального положения церковнослужителей, созыв и деятельность епархиальных съездов). Однако правящие круги Российской империи, первоначально заявив о своей поддержке стремления православного клира о преобразовании института церкви, в дальнейшем не посчитали необходимым менять сложившиеся отношения с православной церковью, что стало главным фактором в деле отложения вопроса о ее реформировании.

Ключевые слова: белорусские земли, Российская империя, православная церковь, духовенство, епископ, Святейший Синод, обер-прокурор, реформирование института церкви.

Введение

В конце XIX – начале XX стст. институт православной церкви был интегрирован в государственную систему. В надежде на то, что церковь останется опорой существовавшего политического строя, государство создало патерналистскую систему юридической защиты ее авторитета. Гражданские чиновники полагали, что интересы церкви и государства совпадали. Но многие церковные деятели видели, что они различны. Православное духовенство в своей большей части пришло к выводу о том, что положение церкви, опекаемой светской властью, является неканоничным.

Противоречивость политики российского правительства в отношении к православной церкви заключалась в том, что она, с одной стороны, пыталась активизировать деятель-

ность церкви, а с другой, усиленный контроль за этой деятельностью практически лишал церковь автономии даже в решении своих внутренних вопросов (материальное положение церковнослужителей, миссионерская деятельность, созыв и деятельность епархиальных съездов и т. д.). Поэтому в конце XIX – начале XX в. в среде православного духовенства актуализировался вопрос о необходимости предоставления церкви самостоятельности. При этом основной способ оживления церковного института усматривался в восстановлении принципа соборности. На страницах церковной и светской периодической печати постоянно обращалось внимание на необходимость освобождения церкви от государственной опеки. Поднимались вопросы о проведении реформ, которые, по мнению их авторов, должны были поднять авторитет церкви, улучшить нравственный и материальный уровень духовенства.

Проблеме преобразования института православной церкви в отечественной и российской исторической науке уделяется определенное, но недостаточное внимание. Интерес ученых к данному вопросу обусловлен, прежде всего, стремлением выявить причины откладывания решения вопроса о пересмотре сложившихся в Российской империи еще в XVIII в. взаимоотношений государства и церкви с тем, чтобы таковая получила право решения своих собственных проблем (созыв Поместного собора, введение патриаршества, выборность священников и т. д.).

По исследуемой проблеме целесообразно выделить коллективный труд отечественных ученых В. В. Яновской (Григорьевой), В. В. Завальнюка, В. И. Новицкого и Е. Н. Филатовой “Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.)” [1]. Главным достижением данной работы стало то, что она активизировала изучение государственно-конфессиональных отношений на белорусских землях в более узком хронологическом-тематическом плане.

Проблеме изучения положения православной церкви в Российской империи конца XIX – начала XX вв. посвящены монографии С. Л. Фирсова [2–4]. Автор, основываясь на богатой источниковой базе, показал ту непростую ситуацию, в которой оказалась “первенствующая и господствующая” церковь в указанный промежуток времени.

Согласно точке зрения английского исследователя Д. В. Канингема, осознание большинством православного духовенства в нача-

ле XX ст. неканоничности Синодального строя в значительной степени способствовало укреплению в его среде мнения о необходимости созыва Поместного собора [5].

Проблема поиска и реализация реформ института православной церкви в конце XIX – начале XX вв. нашла отражение в работах отечественных и российских ученых В. В. Старостенко [6], Н. М. Кожич [7], В. А. Федорова [8], Д. В. Поспеловского [9–10], М. В. Шкаровского [11], иерея Г. Ореханова [12] и протоиерея В. Цыпина [13]. Приводимые авторами факты свидетельствуют о наличии вопросов, требовавших для их разрешения проведения реформ, прежде всего, во внутренней жизни самой церкви: усиление проповеднической работы среди иноверцев, преобразование делопроизводства в консисториях, введение современных языков и основ естествознания в цикл учебных предметов, изучаемых будущими священниками в семинариях и др.

Основная часть

Предложения о реформировании православной церкви поддерживались православным духовенством как внутрироссийских, так и белорусских земель. Они имели как общие черты, обусловленные социально-экономическими процессами российского общества рубежа XIX–XX вв., так и некоторые особенности, связанные со спецификой развития белорусской культуры, динамикой межконфессиональных отношений. Это проявилось в том, что православное духовенство в северо-западных епархиях придерживалось в основном более умеренных взглядов относительно церковных реформ. Но, несмотря на это, православное духовенство объединяло стремление преобразовать церковь таким образом, чтобы она вновь стала эффективно воздействовать на сознание верующих [14, с. 9].

Критике подверглось проведение церковных служб, совершавшихся “скоро и монотонно”, а также молитвословий, которые священник произносил “вяло и апатично”. В результате складывалось впечатление, “точно служители церкви конкурируют между собой в способности скорейшего выполнения своих обязанностей”. Настроение пастырей постепенно передавалось верующим. Причем первые нередко вступали в чисто “юридическо-коммерческие” отношения со вторыми [15, с. 387], что приводило к снижению религиозного чувства среди местного населения. Исправление ситуации представлялось в уч-

реждении церковных библиотек за счёт “добровольных пожертвований прихожан” [16, с. 198–199, 200–201].

Не на должной высоте оказалась и проповедническая работа отдельных пастырей православной церкви. Нередко проповеди излагались “мертвым языком семинарских учебников”, значительную их часть составляли “механически подобранные тексты”. Оживление церковной проповеди зависело от решительного перевоспитания духовенства в интеллектуально-моральном отношении. В связи с этим особое место отводилось церковной школе [17, с. 175–176].

В начале XX ст. все сильнее стали высказываться неодобрительные отзывы со стороны представителей православного клира о консисторском делопроизводстве, в котором особенно страдало ведение метрических записей. Суть вопроса заключалась в том, что записи в течение месяцев оформлялись на случайных клочках бумаги, сохранялись в незащищенных местах; в результате чего часть из них терялась, а уцелевшие заносились в метрическую книгу. Но даже при занесении записей случались ошибки, а производившиеся по ходатайствам о восстановлении записей формальные следствия влекли за собой бесконечные хождения просителей. Хотя дела о метриках и разрешались положительно, но проходило время, и практическая надобность в них отпадала [18, с. 52–54].

По признанию самих священников, “вся епархиальная жизнь получила бумажное направление, где личному влиянию нет места и времени. Тысячи входящих и исходящих создали крепкую стену, надолго отделившую епархиальную власть от пасомых” [19, с. 330–331].

Сложная ситуация в конце XIX – начале XX в. сложилась и в системе церковного судопроизводства. Секретарь полоцкой консистории М. Г. Попов на первом епархиальном съезде духовенства и мирян выдвинул идею о реформировании системы церковного судопроизводства путем приближения церковного суда к гражданскому через введение выборности духовных судей, поручение расследования судебных дел людям с достаточным практическим опытом и т. д. При решении бракоразводных дел главная роль принадлежала бы епископу, чем, по его мнению, уничтожилась волокита и произошло бы более тесное сближение с паствой. Дела, не имеющие большого значения, должен был разрешать суд чести духовенства церковного округа [20, с. 126].

Следовало также коренным образом видоизменить поездки, совершаемые епископами по своим епархиям, значительно упростив их процедуру, потому что традиционно «архиерей ехал окруженный не только своей свитой, но и сонмом светского начальства», а свое пребывание в приходе ограничивал кратким совершением богослужения и «беглым осмотром храма с проверкой церковной отчетности». Встречавшие и провожавшие епископа крестьяне, отвлекались от полевых работ (как правило, объезды совершались в летнюю пору года. – *В. Т.*). Приходского священника прием архиерея с его многочисленной свитой надолго выбивал из привычного ритма жизни, расстраивал его материальный бюджет [21, с. 172].

Звучали предложения о реформировании духовных учебных заведений, прежде всего церковно-приходских школ, которые следовало устроить по примеру общеобразовательных светских заведений с дополнительными классами или курсами, предназначенными «специально для желающих посвятить себя церковному служению» [22, с. 423].

Предлагалось отменить переводные экзамены для учащихся духовных училищ и семинарий, «имеющих удовлетворительные баллы», подобно тому, как это было сделано в светских прогимназиях и гимназиях. Данная мера, согласно точке зрения ее автора, должна была привести «к притоку учащихся» в данные учебные заведения [23, с. 93–94].

Критике подверглась и существовавшая система обучения в семинариях. Устаревшая методика преподавания приводила к тому, что «семинарист подавлялся многими ненужными предметами». В связи с такой ситуацией, сложившейся в духовных семинариях, выдвигались требования об их преобразовании путем уравнивания со светскими гимназиями, предоставив «доступ семинаристам во все высшие учебные заведения», отменив при этом переводные экзамены [24, с. 528]. Будущая духовная школа представлялась «всесословною в общеобразовательном отношении». Она должна была развиваться «при условиях современной светской науки», одновременно положив во главу своего образовательного угла «православную церковность» [25, с. 54–55].

Немаловажное значение придавалось епархиальным съездам духовенства. Депутаты, присутствующие на них, должны были стать «действительными выразителями интересов» епархиального духовенства, для чего их следовало не назначать, а выбирать. Выбо-

ры депутатов должны были проходить на благочиннических съездах с участием духовенства и мирян (по два представителя от каждого прихода. – *В. Т.*) [26, с. 321].

Священник В. Альбицкий полагал необходимым, чтобы епархиальный съезд гласно занимался распределением пособий, а каждый депутат являлся ходатаем за свой округ. Для упрощения такого дела на благочиннических съездах следовало составлять ведомости духовенства, которому была необходима финансовая поддержка. Признавалось желательным при назначении в приходы священников и диаконов учитывать мнение прихожан [27, с. 434].

Некоторые из предложений духовенства имели практическое воплощение. Так, епископ Полоцкий и Витебский Серафим в начале 1906 г. уведомлял консисторию о разрешении со стороны Синода проводить по мере необходимости пастырские собрания с участием мирян (старост, церковных попечителей, учителей церковно-приходских школ и т. д.), чтобы через «взаимообщение объединить усилия для оживления деятельности прихода» [28, с. 12].

Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX ст. православная церковь была интегрирована в систему государственных органов российского государства, что вызывало недовольство большей части духовенства, требовавшего наделения церкви статусом самостоятельной организации. Активизация религиозной жизни в Российской империи и на белорусских землях в конце XIX – начале XX в. поставила на повестку дня вопрос о реформировании института православной церкви. Православное духовенство как российских, так и белорусских земель выступало за неотложное решение данной проблемы, предлагая комплекс мер по решению основных внутрицерковных вопросов (строгое уставное совершение церковных служб, определение священника в приход с учетом мнения прихожан, улучшение материального состояния духовенства и др.), которые, по его мнению, должны были способствовать дальнейшему укреплению позиций церкви в обществе. Однако власти, заинтересованные в сохранении сложившегося положения дел во взаимоотношениях с православной церковью, не посчитали необходимым изменять их. Вся сложность сложившейся ситуации заключалась в том, что

власти так и не смогли отказаться от двухвековой привычки контроля над церковью. Со своей стороны, православное духовенство, осознавая необходимость реформ, не могло сделать решительного шага на пути к их осуществлению без оглядки на органы гражданской власти. В результате предложения об изменении положения православной церкви остались нереализованными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
2. **Фирсов, С. Л.** Православная церковь накануне перемен (1890-е – 1918 г.) / С. Л. Фирсов. – М. : Культур. центр “Духов. б-ка”, 2002. – 623 с.
3. **Фирсов, С. Л.** Время в судьбе. О генезисе “сергианства” в русской церковной традиции XX века / С. Л. Фирсов. – СПб. : Сатис, 2005. – 398 с.
4. **Фирсов, С. Л.** Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II / С. Л. Фирсов. – СПб. : Сатис, 2005. – 398 с.
5. **Канингем, Д. В.** С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д. В. Канингем; пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London : Overseas publ. interchange, 1990. – 353 с.
6. **Старостенко, В. В.** Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – 272 с.
7. **Кожич, Н. М.** Православие в Беларуси конца XIX – начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности : автореф. дис ... канд. философ. наук : 09.00.03 / Н. М. Кожич ; Гос. науч. учреждение “Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси”. – Минск, 2007. – 20 с.
8. **Федоров, В. А.** Русская православная церковь и государство: синодальный период. 1700–1917 гг. / В. А. Федоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 480 с.
9. **Поспеловский, Д. В.** Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.
10. **Поспеловский, Д. В.** Церковь в истории Руси, России и СССР / Д. В. Поспеловский. – М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.
11. **Шкаровский, М. В.** Русская православная церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
12. **Ореханов, Г., иерей.** На пути к Собору / Г. Ореханов, иерей. – М. : ПСТБИ, 2002. – 222 с.
13. **Цыпин, В., протоиерей.** История русской православной церкви: синодальный и новейший периоды / В. Цыпин, протоиерей. – 3-е изд. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 816 с.
14. **Кожич, Н. М.** Православие в Беларуси конца XIX – начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности : автореф. дис... канд. философ. наук : 09.00.03 / Н. М. Кожич ; Гос. науч. учреждение “Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси”. – Минск, 2007. – 20 с.
15. **И. Щ.** Несколько слов о наших пастырях / И. Щ. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – 1 окт. – С. 382–389.
16. **Ракитский, М. С.,** псаломщик Островской Витебского уезда церкви. Несколько слов о благополучии, которое хуже всякого неблагополучия / М. С. Ракитский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – 10 марта. – С. 198–201.
17. **И. Щ.** О проповедниках и проповедничестве / И. Щ. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – 10 марта. – С. 172–178.
18. **Спиридович, Е.** О консисторском делопроизводстве и епархиальном суде / Е. Спиридович // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – 26 янв. – С. 52–59.
19. **А. В., иерей.** К вопросу о съездах духовенства / А. В. // Литовские епархиальные ведомости. – 1905. – 16 окт. – С. 328–331.
20. Первый Полоцкий епархиальный съезд духовенства и мирян // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – 22 февр. – С. 125–129.
21. **Шавельский, Г. В.** Русская церковь перед революцией / Г. В. Шавельский. – М. : Артос-Медиа, 2005. – 512 с.
22. **И. Щ.** Несколько слов о наших пастырях / И. Щ. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – 15 окт. – С. 420–427.
23. **Щукин, А., протоиерей.** К вопросу об освобождении воспитанников духовных училищ от поверочного экзамена при поступлении их в первый класс семинарии / А. Щукин, протоиерей // Литовские епархиальные ведомости. – 1905. – 6 марта. – С. 93–94.
24. По епархиям. Необходимость преобразования духовно-учебных заведений // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – 15 декабр. – С. 527–529.
25. **Никольский, П.** По поводу ожидаемой реформы духовной школы / П. Никольский // Могилевские епархиальные ведомости. – 1906. – 15 янв. – С. 49–57.
26. Епархиальные соборы или съезды духовенства // Литовские епархиальные ведомости. – 1905. – 25 сент. – С. 321–322.
27. **Д. Р.** Выборное начало в церковной жизни. (Историческая справка) / Д. Р. // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – 15 окт. – С. 425–434.
28. Предложение Преосвященного Серафима, епископа Полоцкого и Витебского, Полоцкой духовной консистории. По вопросу об устройении церковно-приходской жизни и пастырских собраний, к сведению и исполнению духовенством епархии // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – 26 янв. – С. 11–13.

Поступила в редакцию 25.06.2021 г.
 Контакты: tabunov@msu.by
 (Табунув Василий Васильевич)

Tabunov V. V. THE VIEW OF THE ORTHODOX CLERGY OF THE BELARUSIAN LANDS ON THE POSITION OF THE CHURCH AND THE REFORM OF ITS INSTITUTION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES.

The article analyzes the attitude of the Orthodox clergy of the Belarusian lands to the position and reformation of the church in the late XIX – early XX centuries. At that time the Orthodox Church was integrated into the system of state institutions of the Russian Empire, which caused discontent of the clergy demanding the status of an independent organization for solving

internal problems: the performance of church services, the improvement of the clergy material circumstances, the convening of diocesan congresses and their activities. However, the ruling circles of the Russian Empire, while initially expressing support for the Orthodox clergy's desire to transform the institution of the church, did not consider it necessary to change their existing relations with the Orthodox Church, which became a major factor in postponing the issue of its reform.

Keywords: Belarusian lands, Russian Empire, Orthodox Church, clergy, bishop, Holy Synod, chief prosecutor, reforming the institution of the church.

УДК 94(576)“1914/1918”

ЗАМЕНА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯМИ- БЕЖЕНЦАМИ ИЕРОМОНАХОВ НА ДОЛЖНОСТЯХ ВОЕННЫХ СВЯЩЕННИКОВ В АРМИЯХ ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Э. В. Старостенко

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова

В статье рассматривается замена иеромонахов священнослужителями-беженцами на должностях военных священников в воинских частях и учреждениях Западного фронта в 1915–1916 гг. При исследовании причин замены иеромонахов основное внимание уделено особенностям их богослужбной и воспитательной деятельности. Установлено, что в случае достойной службы или пожеланий командования иеромонахи сохраняли место службы. Однако в большинстве случаев военное и духовное начальство воспользовалось возможностью вернуть в епархии неподходящих для службы в армии иеромонахов.

Ключевые слова: Первая мировая война, православное военное духовенство, ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, российская армия, мобилизация, иеромонахи, беженцы, Западный фронт.

Введение

Для осуществления богослужбной, воспитательной и идеологической работы в армии и флоте Российской империи действовал институт военных священников. В начале XX в. он был представлен ведомством протопресвитера военного и морского духовенства. В мирное время в ведомстве состояли штатные священнослужители (духовенство военных церквей, регулярных воинских частей). С началом же Первой мировой войны открылось большое количество священнических должностей в новых воинских частях и учреждениях российской армии. В первую очередь их замещение должно было производиться по мобилизационному расписанию 1910 г. В распи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках проекта “Идеологическая и воспитательная работа православного военного духовенства на восточноевропейском театре Первой мировой войны (1914–1918 гг.)”, договор № Г21М-115.

сании размещалась информация о месте дислокации и времени формирования воинских частей и учреждений, а также о количестве священнослужителей и сроках, в которые им полагалось прибыть к месту службы [1, с. 55].

В то время (протопресвитерство Е. Аквилонова) в ведомстве считали, что наиболее подходящими для службы в действующей армии являются иеромонахи. Согласно указу Синода “О назначении священнослужителей в войсковые части на случай мобилизации армии” от 12 января 1911 г. рекомендовалось избирать кандидатов из монашеского духовенства, из белого же избирать лишь в больших причтах. В иеромонахах видели наиболее подходящих кандидатов по ряду причин: с одной стороны, они могли совершать богослужение, а с другой – они не имели семей и были привычны к аскетическому образу жизни.

Ставший протопресвитером весной 1911 г. Г. Шавельский имел иное мнение на этот счет. Он полагал, что в армии должны служить в первую очередь образованные, красноречивые, молодые священнослужители [2, с. 135]. Он тщательно отбирал кандидатов на штатные должности в своем ведомстве. Однако внести изменения в порядок призыва по мобилизации не удалось, и в начале войны ведомство протопресвитера военного и морского духовенства пополнилось значительным числом иеромонахов. Это подтверждается списками военного духовенства на начало 1915 г. [3].

В ведомстве протопресвитера понимали, что часть иеромонахов для службы в армии не подходила. От военного священника требовалось не только осуществлять богослужбную деятельность, но и проводить идеологическую, воспитательную и просветительскую работу среди солдат и офицеров. Иеромонахи, занявшие должности военных священников, зачастую не имели способностей и знаний для такой работы. Сам протопресвитер, комментируя свои наставления госпитальному духовенству, писал, что иеромонахам и священникам, не имеющим богословского образования, не следует вступать в споры с офицерами и врачами: “Малообразованные, не по разуму ревностные пастыри, **в особенности иеромонахи**, ввязывались в ученые споры или пускались обличать казавшихся им неверующими докторов и офицеров, а те, чтобы поразвлечься, ловко высмеивали их” [4, с. 379].

Основная часть

Возможность изменить ситуацию возникла только осенью 1915 г. До этого времени на протяжении года часть священнослужительских мест занимали неподходящие для службы в армии иеромонахи. Наступление 1915 г. привело к занятию части территории Российской империи силами противника. Епархиальное духовенство было вынуждено вместе со своими прихожанами покинуть дома и бежать в незанятые губернии страны. Проблема заключалась в том, что у многих священников-беженцев были семьи, нередко многодетные, а найти работу на новом месте не представлялось возможным.

В ведомство протопресвитера в большом количестве стали поступать прошения от беженцев об устройстве на священнические должности в армию. При этом часть просителей имела богословское образование, подходящие для службы в походных условиях здоровье и возраст. Это дало протопресвитеру возможность инициировать замену иеромонахов, частично или полностью не соответствующих назначению. Под несоответствием месту назначения в первую очередь имеются в виду неспособность к пастырской и воспитательной работе в воинской среде (невысокий уровень образования, неспособность к произнесению поучений и проведению бесед, личные качества), а также физическое состояние (преклонный возраст и состояние здоровья).

Еще 12 октября 1915 г. главный священник армий Западного фронта К. Богородицкий в распоряжении священнику штаба 10-й армии С. Конопатову указывал на тот факт, что «о.о. иеромонахи – люди одинокие, нередко уже преклонных лет и после 15-ти месяцев военно-походной жизни уставшие и нуждающиеся в продолжительном отдыхе, а иногда и серьезном лечении» [5, л. 117]. А между тем на его имя на протяжении двух последних месяцев поступают прошения от священников занятых противником приходов о назначении на службу. С учетом этих обстоятельств главный священник предлагал предоставить ему список иеромонахов, которые по указанным обстоятельствам могут быть отчислены в епархии, а на их места назначены священники-беженцы. Изучение документов позволяет сделать вывод, что такое распоряжение получили благочинные и штабные священники всех армий, входящих в состав Западного фронта.

11 ноября 1915 г. (более ранний вариант этого решения нами выявлен в резолюции

протопресвитера на указ Синода «Об устройстве судьбы беженцев-клириков» от 24 октября 1915 г., и датирован 31 октября 1915 г.) Г. Шавельский предложил главному священнику армий Западного фронта К. Богородицкому в первую очередь предоставлять места в действующей армии священникам-беженцам, способным к службе в военное время. А иеромонахов (за исключением самых достойных), обслуживающих госпитали и воинские части, приказал вернуть в свои епархии и на их места назначить беженцев. При этом, чтобы избежать новых расходов от казны, священникам-беженцам, назначенным на места иеромонахов, пособия военного времени предлагалось не выдавать (с них брали расписку о согласии на назначение без получения пособий военного времени) [6, л. 2; 7, л. 347 об.].

Несмотря на то что распоряжение протопресвитера главному священнику Западного фронта датировано 11 ноября, рапорты со списками иеромонахов стали поступать К. Богородицкому с середины октября 1915 г., как ответ на его распоряжение от 12 октября 1915 г. Их можно разделить на три группы.

К первой группе мы отнесли рапорты, в которых лишь сообщаются данные о количестве иеромонахов, их имена и места службы. Такие рапорты не позволяют нам судить о деятельности иеромонахов и причинах для их увольнения/оставления в должности. В частности, сведения в такой форме предоставили благочинные 22-й (два иеромонаха), 24-й (два иеромонаха), 26-й (три иеромонаха), 40-й (два иеромонаха), 41-й (два иеромонаха), 62-й (четыре иеромонаха) пехотных дивизий [8, лл. 215, 219, 221, 227, 233, 241]. В некоторых дивизиях иеромонахов на октябрь-ноябрь 1915 г. уже не было (в отдельных случаях использована формулировка «не осталось», что указывает на более раннее отчисление от должности или перевод на другое место). Так, иеромонахов не было в неприданых дивизиях 4-й армии госпиталей, во 2-й и 28-й пехотных дивизиях, 7-й и 11-й стрелковых дивизиях [8, лл. 214, 218, 222, 225, 396].

Вторая группа содержит данные о положительном опыте службы иеромонахов в воинских частях и учреждениях Западного фронта. Обычно в них высказывается желание благочинного об оставлении на месте службы. В 18-й (один иеромонах), 42-й (2 иеромонаха), 64-й (один иеромонах), 66-й (один из двух иеромонахов), 72-й (три иеромонаха) пехотных дивизиях, 3-й стрелковой (два иеромонаха), в

гарнизоне Бобруйска (три иеромонаха) службой монашествующих лиц на должностях священников были довольны [8, лл. 204, 226, 229, 231, 243, 248, 249]. Например, благочинный гарнизона Бобруйска П. Никотин писал, что служащие в госпиталях гарнизона иеромонахи (трое) состоят на службе с начала войны, исполняют свои обязанности добросовестно, имеют награды, и врачи ими довольны [8, л. 204]. Благочинный 72-й пехотной дивизии Г. Радикорский писал, что их иеромонахи (Антоний служил в 298-м Мстиславском полку, Митрофан – в 1-м дивизионном лазарете и Христофор – во 2-м дивизионном лазарете) люди молодые, не уставшие, здоровые, в отдалеке не нуждаются и исполняют свои обязанности аккуратно и усердно, а потому просил не отчислять их в монастыри [8, л. 229 об.]. Благочинный 66-й пехотной дивизии ни в коем случае не допускал отчисление иеромонаха Владимира, который был не только работоспособным, вполне здоровым и всеми уважаемым, но и служил безвозмездно, имея лишь стол [8, л. 243].

Условно к группе рапортов с положительной оценкой службы иеромонахов на должностях военных священников можно отнести те, в которых, несмотря на службу иеромонаха, благочинный признает возможным отчислить его в монастырь, чтобы освободить место для священника-беженца. Такие рапорты были поданы, например, благочинными 6-й (два иеромонаха), 31-й (два иеромонаха), 83-й (три иеромонаха) пехотных дивизий. Благочинный 83-й пехотной дивизии писал, что подчиненные ему иеромонахи молодые и по этой причине не могут быть отчислены в епархию, но вместе с тем признал “желательной” замену их священниками-беженцами: “Это было бы только справедливо, так как о.о. иеромонахи – люди совершенно одинокие, а более чем приличное содержание, получаемое ими, могло бы обеспечить существование семейств священников-беженцев... Кроме того, священники беженцы в большинстве случаев были очень полезны в действующей армии как наиболее развитые и в достаточной мере отвечающие своему назначению” [8, л. 209 об.]. Иеромонахи Макарий и Виссарион, служившие в лазаретах 6-й пехотной дивизии, хоть и названы исполнительными, аккуратными и “готовыми служить делу Родины”, но могут отправиться в свои монастыри, если так решит начальство [8, л. 223]. Схожую позицию занял благочинный 31-й пехотной дивизии К. Вос-

кресенский: несмотря на то, что служащие в дивизионных лазаретах иеромонахи Пимен и Николай отличного поведения и очень исполнительны, ввиду безвыходного положения беженцев их можно заменить [8, л. 230].

Интересная ситуация выявлена в 111-й пехотной дивизии. В рапорте благочинного дивизии иеромонаха Сергия сообщалось, что иеромонахи (их было трое) в отдалеке и лечении не нуждаются (следовательно, в отчислении в епархию нет необходимости) [8, л. 234]. Однако сменивший его в должности благочинного священник А. Романов неоднократно настойчиво просил главного священника уволить всех иеромонахов как не соответствующих месту службы и заменить их священниками-беженцами [8, л. 884 б].

Третья группа рапортов содержит свидетельства о несоответствии назначенных иеромонахов месту службы и согласие на отчисление их в монастыри. В части рапортов помещена рекомендация к отчислению без указания причин: например, в неприданных дивизиям госпиталях, входящих в состав 2-й армии (пять иеромонахов, резолюция главного священника “постепенно замещать беженцами”), в 65-й пехотной дивизии (два иеромонаха), в 31-й пехотной дивизии во всех второстепенных полках священниками были иеромонахи, которых допускалось заменить беженцами [8, лл. 207, 224, 230]. Радость идее замены иеромонахов выразил штабный священник 1-й армии, предложив распространить ее на всех без исключения (аргументов, почему их следует заменить, он не приводит) [8, л. 212].

В ряде рапортов использована формулировка “без ущерба для пользы службы”, что косвенно указывает на ограниченные пастырские способности иеромонахов этих дивизий. В качестве подтверждения этого предположения можно привести рапорт гарнизонного благочинного Новозыбкова, который писал, что замена троих иеромонахов благочиния не принесет ущерба пастырскому делу в госпиталях, так как иеромонахи “не отличаются особой служебной деятельностью” (решено отчислить их в епархию) [8, л. 252].

Еще одной “своеобразной” причиной отчисления иеромонахов в епархию стало их “одиночество” (имеется в виду отсутствие семьи). Вероятно, такое основание благочинные использовали, опираясь на текст распоряжения главного священника от 12 октября 1915 г., где иеромонахов называют одинокими людьми, в то время как священники-беженцы зача-

стую имеют семьи. По такой причине предлагалось отправить в монастыри иеромонахов в 42-й (два иеромонаха), 46-й (два иеромонаха), 50-й (один иеромонах) пехотных дивизиях [8, л. 216, 217, 220].

Куда больший интерес в третьей группе представляют рапорты, в которых дается оценка деятельности иеромонахов на должности военного священника и их соответствию месту назначения. Такие рапорты главному священнику Западного фронта в октябре 1915 г. – январе 1916 г. предоставили гарнизонный благочинный Гомеля, священники штабов 7-й и 10-й армий (они являлись благочинными госпиталей, неприданных дивизиям, входящим в состав армий), благочинные 59-й и 111-й пехотных дивизий. Иеромонахам, служившим в госпиталях Гомеля, благочинный Г. Тиховский дал такую характеристику: священник 236-го хирургического госпиталя иеромонах Анувий был малограмотным, имел лишь домашнее образование (резолуция главного священника “отчислить”); священник 117-го полевого запасного хирургического госпиталя иеромонах Никодим имел слабое здоровье (резолуция главного священника “запросить врача”), священник 279-го полевого запасного госпиталя Анатолий имел домашнее образование [8, л. 205–205 об.]. Правда, в рапорте от 15 января 1916 г. благочинный Г. Тиховский дополнил свой отзыв об иеромонахе Никодиме, указав не только на его болезни, но и на низкий уровень образования, из-за которого тот не в состоянии вести беседы с солдатами и устраивать для них чтения [8, л. 996 об.]. Более содержательный отзыв дал трем иеромонахам, служащим в госпиталях, неприданных дивизиям 2-й армии, священник штаба 10-й армии С. Конопатов: “Хотя [иеромонахи] и не выразили желания оставить госпитали и возвратиться в свои обители, но, по своей неразвитости, малограмотности, совершенной неспособности к проповедованию Слова Божия и преподаванию христианского утешения больным и раненым воинам, могли бы быть [отчислены] с пользой для святого дела” [8, л. 228]. При этом священника 330-го госпиталя иеромонаха Валериана он охарактеризовал как “выдающегося по некультурности человека”. Благочинный 59-й пехотной дивизии А. Шабашев писал, что иеромонахи при лазаретах – люди совершенно безграмотные, а потому их замена весьма желательна. Предметно он высказался об иеромонахах Никодиме и Феогносте, которые служили при 234-м пехотном Богучарском и

235-м пехотном Белебеевском полках соответственно: “о.о. Никодим и Феогност люди пожилые, и хотя справляются со своими обязанностями, но служба при полку для них тяжела, кроме того, дальше требоисправления они не в состоянии по своему образованию дать что-либо нижним чинам в области религиозно-нравственного наставления и утешения” [8, л. 242]. Общую характеристику восьми иеромонахам, служащим в лечебных заведениях, неприданных дивизиям 7-й армии, дал штабной священник Е. Якиманский: “Все помянутые в списке о.о. иеромонахи не обладают в достаточной степени грамотностью, лишены богословского образования и, как проповедники слова Божия, совершенно не отвечают своему назначению в военно-лечебных заведениях” [8, л. 253]. Недоучкой назван в рапорте благочинного 7-й пехотной дивизии иеромонах Аркадий, служивший в 1-м лазарете этой дивизии: “Малоучка... Читает не борзо, слабовато, на труднопроизносимых словах затягивает и перевирает. По умению поучает пасомых... Заамвонную молитву говорил за кашлем, слабым зрением, беззубием, прочитал плохо...”, – а потому, если это возможно, благочинный рекомендовал заменить “старика” [8, л. 980].

При рассмотрении вопроса необходимо обратить внимание на отношение к службе иеромонахов в качестве военных священников их военного начальства – командиров полков, начальников дивизий, главных врачей. Среди архивных документов можно встретить подтверждение ими несоответствия месту службы. Так, главный врач 408-го полевого запасного госпиталя, расположенного в Ракове, согласился с заменой иеромонаха, чтобы, с одной стороны, оказать помощь священникам-беженцам, обремененным семьей, а с другой – удалить служащего в госпитале иеромонаха Иоанникия как человека болезненного и “крайне скудного” образования [5, л. 149]. Начальник 9-го головного эвакуационного пункта в Лунинце писал о ненадлежащем образовательном уровне служащих в госпиталях иеромонахов: “Оба эти иеромонаха – люди не только без всякого образования, но люди едва грамотные... совершенно не могут быть терпимы в госпиталях, так как они не только не в состоянии вести каких-либо бесед духовно-нравственного содержания с больными и ранеными, но они не в состоянии дать даже надлежащее разъяснение прочитанному Св. Евангелию” [9, л. 67–67 об.].

Были также обратные ситуации, когда начальство просило оставить иеромонахов на службе. Эти просьбы были связаны как с защитой действительно хорошего военного священника, так и вызваны обращениями к ним иеромонахов, нежеланием нарушать сложившийся в полку (госпитале) порядок. Командир 256-го пехотного Елисаветградского полка просил не отчислять в монастырь иеромонаха Арефу, который в течение года неразлучно следовал с полком и имеет награды: “Посещая всегда и во всякое время окопы и передовые позиции под действительным огнем неприятеля он безусловно поддерживал в воинах не только религиозное настроение, но и давал им крепость и веру в непобедимость русского оружия” [8, л. 645]. Главный священник уведомил командира, что Арефа останется в полку. Главный врач 404-го полевого госпиталя просил уведомить его о причинах отчисления иеромонаха Иоанна, на что штабной священник 2-й армии Д. Образцов сообщил, что Иоанн по своему развитию и образованию не соответствовал высокому назначению пастыря: “Он не обладал умением и способностью подойти на религиозные запросы и нужды паствы. Малое развитие и скудость образования ставит его в невыгодное положение пред своими сослуживцами и этим умаляет авторитет его священного сана” [8, л. 1035–1035 об.]. Хотя порой причины не были связаны с самой деятельностью иеромонаха. Например, главный врач 10-го полевого запасного госпиталя (Рогачев) просил оставить иеромонаха Серапиона, так он приобрел антиминс и церковные сосуды, а также ввиду частой смены священников в госпитале [8, л. 498]. Главный священник не отменил свое решение об увольнении. Главный врач 177-го полевого запасного госпиталя просил оставить иеромонаха Никодима как “ни разу не болевшего” [8, л. 504]. В описании конфликта благочинного и начальника 68-й пехотной дивизии мы встречаем указание на тот факт, что начальник дивизии потребовал оставить иеромонаха Парфения и его просьба была удовлетворена: “Телеграмма сделала свое дело. Ведь я написал, что не ручаюсь за настроение солдат в окопах. Если протопресвитер не послушал бы, мы знаем дорогу и дальше” [10, л. 764].

Ситуация, безусловно, вызвала недовольство со стороны некоторых иеромонахов, так как служба в армии давала доход и определенные свободы, невозможные в стенах монастырей. Поэтому многие писали проше-

ния на имя главных священников и протопресвитера о возвращении на службу в армию. Например, прошение бывшего священника 195-го полевого подвижного госпиталя иеромонаха Филарета на имя К. Богородицкого от 2 июня 1916 г. Так как поводом для отчисления иеромонаха стало отсутствие у него “красноречия”, то иеромонах просил направить его если не в госпиталь, то в военно-санитарный поезд или туда, где больные часто сменяются. Там, по его мнению, паства не нуждается в долгих речах, а лишь в “ласковом участливом слове, беседе, напутствии и утешении”, что вполне в его силах дать [1, с. 66; 11, л. 240–240 об.]. Главный священник армий Западного фронта оставил это прошение без удовлетворения. А священник 1-го лазарета иеромонах Михай в рапорте благочинному 111-й пехотной дивизии сообщал, что был при осаде Перемышля, под снарядами посещал окопы, служил, напутствовал и погребал, а в случае отчисления идти ему некуда, так как его Лавра занята неприятелем. С учетом этих обстоятельств его было решено оставить. Однако новый благочинный 111-й пехотной дивизии неоднократно сообщал главному священнику о несоответствии Михея месту службы. Он обвинял иеромонаха не только в уклонении от пастырской деятельности, но и в неумении вести метрические книги. Это большая ошибка, учитывая важность метрических записей: “В графе “звание, имя, отчество и фамилия” умершего – прописано полусловами, с точками на полуслове – не губерния, уезд и волость ... а лишь полк, рота, имя и фамилия, отчество встречалось в записи редко; весь акт записан на одной строчке; подписи иеромонаха нет ни под одним актом; вся страница пестрит записями “неизвестный один нижний чин”, “неизвестных два”, “три”, “четыре” нижних чина. В графе “кто совершал погребение и где погребен” – идет запись не столбцом – строчками против акта, а тянутся с нижнего края графы до верха длинные строчки в книге” [8, лл. 1036 об.-1037]. Выяснилось, что над умершими евреями он совершал православный чин погребения, а неизвестных записывал в метрические книги (что делать запрещалось).

Начиная с осени 1915 г. удалось вернуть в монастыри часть иеромонахов, чья работа в должности военного священника в действующей армии не отвечала требованиям времени и компрометировала институт военного духовенства. Однако, по нашему мнению, это решение не могло искоренить проблему кадров

в ведомстве протопресвитера в годы войны. В первую очередь это связано с тем, что пришедшие на смену иеромонахам епархиальные священнослужители, пусть образованные и молодые, не всегда понимали, какие именно задачи на них возлагаются, не видели принципиальных отличий службы в епархиальном приходе от службы в воинской части или госпитале. Епархиальное духовенство было, по сути, “котом в мешке”, так как проводить собеседования с каждым кандидатом не представлялось возможным. Поэтому на освобождающиеся должности (не только места иеромонахов, но и в целом на вакантные места) в армию могли попасть неподходящие на место военного священника лица.

Заключение

Мы видим, что в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства были недовольны службой иеромонахов, поступивших в воинские части и госпитали Западного фронта в начале Первой мировой войны. Появление большого количества священнослужителей-беженцев дало возможность провести замену части монашествующих лиц на должностях военных священников. Изучение документов позволяет говорить об отсутствии стремления увольнять всех иеромонахов огульно. Тех, кто соответствовал месту назначения и за кого ходатайствовали благочинные и командиры (главные врачи), оставляли в должности. Благодаря рапортам благочинных можно установить основные недостатки деятельности иеромонахов в армиях Западного фронта: недостаточный уровень образования (вплоть до малообразованности или домашнего образования) и эрудированности, неспособность к проповедованию, желание обогащения и наград, иногда состояние здоровья и возраст.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Старостенко, Э. В.* Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны : монография / Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 200 с.

2. *Старостенко Э. В.* Епархиальное духовенство на службе в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны / Э. В. Старостенко // Вест. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2020. – № 9. – С. 134–141.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9440.

4. Шавельский, Г. В школе и на службе. Воспоминания / Г. Шавельский. – М. ; Брюссель, 2016. – 820 с.

5. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9762.

6. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9627.

7. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9758. Т. 2.

8. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9756 Б.

9. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10025.

10. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Т. 1.

11. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Т. 2.

Поступила в редакцию 16.10.2021 г.

Контакты: eleonorastarostenko@mail.ru

(Старостенко Элеонора Викторовна)

Starostenko E. V. REPLACEMENT OF HI-EROMONKS BY REFUGEE PRIESTS IN THE ARMIES OF THE WESTERN FRONT DURING WORLD WAR I.

The article considers the replacement of hieromonks by refugee priests in military units and institutions of the Western Front during the First World War. Due to the occupation of the part of the territory of the Russian Empire by the enemy armies, a part of the diocesan clergy fled from their parishes and lost their livelihood. In the Department of the Protopresbyter of the Military and Naval Clergy, it was decided to provide them with places in the army, freeing hieromonks from service. The article highlights the reasons for replacing hieromonks. Special attention is paid to the peculiarities of their liturgical and educational work. Thanks to the worthy service or the wishes of the command, the hieromonks retained their place of service. In most cases, it was decided to return the hieromonks to the dioceses.

Keywords: World War I, Orthodox military clergy, Department of Protopresbyter of Military and Naval Clergy, Russian army, mobilization, hieromonks, refugees, Western Front.

УДК 94(476):329

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОМЕЛЬСКОЙ УЕЗДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ЭСЕРОВ) ЛЕТОМ 1917 г.

А. А. Воробьев

кандидат исторических наук, доцент,
Могилевский институт МВД
Республики Беларусь

В статье проводится анализ деятельности Гомельской уездной организации партии социалистов-революционеров (эсеров) летом 1917 г. Анализ проведен автором как на основе архивных материалов, так и на основе материалов периодической печати, которые по своей информационной насыщенности вполне могут быть сравнимы с архивными. По итогам анализа автор пришел к выводу о том, что деятельность Гомельской уездной организации партии эсеров летом 1917 г. была очень разнообразной и активной, что позволило данной организации не только сохранить ранее завоеванное в предыдущий период времени влияние на население города Гомеля и Гомельского уезда, но и усилить влияние на крестьян Гомельского уезда.

Ключевые слова: революция, партия, социалисты-революционеры, эсеры, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Могилевская губерния, уезд, город Гомель.

Введение

После победы в России Февральской буржуазно-демократической революции в стране образовалась многопартийная система. Одной из наиболее влиятельных политических партий России в марте-мае 1917 г. была Всероссийская партия социалистов-революционеров (эсеров), которая сумела оказать достаточно сильное влияние на население как всей России, так и белорусских губерний, которые входили в ее состав.

Представители Гомельской уездной организации эсеров в указанный период сумели легальным путем (через выборы) захватить в свои руки ряд важнейших постов в органах власти и управления, чтобы затем использовать эти органы для упрочения влияния своей партии на широкие массы крестьян, рабочих, солдат и другие категории населения. В период марта-мая 1917 г. постепенно усилилось политическое противостояние между эсерами и большевиками, которые так же, как и эсеры, боролись за влияние на широкие на-

родные массы. Данная публикация является продолжением предыдущей и направлена на изучение деятельности одной из наиболее влиятельных (Гомельской уездной) местных организаций партии социалистов-революционеров (эсеров) на территории Могилевской губернии летом 1917 г. [1].

Основная часть

Вначале следует отметить то, что политическая деятельность эсеровских организаций на территории Беларуси в период между Апрельским и Июльским кризисами Временного правительства была весьма разнообразной и эффективной. Эсеры активно участвовали в митингах, демонстрациях и дискуссиях, работе крестьянских съездов и сходов, создавали курсы агитаторов-пропагандистов, открывали библиотеки и школы грамоты, в наступательном ключе действовала эсеровская печать. Так, наиболее массовая в Могилевской губернии газета “Молот” призывала население губернии покупать и читать только социалистические и народные газеты: “Известия Совета рабочих и солдатских депутатов” (Петроград), “Дело народа” (Петроград), “Земля и воля” (Петроград), “Крестьянский союз” (Москва), “Земля и воля” (Москва), “Рабочая газета” (Петроград), “Новая жизнь” (Петроград), “Правда” (Петроград), “Труд” (Москва), “Единство” (Петроград) и “Воля народа” (Петроград). В ней же содержался призыв не читать буржуазные газеты, (такие как “Русская воля”, “Русское слово”, “Речь”, “Биржевые ведомости”, “Современное слово”, “Утро России”, “Новое время”, “Свет” и др.), которые, как было сказано, блюдут интересы богатых классов, пренебрегая интересами и нуждами трудового народа [2]. Четырнадцатого июня 1917 г. газета “Молот” обратилась с призывом распространять ее среди населения Могилевской губернии, поддерживать материально и проводить на нее массовую подписку. С газетой активно сотрудничали и часто публиковали в ней свои статьи эсеры М. Б. Гольман, А. Н. Григорьев, Е. А. Копыстинский, П. П. Логунов, Г. И. Певзнер [3].

Лето 1917 г. стало пиком успехов как всей партии социалистов-революционеров, так и ее низовых (губернских и уездных) организаций. Двадцать четвертого июля 1917 г. после Июльского кризиса первого коалиционного Временного правительства (в котором преобладали представители буржуазных партий), вызванного его антинародной полити-

кой, было сформировано второе коалиционное правительство, состав которого отражал влияние и популярность среди народных масс России эсеров. Один из лидеров их партии (А. Ф. Керенский) занял сразу два поста: министра-председателя и военно-морского министра. В. М. Чернов сохранил за собой принципиально важный для эсеров пост министра земледелия. Н. Д. Авксентьев, впервые вошедший в состав кабинета министров, получил также важный пост министра внутренних дел.

Продолжали наращивать свою активность и эсеровские организации на местах. Они и руководимые ими Советы и органы самоуправления решительно осудили выступление большевиков с целью захвата власти в стране 3-4 июля в Петрограде. Так, Гомельский уездный Совет крестьянских депутатов под председательством эсера Цветаева 23 июля 1917 г. принял на своем заседании резолюцию, в которой говорилось, что Совет окажет полную поддержку Временному правительству [4]. Объединенный Гомельский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в опубликованном воззвании к населению города и уезда заявил дословно следующее: “Пусть революционное правительство народного спасения найдет везде и всюду могучую поддержку в осуществлении своей народной, революционной диктатуры, чтобы революционный порядок выполнялся строго и без послабления, чтобы ни один дезертир не остался в тылу, чтобы “Заем свободы” стал общенародным делом, чтобы всякие эксцессы и каждое проявление анархии и контрреволюции, откуда бы они ни исходили, были немедленно разоблачены и подавлены” [5]. Всестороннее исследование документов и материалов Советов Беларуси показало, что Советы всех городов, кроме Слуцка, и абсолютно все Советы крестьянских депутатов не только не осудили Временное правительство за подавление выступления большевиков 3-4 июля, но и осудили последних за то, что произошел расстрел демонстрации [6, с. 189-190]. Вместе с тем июльский расстрел был также первым вооруженным выступлением Временного правительства против народа после Февральской революции. Это было вызвано тем, что буржуазии и помещикам не нравилось происходившее углубление революции, выразившееся в росте движения народных масс за мир, крестьян за землю, угнетенных наций за самоопределение, а всех революционных сил за демократическую республику.

Вхождение представителей партии социалистов-революционеров в коалиционное Временное правительство способствовало плану российской буржуазии затормозить развитие революционных процессов в стране, ибо платой за коалицию с кадетами становилось отступление эсеров от своих программных установок. После июльских событий социалисты-революционеры стремились не только сохранить достигнутое ранее влияние на народные массы, но и укрепить и расширить его. В июле 1917 г. эсеры Беларуси провели по просьбе секретариата ЦК партии социалистов-революционеров сбор единовременного налога в сумме одного рубля с каждого члена партии на организацию выборов в Учредительное собрание, на расширение издательской работы партии и прочую деятельность [7]. На состоявшейся в это время первой конференции районного комитета Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов представитель местечка Мены (местечко относилось к соседней Черниговской губернии) эсер Домашенко сообщил, что после переворота (так, он, по всей видимости, назвал Февральскую революцию) у них организовалась группа эсеров, которая объединила около 200 человек рабочих и мастеровых, а также был создан Совет рабочих депутатов под председательством студента Григоренко, в который входило двадцать два человека. Были образованы также библиотека и читальня. Представитель местечка Носовичи социалист-революционер Хейфец сказал в своем выступлении, что комиссары Временного правительства на местах мешают революционному движению. Участник конференции от Вылевской волости эсер Пронузо в своем выступлении обратил внимание на то, что у них в волости нет революционных сил и просил помощи агитаторами и литературой. Конференция по своей сути стала смотром деятельности эсеровских организаций города Гомеля и Гомельского уезда и на ней было выяснено, что деятельность эсеров была недостаточно эффективной [8].

В июле 1917 г. при активном участии местных эсеровских организаций прошел ряд крестьянских и других съездов. В конце месяца состоялся третий съезд Гомельского Совета крестьянских депутатов, на котором председательствовал эсер Цветаев. Особое внимание съезд уделил аграрному вопросу. В выступлении социалиста-революционера Бахтина (председателя Гомельского уездного земельного комитета) говорилось о непра-

вильном выполнении своих функций сельскими земельными комитетами. Так, в некоторых селениях были допущены самовольные захваты лугов. Докладчик призвал не считаться со своими узкими эгоистическими интересами, а удовлетворять прежде всего государственные нужды. Съезд признал необходимым добиться согласованных действий земельных комитетов, не допускать неорганизованности в работе сельских комитетов, что нарушало общий план распределения земельных угодий. Съезд от начала до конца прошел под влиянием эсеров, впрочем, иначе и быть не могло, ибо из тридцати членов Гомельского уездного Совета крестьянских депутатов шестнадцать человек были социалистами-революционерами, семь являлись меньшевиками, а остальные – беспартийными. Аналогичная картина наблюдалась и во всех волостях Гомельского уезда, где влияние эсеров оставалось прочным [9]. Двадцать третьего–двадцать пятого июля 1917 г. в Могилеве состоялся Могилевский губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. На нем присутствовали сорок три делегата от шестнадцати Советов рабочих и солдатских депутатов: Могилевского, Гомельского, Оршанского, Жлобинского, Чериковского, Климовичского, Мстиславского, Горьковского, Сенненского, Дубровенского, Копытского, Шкловского, Рудненского, Костюковичского, Крупского и Толочинского. Председателем съезда был избран Севрук (Гомель), товарищами председателя (т. е. его заместителями) – Богданов (Гомель) и Ветров (Могилев). Все трое были представителями партии меньшевиков. По окончании работы съезда был избран новый исполнительный комитет Совета в количестве двенадцати человек, в числе которых был и гомельский эсер Засорин. Председателем же исполкома избрали меньшевика Севрука. Съезд выступил за энергичную подготовку к выборам в Учредительное собрание, а также потребовал отставки Могилевского губернского комиссара Временного правительства князя Друцкого-Соколинского. Друцкому-Соколинскому ничего не оставалось, как подчиниться этому требованию и сложить свои полномочия. Удаление с поста губернского комиссара человека старого времени, князя Друцкого-Соколинского, бывшего царского губернатора Минской губернии, явилось важным событием как для съезда, так и для всей Могилевской губернии [10]. Все крестьянство Могилевской губернии с удовлетворением восприняло известие об отставке

губернского комиссара князя Друцкого-Соколинского, которой от него потребовали за то, что он направил войска в Рогачевский уезд для борьбы с крестьянскими выступлениями.

Оценивая политические настроения в партии эсеров после Июльского кризиса 1917 г., можно сказать, что как Центральный Комитет этой партии, так и ее местные организации действовали в русле политической линии буржуазии и помещиков, способствуя их стремлению затормозить, а в конечном счете и вовсе свернуть революционные завоевания народных масс. Оттягивая решение вопросов о мире и войне, аграрного и других, эсеры тем самым играли на руку буржуазно-помещичьим кругам и в нарушение своих программных установок шли вопреки желаниям широких народных масс. Местные организации эсеров развернули кампанию дискредитации большевиков, обвиняя их в кровопролитии в начале июля 1917 г. в Петрограде. Кое-где большевики вынуждены были переходить на подпольную работу, но в Беларуси большевики продолжали свою деятельность в легальных условиях. Вместе с тем необходимо признать и то, что уже в июле в деятельности эсеровских организаций Беларуси стали появляться элементы расхождений с линией ЦК партии. Это выражалось в критике политики партии кадетов (основных партнеров эсеров по правительственной коалиции), деятельности правительственных комиссаров на местах и, наконец, в требованиях об отставке Могилевского губернского комиссара Временного правительства князя Друцкого-Соколинского.

Поскольку раньше буржуазно-помещичьим силам не удалось добиться реальных успехов в подавлении революции в августе 1917 г. они стали готовить военный переворот. В первой же декаде августа в политической жизни организаций социалистов-революционеров Беларуси ничего существенно нового не наблюдалось. Они продолжали участвовать в выборах органов самоуправления, проводили митинги, собрания, участвовали в съездах, которые состоялись в то время. Так, товарищем (заместителем) председателя Гомельской городской думы был избран эсер Н. Ф. Годзевич, а одним из шести членов Гомельской городской управы – социалист-революционер Андрианов [11, л. 10]. Второй Могилевский губернский съезд крестьянских депутатов в первой половине августа уделил основное внимание аграрному вопросу. В резолюции, принятой съездом, указывалось на необходимость

проведения в жизнь земельной реформы в духе программы партии социалистов-революционеров, а именно: 1) все земли – казенные, кабинетные, царские, удельные, майоратные, помещичьи, частновладельческие, церковные, монастырские, наделные, городские, усадебные, культурные хозяйства и всякого рода другие с их недрами, лесами, мельницами и всякого рода сельскохозяйственными предприятиями и водами должны перейти в общенародное достояние без всякого выкупа; 2) земля, как не созданная трудом человека, а как дар природы, должна быть раскрепощена – не должна ни продаваться, ни покупаться, и частная собственность на землю отменяется навсегда; 3) землю может получить в пользование только тот, кто обрабатывает ее трудом личным или трудом своей семьи на трудовых, товарищеских и артельных началах без наемного труда, инвалиды же, вдовы и сироты должны содержаться за государственный счет; 4) земля должна быть распределена уравнительно, в зависимости от ее плодородия, от рабочих рук, от числа едоков и др.; 5) распределением земли и всем земельным фондом ведают местные уездные и областные органы самоуправления; 6) леса, воды и недра земли должны находиться в распоряжении государства. Резолюции съезда по другим вопросам не отличались от революций предыдущего Могилевского губернского крестьянского съезда. Выполнение всех резолюций съезда откладывалось до созыва Учредительного собрания. Следовательно, съезд предлагал крестьянству ждать неопределенное время, ибо точная дата выборов в Учредительное собрание не была известна [12]. Такие решения, соответствовавшие эсеровским проектам, принимались крестьянскими съездами белорусских губерний с трудом, ибо широкие крестьянские массы все больше требовали безотлагательного решения аграрного и других вопросов.

По мере приближения осени крестьянское и солдатское движение в белорусских губерниях расширялось и углублялось. Местные организации социалистов-революционеров, представители которых входили в органы власти и самоуправления, принимали разнообразные меры к недопущению развития демократического движения в деревне и армии. Эсеровскими организациями проводились мероприятия, имевшие целью агитацию и усиление своего влияния на народные массы. В этих целях в августе 1917 г. при губернских и уездных комитетах партии социалистов-ре-

волюционеров открывались новые бесплатные библиотеки-читальни, распространялась социалистическая литература [13].

Однако, несмотря на стремление эсеровских организаций белорусских губерний убедить народные массы в необходимости решения всех жизненно важных вопросов Учредительным собранием и тем самым оградить от нападков и критики своих лидеров, занявших министерские посты, позиции руководства партии социалистов-революционеров и ее низовых организаций в оценке текущих событий начинали все более расходиться. Так, например, первая Могилевская губернская конференция партии социалистов-революционеров приняла в августе резолюцию по текущему моменту, в которой требовала от Временного правительства немедленного решения вопроса о мире, отмены смертной казни на фронте, демократизации армии, роспуска Государственной думы и Государственного совета, так как считала их контрреволюционными, издания декрета о 8-часовом рабочем дне, издания точной и определенной инструкции по переходу до Учредительного собрания всех земель в ведение земельных комитетов. Относительно коалиции с кадетами участники конференции заявили, что никакое соглашение между революционной демократией и буржуазией революцию не спасет, а образовавшееся коалиционное Временное правительство не соответствует целям и задачам революции [14]. Одновременно с этим организации социалистов-революционеров на местах активизировали агитацию среди крестьянства, которое составляло большинство населения страны. Особое внимание обращалось на издание партийной литературы, открытие библиотек, выступления среди крестьян с призывами вступить в партию эсеров.

Заключение

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно утверждать, что деятельность Гомельской уездной организации социалистов-революционеров летом 1917 г. характеризовалась весьма высокой политической активностью среди широких народных масс. Эсеры Гомельской уездной организации стремились, как и в предыдущий период деятельности (марте–мае 1917 г.), путем выборов занять руководящие посты в органах власти и управления всех уровней, дабы впоследствии использовать это для упрочения влияния своей партии на широкие массы крестьян, рабочих, солдат и другие

категории населения. В этот период времени все больше усиливается политическое противостояние между партиями эсеров и большевиков, которые предприняли в июле 1917 г. первую попытку вооруженного захвата власти в России. Все местные организации эсеров на территории Беларуси, включая и Гомельскую уездную организацию партии, резко осудили эту попытку большевиков, оценив ее как предательство интересов революции и угрожающей началом в стране гражданской войны, которой боялись все политические силы, за исключением большевиков. Летом 1917 г. эсеры продолжали активную деятельность в Советах, солдатских комитетах и крестьянских организациях, активно выступали за созыв Учредительного собрания.

Однако в этот период все больше стали нарастать противоречия между ЦК партии эсеров, с одной стороны, и ее местными организациями – с другой. Эти противоречия были вызваны сближением ЦК эсеровской партии с либерально-буржуазной партией кадетов, тогда как местные организации эсеров требовали разрыва с кадетами. До выступления генерала Корнилова местные эсеровские организации путем широкого проведения агитационно-пропагандистских мероприятий в основном сумели создать лояльное отношение народных масс к коалиционному Временному правительству и проводимой им внутренней и внешней политике. И все же кредит доверия народа к партии социалистов-революционеров начал падать, ибо эсеры-министры не сделали ни одного практического шага по претворению в жизнь данных ими народным массам обещаний. Низовые эсеровские организации, которые лучше лидеров партии знали настроения различных категорий населения, все громче требовали от партийных верхов перехода к реализации основных положений программы партии социалистов-революционеров и выступали за углубление революционных преобразований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Воробьев, А. А.* Деятельность Гомельской городской организации социалистов-революционеров в марте–мае 1917 года / А. А. Воробьев // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серья А. Гуманитарныя науки. – 2020. – № 2. – С. 56–62.

2. Молот. – 1917. – 1 июня.
3. Молот. – 1917. – 14 июня.
4. Рабочая мысль. – 1917. – 26 июля.
5. Известия Гомельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. – 13 июля.
6. *Игнатенко, И. М.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Мн. : Наука и техника, 1986. – 344 с.
7. Известия Витебских Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 18 июля.
8. Известия Гомельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. – 6 июля.
9. Известия Гомельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. – 23, 27 июля.
10. Рабочая мысль. – 1917. – 29 июля.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2912. Оп. 1. Д. 29.
12. Могилевская жизнь. – 1917. – 12 августа.
13. Минская газета. – 1917. – 4 августа.
14. Молот. – 1917. – 15 августа.

Поступила в редакцию 01.07.2021 г.

Контакты: rah4@yandex.ru

(Воробьев Александр Александрович)

Vorobiev A. A. ACTIVITY OF GOMEL DISTRICT ORGANIZATION OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARY PARTY (SRP) IN THE SUMMER OF 1917.

The article analyses the activity of the Gomel district organization of the Socialist-Revolutionary Party (SRP) in the summer of 1917. The analysis has been conducted on the basis of both archival materials and materials of periodicals, which can be quite comparable to archival materials in terms of information richness. As a result of the analysis the author has come to the conclusion that the activity of the Gomel district organization of the Socialist-Revolutionary Party in the summer of 1917 was very diverse, which allowed this organization not only to keep the influence on the population of the city of Gomel and the Gomel district, but also to increase the influence on the peasants of the Gomel district.

Keywords: revolution, party, Socialist-Revolutionaries, Social Revolutionaries, Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies, Mogilev Province, district, city of Gomel.

УДК 930(476):94:327(476:430)“1918”

БРЕСТСКИЙ МИР В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С. Н. Рожкова

старший преподаватель

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

В статье охарактеризована белорусская историография, посвященная истории Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. Установлены и охарактеризованы важнейшие положения и выводы, к которым пришли белорусские исследователи данной проблемы, определена их научная обоснованность. Осуществлен сравнительный анализ советского и постсоветского этапов белорусской историографии истории Брестского договора.

Ключевые слова: белорусская историография, германистика, Германия, Советская Россия, международные отношения, Брестский мирный договор.

Введение

К моменту прихода к власти большевиков Россия уже фактически потерпела поражение в Первой мировой войне. Правительство В. И. Ленина, чтобы сохранить свою власть, пошло на подписание Брестского мира с Германией и ее союзниками по Первой мировой войне. Во время переговоров в Брест-Литовске решалась судьба и белорусского народа, но Советская Россия и Германия не считались с его интересами и отказали белорусским представителям в праве участвовать в переговорах. Учитывая важную роль Брестского договора в судьбе Беларуси, его изучение стало значимым направлением белорусской исторической науки. На сегодняшний день ею уже накоплен значительный историографический материал по данной теме. В этой связи представляется актуальным оценить имеющиеся результаты научных исследований в данной области, что будет содействовать определению их дальнейших направлений. Указанная задача и решается в данной статье. До настоящего времени историография советско-германских отношений на брестском этапе не была предметом глубокого специального исследования. Она лишь затрагивалась в отдельных работах [1].

Основная часть

Первые работы, в которых освещалась проблема заключения Брестского мира, появились в белорусской историографии в 70-е гг. XX в. Их авторы не могли в полной мере раскрыть содержание данной проблемы, так как был ограничен доступ к архивным документам. Классовый подход, которым руководствовались советские историки при исследовании истории международных отношений, обусловил односторонность сделанных ими оценок и выводов. То, что история Брестского мира не получила широкого освещения в белорусской советской историографии, связано также с тем, что данная проблематика в то время изучалась преимущественно в крупнейших научных центрах СССР: Москве, Ленинграде. В качестве значимых работ белорусской историографии по этой теме следует отметить исследования Г. М. Трухнова. В своей монографии “Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) он обвиняет Германию в выдвигании империалистических требований по отношению к Советской России. По мнению белорусского ученого, руководство Германии не хотело мириться с образованием Советского государства, т. е. тем самым перечеркивались надежды на осуществление программы “Дранг нах остен”. Согласно этой захватнической программе немецкого империализма предусматривалось расчленение России и отторжение от нее Украины, Крыма, Беларуси, Прибалтики и ряда других районов. Руководство Германии пыталось превратить Советское государство в свою колонию, отмечает Г. М. Трухнов. Германское правительство обсуждало также вопросы свержения советской власти в России силами специально посланных для этого немецких дивизий. Рабочие Германии выступали в защиту Советской России. Когда на брестских переговорах Германия предъявила советской делегации грабительские условия мира, немецкие рабочие открыто потребовали от правительства своей страны заключения справедливого мира с Советской Россией [2, с. 14–17].

Схожую характеристику империалистических планов Германии в ходе переговоров в Бресте дает А. М. Бабков. Он указывает, что германское руководство поставило вопрос об аннексии части Беларуси для того, чтобы использовать ее как дешевый источник сырья для германской экономики. В этой связи автор писал: “Цель германской интервенции заключалась в отрыве Белоруссии от Совет-

ской России, ликвидации Советской власти и превращении ее в аграрно-сырьевой придаток Германии” [3, с. 123; 4, с. 21–22]. Именно характеристика империалистической политики Германии занимала центральное место в белорусской советской историографии при изучении Брестского договора. Для неё была характерна однозначность идеологически predeterminedных оценок, отсутствие альтернативных точек зрения.

В постсоветское время в Республике Беларусь значительно активизировалось изучение отношений между Германией и Советской Россией, в том числе и Брестского договора. Открытые в 1990-е гг. материалы архивов значительно улучшили источниковую базу исследований. В белорусской исторической науке монопольное господство марксистско-ленинской методологии сменилось методологическим плюрализмом. Появились возможности альтернативных трактовок проблем, связанных с историей Брестского мира.

Белорусские историки обратили внимание на причины заключения Брестского мира. В отечественной постсоветской историографии распространено положение, согласно которому Советская Россия пошла на переговоры из-за сложной обстановки в стране, а Германия хотела использовать ситуацию, чтобы избавиться от войны на два фронта и сосредоточить все силы на Западе. Так, Д. А. Мигун в своей монографии пишет: “Германское военное руководство считало, что сепаратный мир с Россией должен избавить армию от необходимости ведения войны на два фронта и позволит начать ей активные действия на Западном фронте [5, с. 30; 6]. А. В. Тихомиров по этому поводу отмечает, что к основным причинам, которые вынудили Германию пойти на переговоры с большевиками, относится стремление высвободить войска Восточного фронта для наступления во Франции, получить сырье и продовольствие за счет России. Что касается Советской России, то, по его мнению, сложная политическая и экономическая ситуация в стране, утрата русской армией боеспособности побудила большевиков пойти на перемирие и начать переговоры с Германией [7, с. 44].

Белорусские историки в своих работах определили сторонников и противников заключения Брестского договора в большевистском руководстве. Они отмечают, что среди руководителей Советской России существовало три точки зрения относительно заключения

мира с Германией и ее союзниками: убеждения В. И. Ленина, который выступал за заключение мира на тяжелых германских условиях; позиция Л. Д. Троцкого, сводившаяся к формуле “ни войны, ни мира”; взгляды “левых коммунистов”, которые рассчитывали на начало “революционной войны”. А. В. Тихомиров по этому поводу пишет: “За принятие немецких условий мира выступал глава советского правительства В. И. Ленин, который считал, что русская армия не сможет оказывать эффективного сопротивления вражеским войскам, и исходил, прежде всего, из необходимости сохранить власть любой ценой, даже за счет уступки части территории бывшей империи”. Л. Троцкий считал, что нельзя заключать мир с Германией, поскольку это выглядело как согласие с империалистическими устремлениями немцев [7, с. 46–47]. В. А. Космач, характеризуя позицию Л. Д. Троцкого, отмечает, что в Бресте он ждал революции, а не заключал мир [8, с. 61]. С. А. Третьяк по данному вопросу указывает, что В. И. Ленин выступал за заключение мира с Германией, так как считал, что выход из войны и мирная передышка позволят сохранить и закрепить результаты Октябрьской революции, создать революционную армию. Но позицию В. И. Ленина первоначально поддержала меньшая часть большевистских лидеров, так как они считали, что скоро начнется пролетарская революция в Европе, и не видели необходимости заключения мира с Германией [9, с. 25–26].

Белорусские историки характеризуют ход переговоров в Брест-Литовске и выделяют в них несколько этапов. А. В. Тихомиров считает, что советская сторона на мирных переговорах не имела четкой программы, а стремилась использовать их для ускорения мировой революции. Автор указывает, что Советская Россия, предлагая на первом этапе переговоров державам Четверного союза отказаться от аннексий и контрибуций, вывести войска с оккупированных территорий, дать право народам на самоопределение, больше рассчитывала на пропагандистский эффект, чем на их принятие партнерами по переговорам. Согласно Германии и ее союзникам принять советские предложения при условии, что к ним присоединятся державы Антанты, А. В. Тихомиров расценивает как тактический маневр, поскольку было очевидно, что Антанта на это не пойдет. Отсутствие ответа Антанты стало для немцев поводом, чтобы отклонить предложения Советской России. Для обоснования

территориальных претензий к Советской России Германия использовала лозунг о праве наций на самоопределение [7, с. 44, 45, 46].

С. А. Третьяк пишет, что в основе позиции немецкой делегации в начале переговоров лежали директивы Людендорфа, которые предполагали ослабление России и превращение ее в германскую полуконию. Германский блок пытался навязать Советской России свою программу фиктивных самоопределений Польши, Литвы, Курляндии и части Лифляндии и Эстляндии [9, с. 21–22]. Д. А. Мигун делает акцент на том, что на первом заседании мирной конференции советская делегация предложила державам Четвертного союза отказаться от принудительного присоединения захваченных во время войны территорий, вывести войска с оккупированных территорий, восстановить самостоятельность народов, которые утратили ее во время войны и дать им право решить вопрос о государственной самостоятельности путем референдума, отказаться от выплаты контрибуций [5, с. 31–32].

А. В. Тихомиров констатирует, что второй этап мирной конференции, начавшийся 9 января 1918 г., отличался острыми дискуссиями относительно условий мира. Центральное место в ходе них занимал вопрос самоопределения наций. Он указывает, что Германия на новом этапе переговоров предъявила новые, более тяжелые условия мира, ответ на которые советскому руководству нужно было дать в течение 48 часов [7, с. 46–48]. С. А. Третьяк отмечает, что на втором этапе мирной конференции Германия взяла назад заявление о присоединении к советскому проекту мира без аннексий и контрибуций, так как страны Антанты отказались от участия в конференции. Генерал Гофман предъявил немецкие условия мира советской делегации, согласно которым менялась линия российско-германской границы в пользу Германии [9, с. 24–25]. Отказ Л. Троцкого подписать мирный договор на немецких условиях дал Германии повод отказаться от перемирия и возобновить военные действия. Германское наступление заставило Советскую Россию запросить мир [9, с. 27–28].

Характеризуя ход переговоров в Брест-Литовске, В. А. Космач отмечает, что советское руководство в основу своей тактики положило их затягивание, так как ждало революции в Германии. Она позволила бы Советской России избежать заключения мира на тяжелых германских условиях [8, с. 60]. Историк констатирует, что немецкая делегация предъ-

явила 9 февраля 1918 г. Советской России ультиматум, по которому советская делегация должна была подписать мирный договор на немецких условиях, иначе Германия возобновит военные действия. По мнению В. А. Космача, немецкое наступление в феврале 1918 г. показало, что для Советской России нет другого выхода, как заключить мирный договор на германских условиях [8, с. 61]. Схожей точки зрения придерживается Д. А. Мигун, который пишет, что после отклонения немцами предложения о мире без аннексий и контрибуций советская делегация стала затягивать переговоры, ожидая революции в Германии и других странах. А затем сорвала переговоры. Немецкое наступление вынудило большинство лидеров большевиков поддержать В. И. Ленина и согласиться на заключение грабительского мира с Германией [5, с. 33–34].

Белорусская историография исследовала и проблему последствий Брестского договора. По мнению С. А. Третьяка, подписание мирного договора в Бресте знаменовало собой создание Брест-Литовской системы международных отношений на Востоке Европы, которая распалась в результате поражения Германии в Первой мировой войне. В монографии “Брестский мир и общественно-политические процессы в Беларуси ноябрь 1917 – январь 1919 г.” С. А. Третьяк показывает, что перемирие с Россией не означало признание советской власти де-юре со стороны Германии. Заключив мир с Россией, германские власти рассчитывали нанести удар не только по Антанте, но и по революционному движению внутри своих стран [9]. По мнению Д. А. Мигуна, после заключения Брестского договора слабость власти большевиков вынуждала их искать примирения и идти на уступки в случаях нарушения немцами условий мира. Чтобы нейтрализовать “партию войны” в Германии, советское руководство заинтересовало германские деловые круги перспективами торгово-экономического взаимодействия. Со второй половины 1918 г., считает Д. А. Мигун, советско-германские отношения стали ухудшаться. Немцы перешли к новой антибольшевистской политике, вступив в переговоры с противниками большевиков [5, с. 38–39, 43]. Для противодействия антисоветским тенденциям в германской политике Москва пошла на подписание советско-германского Добавочного договора 27 августа 1918 г. Автор отмечает, что большим успехом Москвы при подписании договора было обязательство Германии не

вмешиваться в отношения между советским государством и его отдельными областями, а также не поддерживать образование новых государств на окраинах России. Д. А. Мигун к числу важнейших положений Добавочного договора относит обязательство Германии освободить территорию Беларуси по Березину [5, с. 40, 41; 10, с. 34].

А. В. Тихомиров указывает, что Брестский мир лишил Россию возможности присоединиться к триумфу ее союзников по Антанте и стал одним из факторов возникновения гражданской войны и иностранной интервенции. Германия же, по его мнению, после заключения мира стала доминирующей силой в Европе, почти без потерь поставила под контроль Восточную и Юго-Восточную Европу [7, с. 56]. В. А. Космач оценивает Брестский мир как “грабительский” по отношению к России, считает, что “... мир оказался крайне тяжелым и унижительным для советской России” [8, с. 62]. Г. Г. Лазько оценивает Брестский мир как передышку, которая была необходима большевикам на пути к мировой революции [11, с. 50].

Историки Беларуси активно исследуют белорусский вопрос в контексте заключения Брестского договора. Изучению влияния Брестского мира на общественно-политические процессы в Беларуси посвятил свою диссертацию С. А. Третьяк. Он делает вывод, что результатом подписания Брестского договора стало усиление в Беларуси стремления к отделению от России. Это нашло отражение в провозглашении независимости БНР [9]. С. А. Третьяк также отмечает, что Брестский мир позволил большевикам сохранить власть в восточной части Беларуси и продолжить там политические преобразования, начатые Октябрьской революцией. Время Брестского мира большевики использовали для перестройки советских органов в полноценную государственную структуру [9, с. 136].

Д. А. Мигун указывает, что на переговорах обе стороны не принимали в расчет право белорусского народа на самоопределение и Брестский договор фиксировал раздел Беларуси [6]. И. А. Сараковик делает вывод, что в ходе Первой мировой войны ни Германия, ни Россия не хотели признавать суверенность Беларуси, так как исходили из своих геополитических интересов. Автор по этому поводу пишет: “Независимость Беларуси не входила в геополитические интересы Германии, так как она была заинтересована в России с ее огром-

ным экономическим рынком, несравнимым с белорусским. Советская Россия не признавала суверенность Беларуси, потому что рассматривала ее земли как коридор для возможного экспорта социалистической революции на запад” [12, с. 205].

Заключение

Таким образом, в белорусской советской историографии лишь в трудах Г. М. Трухнова ход советско-германских переговоров в Бресте был подвергнут серьезному комплексному исследованию. Сделанные автором выводы в целом находились в русле концептуальных подходов и оценок общесоюзной исторической науки. Акцент делался на противопоставление позиций Германии, стремившейся реализовать в Бресте свои империалистические планы, и Советской России, добывавшейся демократического мира.

В белорусской постсоветской историографии распространено положение, согласно которому немцев пойти на переговоры с большевиками в Бресте заставило желание прекратить войну на два фронта и сосредоточить все силы на Западе. Советская Россия пошла на заключение Брестского мира из-за сложной политической и экономической ситуации в стране. Белорусские историки показали, что советская делегация в ходе переговоров несколько раз изменяла свою позицию. После отклонения немцами предложения о мире без аннексий и контрибуций она стала затягивать переговоры, ожидая революции в Германии и других странах. А затем сорвала переговоры. Лишь немецкое наступление вынудило лидеров большевиков согласиться на заключение грабительского мира с Германией. Ученые-германисты различных направлений и периодов белорусской историографии оценили Брестский договор как “грабительский” по отношению к Советской России, так как она теряла значительную часть территории. Белорусские историки считают, что советское руководство использовало Брестский мир для укрепления своей власти и рассчитывало, что он позволит выиграть время для подготовки мировой революции.

Для историографии Республики Беларусь характерна высокая степень внимания к изучению белорусского вопроса в связи с заключением Брестского мира. В работах современных отечественных авторов отмечается, что для белорусского национального движения Брестский мир стал стимулом к созданию

белорусского государства в этнографических границах. Но Советская Россия и Германия не были заинтересованы в признании независимости белорусской этнической территории, поэтому они проигнорировали мнение белорусов при заключении мирного договора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Острога, В. А.** Развитие научных и образовательных центров по Новой и Новейшей истории в Белорусской ССР. 1919–1991 гг. / В. А. Острога. – Минск : РИВШ, 2016. – 428 с.
2. **Трухнов, Г. М.** Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) / Г. М. Трухнов. – Мн. : Изд. БГУ, 1974. – 71 с.
3. **Бабков, А. М.** Ограбление Кайзеровской Германией лесных богатств Белоруссии в годы Первой мировой войны / А. М. Бабков // Вопросы истории. – 1983. – Вып. 10. – С. 123.
4. **Бабков, А. М.** Германский оккупационный режим на захваченной в 1918 году территории Беларуси / А. М. Бабков // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. – 1982. – № 4. – С. 21–22.
5. **Мигун, Д. А.** Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
6. **Мигун, Д. А.** Политика Германии в отношении Беларуси (1914–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Д. А. Мигун. – Минск, 2001. – 20 с.
7. **Тихомиров, А. В.** Брестский мир 1918 г. и Беларусь / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 2. – С. 44–57.
8. **Космач, В. А.** Переговоры и подписание мирного договора в Брест-Литовске между Советской Россией и Германией в январе – марте 1918 г. / В. А. Космач // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апреля 2015 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – С. 60–66.
9. **Трацяк, С. А.** Брэсцкі мір і грамадска-палітычны працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Трацяк. – Мінск : Беларуская навука, 2009. – 208 с.
10. **Мигун, Д. А.** Германо-советские отношения после подписания договора в Брест-Литовске / Д. А. Мигун // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зборнік навуковых артыкулаў, Гомель, 21–22 красавіка 2016 г. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – С. 30–36.
11. **Лазько, Р. Р.** Ад перадышкі да новага штурма (знешнепалітычны паварот савецкай Расіі восенню 1918 г.) / Р. Р. Лазько // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зборнік навуковых артыкулаў, Гомель, 2013 г. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – Вып. 2 – С. 50–57.
12. **Саракавік, І. А.** Беларускія землі ў геапалітыцы Германіі падчас першай сусветнай вайны (1914–1918) / І. А. Саракавік // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навуц. канф. – Мінск, 2016. – С. 200–205.

Поступила в редакцию 27.01.2021 г.

Контакты: rozhkova@gsu.by

(Рожкова Светлана Николаевна)

Rozhkova S. N. THE TREATY OF BREST-LITOVSK IN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY.

The article describes the Belarusian historiography devoted to the history of the Treaty of Brest-Litovsk signed on March 3, 1918. The most important provisions and conclusions reached by the Belarusian researchers of this issue are established and characterized, and their scientific validity is determined. A comparative analysis of the Soviet and post-Soviet stages of the Belarusian historiography of the history of the treaty is carried out.

Keywords: Belarusian historiography, German studies, Germany, Soviet Russia, international relations, the Treaty of Brest-Litovsk.

УДК 94(476)“1931–1941”

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ В РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ БССР В 1931–1941 гг.

А. Н. Тютюнков

начальник отдела организации научной, международной и издательской деятельности Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье обосновывается тезис о том, что в 1930-е г. в Рабоче-крестьянской милиции БССР сложилась система специализированного политического аппарата, был установлен порядок назначения политработников, распределены функции между различными уровнями управления политико-воспитательной работой. Политический аппарат занял особое место в системе милиции в качестве органа, обеспечивающего воспитание личного состава в духе преданности государству и партии, готовности беспрекословно выполнять их решения. Был сформирован ведомственный подход, при котором руководство милиции рассматривало партийные и комсомольские организации как часть политического аппарата.

Ключевые слова: Рабоче-крестьянская милиция, политико-воспитательная работа, политический аппарат милиции, партийные организации милиции, комсомольские организации милиции.

Введение

1930-е гг. в истории милиции БССР стали периодом значительных преобразований в организационно-штатной структуре. В это же время в Рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ) был создан специализированный политический аппарат, призванный непосредственно проводить, организовывать, контролировать политико-воспитательную работу (далее – ПВР), обеспечивать ее методическое сопровождение.

Вопросы, связанные с созданием политического аппарата в РКМ, изучением его функций и полномочий, до настоящего времени в отечественной исторической науке не изучены.

Основная часть

До 1930 года в РКМ не существовало специализированных подразделений, ответственных за организацию и проведение ПВР. Главной проблемой было отсутствие координации и единства форм и содержания в организации и проведении данной работы.

© Тютюнков А. Н., 2022

11 сентября 1931 г. было утверждено “Палажэньне пра галоўнае кіраўніцтва рабоча-сялянскай міліцыі пры СНК БССР”. В нем на Главное управление РКМ была возложена функция организации политического аппарата в органах РКМ, управления его деятельностью, а также подготовки кадров политических работников и политического обучения в учебных заведениях РКМ [1, с. 113–114].

В декабре по решению ЦК ВКП(б) в главных управлениях милиции были созданы политотделы, в краевых и областных управлениях – политинспекции, которые в 1931 г. также преобразованы в политотделы [2, с. 50].

В ходе изучения архивных документов установлено, что в штате политотдела, кроме начальника, имелись должности заместителя начальника отдела [3, с. 36], начальника агитационно-пропагандистского отделения [4, с. 32], старшего инспектора политотдела [5, с. 37], двух инспекторов и секретаря [6, с. 9].

Аналогичный подход был использован и на уровне областных управлений. Политический аппарат возглавлял помощник начальника управления РКМ по области – начальник политотдела [7, с. 18], руководивший подразделением из трех работников. В городских отделах и районных отделениях РКМ были введены штатные должности помощников начальника по политической части [8, с. 5]. Структура политического аппарата ведомственной милиции выглядела следующим образом: комиссар дивизиона, инструктор по политработе дивизиона, политрук взвода [9, с. 19]. Также были введены должности начальника-комиссара школы среднего начальствующего состава РКМ имени М. В. Фрунзе, которая совмещала функции строевого и политического руководства [10, с. 19], помощника начальника школы по политической части [11, с. 116], политрука кавалерийского дивизиона г. Минска [9, с. 19], политруков при 2-месячных курсах в областных управлениях РКМ [12, с. 40].

В 1934 г. серьезное влияние на организацию ПВР оказало изменение штатов после создания НКВД СССР: были ликвидированы должности помощников начальников районных отделений милиции (далее – РОМ) по политической части. По нашим подсчетам, исходя из административно-территориального деления БССР, было сокращено около 60 должностей [13]. Их обязанности были переданы партийным организациям этих же подразделений.

В дальнейшем политическая вертикаль, сформированная в 1934 г., не претерпела зна-

чимых изменений вплоть до начала Великой отечественной войны. Штатная вертикаль политаппарата РКМ осенью 1940 г. выглядела следующим образом: Политический отдел ГУРКМ НКВД БССР (7 работников) – Политический отдел УРКМ НКВД БССР по области (4 работника) – политрук городского отдела РКМ, политрук дорожного отдела РКМ – политрук звзда службы городского отдела РКМ, партийная организация районного отделения милиции.

Назначение на должности политических работников находилось под пристальным вниманием партийных органов. Так, заместители начальника областных управлений РКМ по политической работе, старшие инструкторы подлежали утверждению в ЦК ВКП(б) наравне с руководством РКМ [14, с. 4].

Отдельно необходимо изучить сложившуюся практику распределения полномочий между различными уровнями политаппарата. Основными функциями политотдела ГУРКМ стали организация и координация ПВР, ее нормативное и методическое обеспечение, контроль исполнения мероприятий. Составной частью работы политотдела являлся его печатный орган – газета “На варце Кастрычніка” [15, с. 1], первый номер которой вышел в свет 12 ноября 1931 г.

Особой функцией политотдела ГУРКМ стал контроль за морально-психологическим климатом милицеейских подразделений. С 1932 г. политотдел требовал от политических работников подразделений предоставления информации:

- об установленных фактах участия милиционеров в совершении политических преступлений;
- об установленных связях работников милиции с классово-чуждым и враждебным советской власти элементом;
- об искажениях генеральной линии партии в сознании отдельных милиционеров, помощь в срыве или срыв хозяйственно-политических компаний;
- о характерных для конкретных подразделений политических и антисоветских настроениях:
- о характерных для подразделений отрицательных явлениях непосредственно в вопросах милицеейской службы;
- о злоупотреблениях властью со стороны милиционеров, дискредитации власти и бездействия;
- о установленных фактах совершения милиционерами должностных преступлений;

– о фактах появления милиционеров в нетрезвом состоянии;

– о фактах грубого отношения милиционеров к обращениям граждан [16, с. 28].

Архивные документы показывают, что политотдел ГУРКМ взаимодействовал с подразделениями, минуя политотделы областных управлений РКМ.

Функции областных политотделов в основном связаны с решением рабочих вопросов местными партийными органами [17, с. 23], контролем за проведением политической подготовки подчиненного личного состава [18, с. 66], участием в контролируемых мероприятиях.

Обязанности по проведению ПВР непосредственно в подразделениях были возложены на партийные и комсомольские организации. О значении первичных партийных организаций говорит и тот факт, что именно им было отдано право проводить чистку партийных рядов в своих подразделениях [19, с. 208–218].

О влиянии партийных организаций на жизнь подразделений могут свидетельствовать следующие данные: в УРКМ НКВД по Могилевской области (без участия г. Могилева) ситуация выглядела следующим образом: члены партии – 12,41%, кандидаты в члены партии – 11,53%, члены ВЛКСМ – 32,16%, беспартийные – 43,88%. То есть непосредственно деятельностью партийных и комсомольских организаций было охвачено более 56% работников милиции.

Необходимо отметить, что практически все руководители подразделений и политруки являлись членами ВКП(б) и кандидатами в члены ВКП(б).

Партийные организации имели рычаги влияния на своих работников, даже на их личную жизнь. Так, на общем собрании партийной группы Бельничского РО НКВД 16 июня 1938 г. рассматривали вопрос начальника паспортного стола РОМ т. Лысакова. Приведем выдержку из протокола:

“Слушали т. Латушкина о помещенной заметке в стенгазете в отношении т. Лысакова – сочувствующего партийной группы, у которого в доме имеются иконы и другие религиозные принадлежности.

Высказались в прениях: Петровский: по заявлению Лысакова, что его жена является религиозной, и поэтому в квартире имеются иконы, религиозные книги, и что т. Лысаков не в силах с этим бороться, заявление т. Лы-

сакова считать неправильным лишь потому, что он ничего не сделал и не делает в смысле перевоспитания своей жены”. В этом же ключе высказались и все остальные члены собрания. Постановили следующее: “Помещенную заметку в стенной газете считать правильной, предложить т. Лысакову в недельный срок восстановить радио в своем доме и в месячный срок переубедить свою жену в антирелигиозном духе и снять имеющиеся в доме иконы, после чего пересмотреть вопрос о пребывании в группе сочувствующих т. Лысакова” [20, с. 44–45].

Надо отметить, что кроме ведомственного контроля со стороны политотдела УРКМ контроль за деятельностью партийных организаций со стороны райкома партии осуществлялся посредством сбора отчетных документов [21, с. 1].

Отдельно необходимо рассмотреть работу комсомольских организаций РКМ. Основные усилия комсомола в РКМ были направлены на обеспечение активного участия комсомольцев в общегосударственных мероприятиях, личного качественного выполнения служебных обязанностей, повышение их политического и культурного уровня. Ярким примером понимания роли комсомола в деятельности РКМ в целом может быть комментарий редакции газеты “На варце Кастрычніка” на письмо комсомольцев 1-го отделения РКМ г. Минска, опубликованный в ведомственной газете 17 октября 1939 г., в котором рекомендуется всем субъектам ПВР ориентироваться на работу указанной комсомольской организации, которая в качестве подарка Родине видела “отличное несение службы, проявление высокого революционного долга в укреплении дисциплины, отличные отметки по учебе, овладение большевизмом, военными специальностями и многое другое” [22, с. 1].

Заключение

Подводя итог, мы можем утверждать, что в 1930-е гг. в РКМ БССР сложилась система специализированного политического аппарата РКМ с вертикальным подчинением с четко очерченным кругом субъектов ПВР, порядком назначения на должности в политаппарате и распределением функций между ними. Политический аппарат занял особое место в системе РКМ в качестве органа, обеспечивающего воспитание личного состава в духе преданности государству и партии. Сложившаяся к 1940 г. структура политических органов РКМ удов-

летворяла предъявляемым к ней требованиям и обеспечивала эффективную организацию и проведение ПВР среди личного состава РКМ. В рамках системы ПВР руководство РКМ рассматривало партийные и комсомольские организации как часть политического аппарата, подчиненного руководству подразделений. Именно на них был возложен основной объем обязанностей по работе с личным составом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Палажэньне пра галоўнае кіраўніцтва рабоча-сялянскай міліцыі пры СНК БССР ад 11 верасня 1931 года // *Міліцыя Беларусі. Документы і матэрыялы (1917–2007)* / сост. К. И. Барвінок [и др.] ; под ред. канд. ист. наук, доц. К. И. Барвінка, д-ра ист. наук, проф. А. Ф. Вишневецкого ; авт. ист. очерка К. И. Барвінок, А. Ф. Вишневецкий ; М-во внутр. дел, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.
2. *Гутман, М. Ю.* Совершенствование структуры и функций кадрово-воспитательных аппаратов НКВД СССР и правовое регулирование воспитательной работы в органах милиции (1921–1941) / М. Ю. Гутман // *Вест. Санкт-Петербург. ун-та МВД России.* – 2015. – № 4. – С. 43–51.
3. Циркуляр Политотдела ГУ РКМ БССР от 31 авг. 1932 г. // *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 37. Оп. 1. Д. 73. Л. 48.
4. Приказ полномочного представительства ОГПУ от 2 нояб. 1932 г. // *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 37. Оп. 1. Д. 72. Л. 47.
5. Приказ полномочного представительства ОГПУ от 25 нояб. 1932 г. // *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 37. Оп. 1. Д. 72. Л. 47.
6. Приказ ГУ РКМ БССР от 16 сент. 1931 г. // *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 37. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
7. Приказ ГУ РКМ БССР от 30 сент. 1931 г. // *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 37. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
8. Загад Галоўнага кіраўніцтва РС міліцыі БССР ад 8 верас. 1931 г. // *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 37. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
9. Приказ ГУ РКМ БССР от 16 окт. 1931 г. // *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 37. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
10. Сьпіс асоб, якія запрашаюцца на урачысты абед, прысвечаны выпуск курсантаў школы сяр. начаставу РС міліцыі ім. Фрунзэ // *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 37. Оп. 1. Д. 57. Л. 57.
11. Письмо помощника начальника школы начальнику 2-го городского отделения Минской милиции // *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 37. Оп. 1. Д. 74. Л. 172.

12. Акт от 17 марта 1932 года // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 37. Оп. 1. Д. 57. Л. 57.
13. Административно-территориальное деление Беларуси // Архивы Беларуси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://archives.gov.by/home/genealogiya/administrativno-territorialnoe-delenie-belarusi>. – Дата доступа: 30.08.2021.
14. Выписка из номенклатуры ЦК КП(б) по кадрам НКВД. Могилевская область // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 9. Оп. 6а. Д. 17. Л. 19.
15. На варце Кастрычніка – 1931. – 12 ліст. – С. 1.
16. Наменклатура пытаньняў чарговых даня-сеньняў аб палітыка-моральным становішчы для палітінструктараў і пам. па палітчасці страявых горрайкіраўніцтва // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 37. Оп. 1. Д. 72. Л. 47.
17. Письмо секретаря Могилевского обкома КП(б)Б от 9 июня 1940 г. секретарю партбюро УРКМ НКВД по Могилевской области // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 9. Оп. 6а. Д. 65. Л. 84.
18. Приказ начальника управления РК милиции НКВД БССР по Могилевской области от 19 апр. 1940 г. // Архив УВД Могилевского облисполкома. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 287.
19. Пратакол паседжання раённай камісіі па чыстцы Бялыніцкай партарганізацыі ад 16 ліст. 1933 г. // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 45. Д. 177. Л. 279.
20. Протокол общего партийного собрания партгруппы Бельничского РО НКВД от 16 июня 1938 г. // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 45. Оп. 1а. Д. 331. Л. 44–45.
21. Выводы проверки работы Дрибинского РК КП(б)Б над протоколами первичных парторганизаций и реагирования на вопросы, поставленные первичными парторганизациями перед РК КП(б)Б // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 9. Оп. 2а. Д. 171. Л. 153.
22. Поддержать призыв комсомольцев 1-го отделения РКМ гор. Минска // На варце Кастрычніка – 1939. – 17 кастр. – С. 1.

Поступила в редакцию 03.11.2021 г.

Контакты: toton_m@tut.by

(Тютюнкoв Алексей Николаевич)

Tyutyunkov A. N. ESTABLISHMENT OF POLITICAL BODIES IN THE WORKERS' AND PEASANTS' MILITIA OF THE BSSR IN 1931–1941.

The article substantiates the thesis that during the 1930s in the Workers' and Peasants' Militia of the BSSR a system of specialized political apparatus was formed, the procedure for appointing political workers was established, political and educational functions were distributed between different levels of management. The political apparatus took a special place in the militia system as a body that ensured the education of personnel in the spirit of loyalty to the state and the party, readiness to unquestioningly carry out their decisions. A departmental approach was formed when the militia leadership considered the party and Komsomol organizations a part of the political apparatus.

Keywords: workers' and peasants' militia, political and educational work, political apparatus of militia, party organizations of militia, Komsomol organizations of militia.

УДК 94(476)“19”+329.78(476)(091)“19”

**НАПРАМКІ ДЗЕЙНАСЦІ ЛКСМБ
НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНІХ
АБЛАСЦЕЙ БССР У 1944 –
СЯРЭДЗІНЕ 1950-х гг.**

А. У. Кімбар

аспірант

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці дзейнасці Ленінскага камуністычнага саюза моладзі Беларусі на тэрыторыі заходніх абласцей БССР. У айчынай гістарыяграфіі дадзена тэма не знайшла дастатковага асвятлення і падавалася аднабакова. На падставе архіўных крыніц аўтар разглядае працэс разгортвання прапагандысцкай дзейнасці камсамола. Аналізуюцца адметнасці ўдзелу моладзі ў аднаўленні і развіцці народнай гаспадаркі на тэрыторыі заходніх абласцей рэспублікі. Даследаванне дадзенай тэмы спрыяе сістэматызацыі вывучэння дзейнасці камсамольскіх арганізацый у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе.

Ключавыя словы: камсамол, заходнія вобласці БССР, прамысловасць, калектывізацыя, з’езд ЛКСМБ.

Уводзіны

Пасля завяршэння Вялікай Айчынай вайны перад партыйнымі і савецкімі органамі БССР паўстаў шэраг задач, які патрабаваў неадкладных рашэнняў. Адною з такіх задач з’яўлялася ўключэнне заходніх абласцей у палітычную і эканамічную сістэму краіны. Усе грамадскія арганізацыі рэспублікі былі ўключаны ў гэты працэс. Партыйным кіраўніцтвам быў вызначаны шэраг напрамкаў дзейнасці і для Ленінскага камуністычнага саюза моладзі Беларусі (далей ЛКСМБ). Удзел камсамольскіх арганізацый заходніх абласцей БССР у грамадска-палітычным і сацыяльна-эканамічным жыцці краіны ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе меў шэраг адметнасцей, што падкрэслівалася кіраўніцтвам ЛКСМБ [1, арк. 52].

У айчынай гістарыяграфіі існуе шэраг падыходаў да вывучэння працэсу саветызцыі заходніх абласцей. У работах савецкага перыяду гэтая з’ява паказвалася як адназначна пазітыўная. Адзначалася прагрэсіўнасць савецкай грамадскай сістэмы ў гэтым рэгіёне. Сучасныя аўтары ўказваюць на наяўнасць

недапрацовак і памылак у рэалізацыі гэтай палітыкі.

У беларускай савецкай гістарыяграфіі дзейнасць ЛКСМБ у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе знаходзіць адлюстраванне ў шэрагу манаграфій і калектывных прац. Сярод іх можна вылучыць працу А. Я. Журава “У баях народжаны: кароткі нарыс гісторыі камсамола Беларусі” [2], у якой аўтар разглядае гісторыю станаўлення ЛКСМБ, у тым ліку закрэслівае і пасляваенны час. У той самы час у манаграфіі вельмі слабы спасылачны апарат. У 1975 г. былі надрукаваны нарысы гісторыі камсамола Беларусі пад рэдакцыяй А. Я. Журава, С. Г. Анісава, Г. П. Анціпава [3], у якіх быў абагульнены матэрыял па даследаванні гісторыі ЛКСМБ.

Пры гэтым у большасці прац савецкага перыяду спецыфіка дзейнасці арганізацыі на тэрыторыі заходніх абласцей не знаходзіць дастатковага адлюстравання. Шэраг даследаванняў прысвечаны канкрэтным галінам дзейнасці камсамола, вялікая ўвага надаецца даследаванню ўкладу арганізацыі ў аднаўленне і развіццё прамысловасці і сельскай гаспадаркі рэспублікі. Сярод іх можна вылучыць манаграфіі М. Д. Каўшарава [4] і В. Я. Генералава [5].

Праблематыка ўдзелу моладзі ў саветызцыі знаходзіць адлюстраванне і ў працах сучасных гісторыкаў. Да стагоддзя камсамола Беларусі былі падрыхтаваны нарысы гісторыі камсамола, складальнікам якіх выступіў В. Ф. Гігін [6]. Зборнік працягвае савецкую традыцыю такіх выданняў, пры гэтым у навуковы ўжытак уведзена шэраг успамінаў, якія не друкаваліся раней. У прыватнасці, у шостае главе, аўтарам якой з’яўляецца В. Г. Шадурскі, выкарыстоўваюцца ўспаміны бацькі даследчыка пра арганізацыю ўступлення ў камсамол у Лявонпальскай школе [6, с. 135].

Грамадска-палітычнае і сацыяльна-эканамічнае жыццё ў БССР у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе знаходзіць адлюстраванне і ў польскай гістарыяграфіі. Так, Я. Мірановіч робіць акцэнт на русіфікацыйнай палітыцы, якая рэалізавалася ў тыя часы, і яе негатыўным уздзеянні на нацыянальную самасвядомасць моладзі [7]. Я. Шумскі разглядае камсамол як інструмент саветызцыі заходніх абласцей БССР, дзейнасць якога не знаходзіла падтрымкі сярод мясцовага насельніцтва [8], што не адлюстроўвае ўсёй паўнаты дзейнасці арганізацыі. Даследчык этанакіравана падкрэслівае негатыўныя тэндэнцыі развіцця

грамадства таго часу, пазбягаючы станоўчых момантаў.

Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца аналіз асаблівасцяў дзейнасці ЛКСМБ на тэрыторыі заходніх абласцей БССР у 1944–1950-х гг.

Асноўная частка

Аднаўленне і развіццё структур ЛКСМБ з'яўлялася першачарговай задачай для кіраўнікоў камсамола. На тэрыторыі заходніх абласцей гэты працэс сутыкнуўся з цяжкасцямі, выкліканымі нежаданнем моладзі ўступаць у арганізацыю. Акрамя таго, існавала праблема і з кіруючым складам. Да кіраўнікоў былых арганізацый Камуністычнага саюза моладзі Заходняй Беларусі адчуваўся недавер, іх не прызначалі на пасады кіраўнікоў арганізацый. На кіруючыя пасады запрашалі камсамольцаў з усходніх раёнаў рэспублікі ці наогул з іншых саюзных рэспублік.

Неаднаразова падкрэслівалася, што камсамольскія арганізацыі, створаныя на тэрыторыі заходніх абласцей, не займаюцца рэалізацыяй дзяржаўнай палітыкі, а займаюцца дробнымі справамі ў сферы культурнага жыцця: ствараюць гурткі мастацкай самадзейнасці замест палітычнай прапаганды і кантролю ўдзелу ў аднаўленні народнай гаспадаркі [1, арк. 210].

Перад сакратарамі арганізацый ЛКСМБ заходніх абласцей былі абазначаны асноўныя напрамкі дзейнасці ў грамадска-палітычным і сацыяльна-эканамічным жыцці рэгіёна.

Напрамак палітычнага выхавання заходнебеларускай моладзі знаходзіўся пад кантролем партыйных і савецкіх дзеячаў і вызначаўся як адзін з самых важных. Міністр асветы БССР М. Зімянін у сваіх выступленнях падкрэсліваў, што адукацыя і палітычнае выхаванне моладзі з'яўляецца гістарычна важным пытаннем. Паводле яго прамоў, гэта павінна было стаць падмуркам для фарміравання інтэлігенцыі і вядучых кадраў сярод насельніцтва і спрыяць вынішчэнню са свядомасці варожых ідэалогій, якія засталіся пасля польскай улады і нямецка-фашысцкай акупацыі [1, арк. 293].

Актывізацыі прапагандысцкай работы папярэднічала стварэнне ідэйна-тэарэтычнай базы і арганізацыя курсаў палітычнай асветы для камсамольскага кіраўніцтва. Так, пры гаркамах і райкамах ЛКСМБ былі арганізаваны семінары для сакратароў камсамольскіх арганізацый розных узроўняў. Праводзіліся дзесяцідзённыя семінары для першых сакратароў райкамаў і пяцідзённыя семінары для

сакратароў камітэтаў вышэйшых навучальных устаноў. Праходзілі курсы прапагандыстаў.

На старонках газеты “Чырвоная змена”, якая з'яўлялася друкаваным органам ЦК ЛКСМБ, выходзіла рубрыка “У дапамогу камсамольскаму актывісту”, дзе былі размешчаны артыкулы па тэорыі і практыцы камсамольскай работы. Асаблівую ўвагу прыцягвае шэраг артыкулаў, якія выходзілі на працягу 1946 г. і былі аб'яднаны назвай “Для заходніх абласцей”. У іх размяшчалася інфармацыя пра побыт заходнебеларускай моладзі, друкавалася інфармацыя ў дапамогу лектарам. Гэтыя рубрыкі выклікалі непадробную цікавасць у кіраўніцтва камсамольскіх арганізацый і абмяркоўваліся на сходах [1, арк. 131].

Вялікая ўвага надавалася палітыка-выхаўчай рабоце сярод камсамольцаў і моладзі, якая не ўваходзіла ў ЛКСМБ. Паступова павялічвалася сетка палітычнай асветы. Перад моладдзю выступалі дакладчыкі, якія чыталі лекцыі на грамадска-палітычныя, прыродазнаўчыя і літаратурныя тэмы. Камсамольцы арганізавалі вечарыны, прысвечаныя гістарычнаму мінуламу БССР.

Цэнтральнымі органамі камсамола да чытання лекцый былі прыцягнуты вядомыя вучоныя рэспублікі [2, с. 58]. Лекцыі былі распрацаваны такім чынам, каб пазнаёміць слухачоў з дасягненнямі савецкай палітычнай сістэмы і ідэалогіі, Канстытуцыяй і дзяржаўным ладам краіны.

Нягледзячы на ўсе намаганні, у першыя пасляваенныя гады камсамольскія арганізацыі аказвалі слабы ўплыў на моладзь заходніх абласцей. Пра гэта сведчылі лічбы колькасці членаў арганізацый і аналіз дзейнасці ячэек. У 1947 г. першы сакратар ЦК ЛКСМБ К. Т. Мазураў адзначаў, што неабходна шукаць сродкі ажыўлення работы з заходнебеларускай моладдзю [1, арк. 53].

Нізкая папулярнасць і недастатковы ахоп членствам былі выкліканы адсутнасцю неабходнага вопыту ў рабоце, ігнараваннем кіраўніцтвам асаблівасцей грамадска-палітычнага і сацыяльна-эканамічнага развіцця рэгіёна, фармалізмам пры ўтварэнні новых ячэек.

На тэрыторыі заходніх абласцей значны ўплыў на моладзь аказвалі прадстаўнікі каталіцкай і іншых канфесій. Камсамольскія актывісты маглі прымаць удзел у пасяджэннях і сходах, а пасля накіроўвацца ў касцёл ці царкву. Напрыклад, зафіксаваны выпадак, калі прызначаны загадчык хаты-чытальні ў Жыровічах спяваў у царкоўным хоры, таксама святары

чыталі пропаведзі і сярод моладзі, а раённы камітэт ЛКСМБ не надаваў гэтаму выпадку ніякага значэння [1, арк. 251]. Таму антырэлігійная прапаганда становіцца яшчэ адным важным напрамкам у грамадска-палітычнай сферы дзейнасці камсамольскіх арганізацый.

К. Т. Мазураў заклікаў камсамольцаў “ахапіць палітычным уплывам моладзь, вызваліць яе з-пад уплыву буржуазнай ідэалогіі, якая прапаведуеца каталіцкім духавенствам і нацыяналістамі; выкрываць дзейнасць нацыяналістаў, духавенства і іх памагатых і накіроўваць маладых сялян, рабочых і інтэлігенцыю на ўмацаванне савецкай сістэмы” [1, арк. 52].

У той самы час камсамольскія дзеячы адзначалі недастатковую работу цэнтральных органаў у напрамку антырэлігійнай барацьбы. Так, сакратар Гродзенскага абкама ЛКСМБ У. Дубяневіч адзначаў, што на тэрыторыі вобласці ў 1947 г. існавалі 74 касцёлы, 58 цэркваў, 10 грамад баптыстаў, але няма ўказанняў ад ЦК ЛКСМБ, як арганізоўваць антырэлігійную прапаганду, акрамя парад праводзіць лекцыі на прыродазнаўчую тэматыку [1, арк. 211].

Да сярэдзіны 1950-х гг. камсамольскія арганізацыі Гродзенскай, Маладзечанскай, Баранавіцкай, Пінскай і Брэсцкай абласцей крытыкаваліся за недахопы ў антырэлігійнай дзейнасці, неаднаразова атрымлівалі папярэджанні і вымовы ад ЦК ЛКСМБ за недастатковую арганізацыю лекцый, дакладаў на атэістычную тэматыку [9, арк. 37]. А духавенства абвінавчвалася ў маральным разбэшчванні моладзі і барацьбе з савецкай уладай і калгаснай сістэмай [10, арк. 48].

Пераадоленне наступстваў Вялікай Айчыннай вайны, аднаўленне і развіццё народнай гаспадаркі БССР з’яўлялася прыярытэтным напрамкам дзейнасці ўсіх грамадскіх арганізацый. ЛКСМБ не з’яўляўся выключэннем. У сацыяльна-эканамічнай сферы жыцця грамадства перад камсамольскімі арганізацыямі заходніх абласцей былі вызначаны два асноўныя напрамкі.

Адным з такіх напрамкаў з’яўляецца аднаўленне прамысловасці рэспублікі. Камсамольцы заходніх абласцей прынялі актыўны ўдзел у аднаўленні прадпрыемстваў на ўсходзе краіны і пабудове заводаў агульнарэспубліканскага і ўсесаюзнага маштабу [6, с. 121].

У першым пасляваенным дзесяцігоддзі буйныя прамысловыя прадпрыемствы сталі з’яўляцца і на тэрыторыі заходніх абласцей. Так, толькі ў Гродзенскай вобласці да 1952 г. было адноўлена і пабудавана больш за 300

прамысловых прадпрыемстваў, сярод іх Гродзенскі тонкасуконны і Скідзельскі цукровы камбінаты. Прадпрыемствы абсталёўваліся новай тэхнікай. У іх пабудове і далейшай рабоце самы актыўны ўдзел прымала моладзь [11, арк. 67].

Найбольшае значэнне меў другі накірунак – работа з сялянскай моладдзю па прапагандзе стварэння калгасаў. Камсамольскія арганізацыі на вёсцы павінны былі стаць аванпостам распаўсюджання і рэалізацыі палітыкі камуністычнай партыі па зямельным пытанні. У 1947 г. дзейнасць райкамаў і абкамаў ЛКСМБ заходніх абласцей была раскрытыкавана за невыкананне эканамічнай палітыкі (невыкананне закона аб зямлі, непрыняцце мер па ўмацаванні машынна-трактарных станцый і машынна-конных пракатных пунктаў, незадавальняючыя тэмпы аднаўлення калгасаў) [1, арк. 21].

На XV з’ездзе ЛКСМБ Цэнтральны камітэт запатрабаваў ад райкамаў і абкамаў заходніх абласцей даводзіць да насельніцтва перавагу калектывага вядзення гаспадаркі, спрыяць стварэнню новых калгасаў і камсамольскіх арганізацый пры іх, актывізаваць работу з сялянамі-беднякамі і сярднякамі. [1, арк. 423]. Пры стварэнні новых калгасаў прапаноўвалася пераймаць вопыт усходніх абласцей рэспублікі, а ў якасці метадалагічнай асновы абапірацца на выступленне І.В. Сталіна “Аб камсамольскім актыве на вёсцы” на арбюро ЦК РКП(б) у 1925 г. [1, арк. 53].

Цягам наступных гадоў колькасць камсамольскіх арганізацый у вёсках павялічвалася, але тэмп не задавальваў кіруючыя органы. Так, да 1949 г. у Брэсцкай вобласці былі створаны новыя калектывныя гаспадаркі, але толькі 12% ад усіх гаспадарак былі абагульнены ў калгасы [10, арк. 110]; больш за 300 новых калгасаў было створана ў Маладзечанскай вобласці. Работа з вясковай моладдзю заставалася найбольш праблемным напрамкам дзейнасці камсамольскіх арганізацый заходніх абласцей.

З 1949 г. калектывізацыя сельскіх гаспадарак у заходніх абласцях носіць прымусовы характар і трапляе пад жорсткі кантроль з боку партыйных і савецкіх органаў.

У 1952 г. на XVII з’ездзе ЛКСМБ у справядным дакладзе ЦК ЛКСМБ адзначаецца, што завяршэнне калектывізацыі у Брэсцкай, Баранавіцкай, Пінскай, Полацкай і Гродзенскай абласцях спрыяе далейшаму развіццю сельскай гаспадаркі рэспублікі і прыводзіць да павышэн-

ня тэхнічнай абсталяванасці вясковых гаспадарак [9, арк. 237]. Напрыклад, у Маладзечанскай вобласці 92% сялянскіх гаспадарак былі аб'яднаны ў калгасы [12, арк. 20].

Неабходна адзначыць, што фармальна створаныя калгасы часта не маглі выконваць свае функцыі. Перад камсамольскімі арганізацыямі заходніх абласцей паўстала задача забеспячэння ўмоў для ўмацавання і развіцця гаспадарак новаствораных калгасаў, а таксама актывізацыі грамадскай дзейнасці [11, арк. 325].

Часта камсамольскія арганізацыі пры калгасах ствараліся толькі на паперы, а ў выпадку праверак такія фальсіфікацыі выкрываліся. Так, праверка дзейнасці камсамольскіх арганізацый Брэсцкай вобласці ў канцы 1953 – пачатку 1954 г. паказала, што з сямі тысяч камсамольцаў, якія налічваліся ў калгасных арганізацыях, працавала толькі каля 1300 чалавек. Падобныя прыпіскі былі зафіксаваны ў Бярозаўскім, Драгічынскім, Столінскім, Жабінкаўскім, Пружанскім раёнах. Такая ж з'ява назіралася ў Гродзенскай і Маладзечанскай абласцях [13, арк. 248].

Заклучэнне

Такім чынам, камсамольскія арганізацыі заходніх абласцей БССР прымалі актыўны ўдзел у грамадска-палітычным і сацыяльна-эканамічным жыцці рэгіёна. Іх дзейнасць мела шэраг адметнасцей у параўнанні з усходнімі абласцямі. У грамадска-палітычным жыцці можна вылучыць наступныя асноўныя напрамкі дзейнасці: павелічэнне ўзроўню адукацыі і палітычнага выхавання моладзі, антырэлігійная дзейнасць. Палітычнае выхаванне прадугледжвала распаўсюджанне прапагандысцкіх матэрыялаў пра перавагі савецкай палітычнай сістэмы, заахвочванне да ўдзелу ў выбарах, мітынгх і іншых формах праяўлення палітычнай актыўнасці. Прапагандысцкая дзейнасць павінна была спрыяць вынішчэнню са свядомасці жыхароў заходніх абласцей варожых ідэалогій, якія засталіся пасля польскай улады і нямецка-фашысцкай акупацыі. Аднак узровень тэарэтычнай падрыхтоўкі камсамольцаў у першыя пасляваенныя гады заставаўся вельмі нізкі. У гэты самы час ідэалагічным апанентам для камсамольскіх арганізацый выступалі прадстаўнікі духавенства, у першую чаргу каталіцкага веравызнання. Асноўнымі формамі прапагандысцкай работы камсамола з'яўляліся чытанне лекцый, арганізацыя сходаў, вечарын, чытанняў і абмеркаванняў літаратуры.

Такія метады далёка не заўсёды прыносілі неабходны эфект. Але пры дапамозе партыйных і савецкіх органаў камсамольскія арганізацыі змаглі дасягнуць масавага ахопу насельніцтва і ўключэння яго ў дзейнасць ЛКСМБ.

У сацыяльна-эканамічнай сферы асноўнымі напрамкамі былі аднаўленне і развіццё прамысловых прадпрыемстваў рэгіёна, рэспублікі і Савецкага Саюза і работа з сялянскай моладдзю па прапагандзе калектывізацыі. Камсамольскія арганізацыі павінны былі стаць асновай для прапаганды па ўключэнні прыватных гаспадарак у калектывіўныя. Завяршэнне калектывізацыі ў Брэсцкай, Баранавіцкай, Пінскай, Полацкай і Гродзенскай абласцях было абвешчана ў 1952 г., але перад камсамольскімі арганізацыямі быў пастаўлены шэраг задач па ўмацаванні створаных калгасаў.

Нягледзячы на шэраг недахопаў, можна лічыць, што к сярэдзіне 1956-х гг. камсамольскія арганізацыі заходніх абласцей БССР змаглі рэалізаваць усе задачы, якія былі пастаўлены перад імі партыйнымі і савецкімі органамі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Воп. 29. Спр. 2.
2. *Жураў, А. Я.* У баях народжаны: кароткі нарыс гісторыі камсамола Беларусі / А. Я. Жураў. – Мінск : Народная асвета, 1970. – 221 с.
3. Очерки истории Ленинского комсомола Белорусии / [Ин-т истории и партии при ЦК КПБ фил. ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1975. – 534 с.
4. *Ковшаров, Н. Д.* Комсомол в восстановлении промышленности БССР (1946–1950 годы) / Н. Д. Ковшаров / М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1961. – 73 с.
5. *Генералов, В. Я.* Участие комсомольцев Белорусии в восстановлении и развитии сельского хозяйства в годы четвертой пятилетки, 1946–1950 гг. / В. Я. Генералов. – Минск : Выш. школа, 1975. – 150 с.
6. В ритме летящих лет...: очерки истории комсомола Беларуси: ВЛКСМ – ЛКСМБ – 100 / [В. Ф. Гигин и др. ; ред.-сост. В. Ф. Гигин ; предисл. И. В. Карпенко]. – Минск : Звезда, 2018. – 277 с.
7. *Мірановіч, Я.* Найноўшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – Санкт-Пецярбург : Неўскі прасцяг, 2003. – 243 с.
8. *Шумскі, Я.* Саветызацыя Заходняй Беларусі (1944–1953 гг.). Прапаганда і адукацыя на службе ідэалогіі / Я. Шумскі. – 2-е выд. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – 326 с.
9. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 29. Спр. 8.
10. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 29. Спр. 4.

11. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 29. Спр. 5.
12. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 29. Спр. 7.
13. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 29. Спр. 11.

Паступіў у рэдакцыю 29.09.2021 г.
Кантакты: andreikimbar@gmail.com
(Кімбар Андрэй Уладзіміравіч)

Kimbar A. U. ACTIVITY AREAS OF KOMSOMOL IN THE BSSR WESTERN REGIONS BETWEEN 1944 AND THE MID – 1950s.

The article examines the activities of the Leninist Young Communist League of Belarus (LYCLB) in

the BSSR western regions. This topic has not received sufficient attention in the national historiography and has been presented unilaterally. The author, relying on archival sources, considers the process of deploying the propaganda activities of the Komsomol. The article shows the features of youth participation in the restoration and development of the national economy in the western regions of the republic. The study of this topic helps to methodize the study of the activities of Komsomol organizations in the first postwar decade.

Keywords: Komsomol, western regions of the BSSR, industry, collectivization, LYCLB congress.

УДК 378.662(476)

БГПИ: ПЕРВЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ВУЗ БЕЛАРУСИ

А. Н. Кукса

кандидат исторических наук, доцент
Белорусский национальный технический
университет

В статье раскрываются истоки становления высшего технического образования в Беларуси. посредством раскрытия эпизодов из жизни лидеров, создаваемой системы власти в Беларуси детализируются основные вехи истории первого высшего технического вуза.

Ключевые слова: БГПИ, политехникум, высшее техническое образование, Наркомпрос.

Введение

Первыми летописцами истории Белорусского государственного политехнического института (далее – БГПИ) выступили сами его организаторы и создатели. В архивах хранятся письма ректора Н. К. Ярошевича и его заместителей С. В. Тулисова и И. М. Тупикина в различные учреждения и ведомства, в которых дается краткий исторический очерк создания политехникума, открывшегося по образцу европейских техникумов, и его борьбы за статус вуза. В 1954 г. была подготовлена рукопись, а в 1955 г. состоялась защита диссертации В. М. Хрипкова [1]. В своем исследовании он ведет истоки высшего технического образования в Беларуси с 10 декабря 1920 г. Делает и ряд других поправок в вопросы периодизации истории БГПИ. В более поздних работах только находят свое подтверждение те данные, которые привел В. М. Хрипков, иногда в немного расширенном объеме [2]. На сегодняшний день силами работников Белорусского национального технического университета изданы статьи [3] и юбилейное издание “История БНТУ” [4].

Основная часть

События начала XX в. массово порождали и мотивировали к активной деятельности личностей революционного склада ума. Целый ряд из них стали выдающимися руководителями новой советской системы, определившей направление развития всей Восточной Европы и мира в целом. Наиболее активными участниками создания нового миропорядка на

обломках бывшей Российской империи выступали представители интеллигенции. Именно они взвалили на свои плечи задачи по подготовке кадров для белорусской экономики, обескровленной событиями мировой и гражданской войн. Успешное решение этих задач руководители Социалистической Советской Республики Белоруссии (далее – ССРБ) связывали также и с политехникумом.

Один из организаторов Всебелорусского съезда в декабре 1917 г., член ЦК БСГ, сторонник левых эсеров В. М. Игнатовский, который 31 июля 1920 г. подписал декларацию о провозглашении ССРБ, а в декабре 1920 г. стал Народным комиссаром просвещения ССРБ, поддерживал дружеские отношения с ректором политехникума Н. К. Ярошевичем. Последний в свое время был лидером БПС-Р в Минске, членом земской группы в Раде БНР и подрабатывал в педагогическом институте, в то время как В. М. Игнатовский был еще маршалком (директором) этого учреждения. Возможно, что именно благодаря этим отношениям, В. М. Игнатовский еще до своего назначения Народным комиссаром просвещения не смог отказать Н. К. Ярошевичу в просьбе прочитать курс истории Белоруссии на подготовительном отделении политехникума. Но ввиду своей занятости, к сожалению, он так и не приступил к работе. Суть данных перипетий раскрывает заявление декана подготовительного отделения Л. Н. Цветкова в президиум БГПИ о том, что “учащиеся желают по возможности скорее начать изучение истории Белоруссии. Поэтому, если намеченный было на эту кафедру тов. В. М. Игнатовский не может теперь, вследствие обременения другими обязанностями, начать курс этих чтений, я просил бы поручить, хоть временно, это дело тов. Л. И. Рудницкому. Дело в том, что В. М. Игнатовский не являлся на факультет, а время идет своим чередом, и курс довольно обширен” [5].

Одной из самых ярких представительниц женской части политической жизни Белоруссии была М. Я. Фрумкина. Будучи членом Минской городской думы, она выступала защитницей обучения на родном (материнском) языке, не единожды пересекалась с Н. К. Ярошевичем, сохранив с ним теплые и дружеские отношения на всю жизнь. Начало её работы в качестве заместителя народного комиссара ССРБ совпало с первыми шагами по признанию за политехникумом статуса высшего технического учебного заведения. Все

эти начинания нашли поддержку со стороны М. Я. Фрумкиной.

В 1920 г. активизировалась работа в Минске по открытию БГУ. Членом минской университетской комиссии являлся и Н. К. Ярошевич. Во время поездки в августе 1920 г. в составе этой комиссии в Москву Н. К. Ярошевич развернул активную работу по преобразованию политехникума в высшее учебное заведение. Что его подвигло к данному шагу, сегодня сложно однозначно ответить. 4 июля 1920 г. Совнарком РСФСР принял постановление о высшей технической школе (втузах), которое, возможно, “сыграло огромную роль в преобразовании инженерного образования в стране” [2, с. 65]. С другой стороны, однозначной поддержки в Москве университетская комиссия так и не получила. Практически через месяц в газетах появилась информация о том, что осенью 1920 г. планировалось открыть филологический факультет БГУ. Небольшой была и сумма, которую предполагалось выделить на организацию этого факультета. В газете “Савецкая Беларусь” появилось сообщение, что на организацию БГУ “в Москве утверждена смета ... на четыре месяца в объеме 104 млн руб.” [6, с. 4]. В то же время в августе 1920 г. заведующий техническими учебными заведениями Главпрофобра РСФСР В. А. Александров зачислил политехникум в список ударных учебных заведений.

Н. К. Ярошевич активно сотрудничал с А. Г. Червяковым, который, надо заметить, еще в декабре 1918 г. принимал самое деятельное участие в возвращении в Минск мастерских политехникума, эвакуированных в Мещевск в 1915 г. И безуспешно. Встречи с А. Г. Червяковым на различных съездах Н. К. Ярошевич использовал для продвижения идеи поддержания статуса втуза за политехникумом. Записку о необходимости развития технического вуза в Белоруссии он передал при личной встрече А. Г. Червякову на съезде крестьянских депутатов Минского уезда осенью 1920 г. Данные сведения укрепили намерения и белорусского правительства в вопросе поддержания статуса втуза.

На этом этапе, осложненном процессами конструирования национальных органов власти, свое веское слово сказала М. Я. Фрумкина. Ноябрьская ведомость на оплату преподавателям политехникума была ею подписана с резолюцией “к оплате”, чего ранее не встречалось в документах. Значительно продвинулся и вопрос в области признания и поддержания

статуса политехникума, который в правительстве решили закрепить и видоизменением официального названия.

Дело решительно сдвинулось с места 4 декабря 1920 г., когда политехникум был отнесен приказом № 2334 Главпрофобра РСФСР к разряду ударных технических учебных заведений. Комиссариат просвещения Белоруссии 8 декабря 1920 г. поддержал это ходатайство и направил докладную записку со сметой политехнического института в Главпрофобр РСФСР. По решению Военно-революционного комитета ССРБ и Главпрофобра РСФСР 10 декабря 1920 г. политехникум был преобразован в высшее техническое учебное заведение – Белорусский государственный политехникум, которому поручалось готовить инженеров с высшим образованием. Этим актом было положено начало высшему техническому образованию в Белоруссии [1, с. 21]. Первым ректором стал ученый-агроном Н. К. Ярошевич.

12 декабря 1920 г. произошла реорганизация Военревкома в Совет народных комиссаров ССРБ. Новый состав Народного комиссариата просвещения Белоруссии возглавили В. М. Игнатовский и его заместитель М. Я. Фрумкина, которую в июне 1921 г. заменил С. З. Каценбоген. Изменения были обоснованы тем, что 13 декабря 1920 г. в Минске начал свою работу II Всебелорусский съезд Советов. Решения данного съезда могли еще более усилить позиции БГПИ, в связи с чем 16 декабря 1920 г. Н. К. Ярошевич напомнил М. Я. Фрумкиной, которая как раз готовила доклад своего выступления о работе Наркомпроса, о преобразовании политехникума в высшее учебное заведение.

В своем выступлении о перспективах развития образования М. Я. Фрумкина провозгласила с трибуны II Всебелорусского съезда о том, что первоочередной задачей отечественной системы образования стало “дальнейшее развитие Белорусского государственного политехникума, создание при нем рабоче-крестьянского вечернего техникума и ряда краткосрочных курсов”. По итогам выступления М. Я. Фрумкиной съездом была принята резолюция, в которой особая роль в деле возрождения экономики и промышленности страны отводилась БГПИ, перед которым ставилась задача развития “профессионально-технического образования, построенного на обслуживании живых потребностей нашего края” [7, с. 76].

Трудовой коллектив БГПИ с самого начала показал, что он не только работоспособная единица, но и ответственный, сплоченный и умеющий ценить своих друзей. Решением трудового коллектива М. Я. Фрумкина была удостоена первой благодарности как высшей награды БГПИ. В канун празднования 8 Марта педагогический совет 6 марта 1921 г. постановил: “Имея в виду, что интересы Политехникума принимает очень близко к сердцу заместитель Комиссара Народного Просвещения М. Я. Фрумкина, которая всегда горячо выступала на защиту и поддержку Политехникума и благодаря которой Политехникум достиг в разных отраслях успеха, Педагогический Совет Белорусского Государственного Политехникума выражает ей свою благодарность” [8, л. 74]. Но уже вскоре, летом 1921 г., столь мощная покровительница БГПИ уехала работать в Москву.

На место М. Я. Фрумкиной заместителем Наркомпроса ССРБ был назначен выходец из минской мещанской семьи Каценбоген Соломон Зусьманович-Зыселевич. Современный белорусский историк А. Н. Максимчик, автор наиболее полной биографии С. З. Каценбогена, характеризует его как одного из самых видных управленцев в период становления советской Белоруссии, который стоял у истоков создания БГУ и стал заместителем ректора В. И. Пичеты [9]. В своей статье А. Н. Максимчик достаточно удачно подметил, что революционеры быстро оценили роль образования и образованного человека в деле формирования общественного мнения и влияния на самую массовую прослойку страны, которая состояла из малограмотных рабочих и крестьян. Несмотря на свою постоянную революционную вовлеченность и связанные с этим отчисления, С. З. Каценбоген все же получил два высших образования – юридическое и экономическое.

Благодаря хорошей эрудиции, образованности и опыту публичных выступлений к моменту вызревания решения о создании советской республики Белоруссии С. З. Каценбоген стал одной из незаменимых фигур в общественно-политической жизни страны. С февраля 1919 г. он являлся Народным комиссаром социального обеспечения Литбел. С 6 июня 1921 г. заместителем народного комиссара просвещения Белоруссии. В 1921 г. профессор БГУ и БГПИ, а с 1 октября 1922 г. заместитель ректора БГУ по административной и хозяйственной работе.

В январе и сентябре 1921 г. в Минске прошли первый и второй Всебелорусские

съезды работников просвещения, а в 1922 г. – третий. На этих съездах подчеркивалось, что в условиях послевоенных разрушений Белоруссии жизненно необходимы инженерные кадры. Без квалифицированных специалистов, какие бы усилия и средства не вкладывались в строительство, промышленность или сельскохозяйственное машиностроение, они не давали бы ожидаемого результата.

В декабре 1920 г. С. З. Каценбоген рассматривал профтехническое образование как основу возрождения белорусской экономики. Однако в это время в системе высшего образования произошли резкие изменения, которые вызвали негодование С. З. Каценбогена, предвидевшего то, что перенесение акцентов с высшего технического на аграрное образование серьезно ослабит развитие Белоруссии в будущем. Определяющими факторами при принятии решения о реорганизации БГПИ стали голод 1921 г. на Поволжье и, как итог, видение в сельском и лесном хозяйстве основного источника спасения страны. Не желая воспринимать эти доводы и видя перспективу индустриального будущего ССРБ, С. З. Каценбоген категорически выступил против этих изменений, да так остро, что по итогам работы II Всебелорусского съезда работников просвещения в личном деле в графе налагаемые взыскания появилась пометка: “Звезда от 2 октября. За невыдержанность и недисциплинированность на съезде работников просвещения ЦБ КПБ согласно постановления от 25 сентября объявлен строгий выговор члену коммунистической фракции тов. Каценбогену” [10, л. 544].

Тем не менее это не повлияло на его позицию и в октябре 1921 г. в журнале “Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ” С. З. Каценбоген опять подчеркнул важность стоящих задач в области профтехнического образования. Называя одной из главных причин развала народного хозяйства сильное поредение рядов квалифицированной рабочей силы, он заявлял: “Кризис квалифицированной рабочей силы – это кризис всего производства”. В связи с этим С. З. Каценбоген констатировал, что наряду с задачами обеспечения крупной промышленности продовольствием, топливом и сырьем встала не менее важная хозяйственная задача – задача воспроизводства новых кадров квалифицированной рабочей силы путем усиленного и рационально построенного профтехнического образования.

В тезисах ЦБ к X конференции КПБ 11–15 октября 1921 г. С. З. Каценбоген указывал

на то, что важнейшие задачи “хозяйственного возрождения страны заставляют признать в общепросветительной работе наиболее ударной её частью профтехническое образование. Одной из главных причин развала производства является ослабление существующего элемента квалифицированной рабочей силы вследствие распыления ее за время семилетней интернационалистической и гражданской войн. В соответствии с этим основной задачей профтехнического образования является воспроизводство новых кадров квалифицированной рабочей силы и техников путем расширения в первую очередь сети низших профтехнических заведений – профтехнических школ, школ фабрично-заводского ученичества и профтехнических курсов” [11, с. 5].

У Соломона был родной брат Наум Каценбоген 1897 г.р., который с 1917 г. состоял, как и старший брат, в Бунде. После Октябрьской революции на советской и партийной работе в Минске, Смоленске и Украине. С переездом в ССРБ являлся членом Минского Совета 2-го созыва. В декабре 1921 г. указывал в своей анкете, что является студентом Политехнического института. Кстати, такие взаимосвязи прослеживаются и у ряда других членов правительства. Так, народный комиссар здравоохранения ССРБ С.В. Балковец читал лекции в БГПИ по профессиональной гигиене, а его сын Д.С. Балковец обучался на подготовительном отделении. Однако с поступлением в БГПИ у Наума не все складывалось так просто. Во-первых, приём документов на момент его прибытия в Минск уже закончился, во-вторых, его документы об образовании находились в Киеве и кроме личного заявления он более никаких документов предоставить не мог. Учитывая данные нюансы, С. З. Каценбоген лично обратился 23 сентября 1921 г. к ректору с просьбой оказать содействие: “Уважаемый товарищ Ярошевич! Мой брат, вследствие военных обстоятельств до сих пор не имевший возможности закончить своего образования, желает быть в Вашем Державном институте. До сих пор он был в Киевском Политехникуме. Премного меня обяжете, если зачислите его (понятно, без испытаний – он ведь уже был студентом) в число своих студентов. Примите уверение в сов. Почтении” [12, л. 2].

В заявлении от 24 сентября 1921 г. на имя ректора Минского политехнического института Каценбоген Н.З., окончивший в 1914 г. Минское коммерческое училище, указывал, что в “1917 г. я был принят в число студентов

Петроградского политехнического института, затем перевелся в Киевский политехникум на химическое отделение. Ныне, желая продолжить свое высшее образование, прошу зачислить меня в вверенный Вам институт на химическое отделение. Аттестат и документы мои находятся в Киевском политехникуме и смогут быть мною предоставлены” [12, л. 1]. Кстати, старший брат окончил Киевский коммерческий институт.

В начале 1921 г. по России прокатилась волна антисоветских выступлений. В Москве особенно выделялись протестные акции студентов и преподавателей бывшего Императорского Московского технического училища, меры борьбы с которым стали даже предметом обсуждения на заседании политбюро ВКП б. После подавления выступлений часть студентов, избегая преследований, из вузов России перевелись в БГПИ.

В одной из характеристик современного положения ВЧК указывалось на то, что вузы стали центрами “эсеровского засилья”. На этом фоне в России началась чистка высших учебных заведений, которая сопровождалась сокращением их количества. Первыми под сокращение в Западной области попали технический вуз в Смоленске, а позже и в Минске. Были попытки закрыть и университеты в этих городах, но, учитывая то, что это могло подпортить репутацию новой власти в глазах европейской общественности, ограничились сокращением контингента учащихся и преподавателей.

Под давлением внутренних экономических проблем и обострившихся социально-политических обстоятельств руководству ССРБ пришлось в 1922 г. пойти на реорганизацию БГПИ, приостановив, таким образом, процесс подготовки инженерных кадров высшей квалификации. Одним из определяющих факторов для руководства страны стали развернувшиеся в РСФСР показательные судебные процессы против эсеров. На скамью подсудимых сел ближайший соратник и помощник ректора БГПИ по работе в Минской земской управе П. В. Злобин. Начавшаяся волна по искоренению “эсеровского засилья” в вузах коснулась и БГПИ.

Заключение

Таким образом, первые шаги в направлении создания высшей технической школы встретили понимание и поддержку у руководства республики и комиссариатов, обществен-

ных организаций и местной интеллигенции. Наплыв в стены БГПИ молодежи превысил все ожидания организаторов. Первый технический вуз стал пределом мечтаний и белорусской молодежи, попавшей в зону оккупации Польши, став доказательством в их глазах действительно народной политики большевиков. Несмотря на огромные сложности в области экономики, ограниченность территориальных и демографических ресурсов, руководство ССРБ в 1922 г. пошло не на ликвидацию БГПИ, а на реорганизацию в Белорусский государственный сельскохозяйственный институт. Таким образом, тот кадровый потенциал, материально-техническая база и мастерские, которые были созданы усилиями организаторов БГПИ, продолжили работать на благо высшей школы в Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Хрипков, В. М.* Развитие высшего технического образования в Белорусской ССР : дис. ... канд. пед. наук / В. М. Хрипков ; Первый Московский государственный педагогический институт иностранных языков. – Минск ; Москва, 1954. – С. 334.
2. *Красовский, Н. И.* Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. – 2-е изд., переработанное и расширенное. – Минск : Вышэйшая школа, 1972. – 313 с.
3. *Харитончик, С. В.* БНТУ на переднем крае научно-технического прогресса: научные исследования и подготовка специалистов для минерально-сырьевого сектора / С. В. Харитончик, А. Г. Воробьев, А. А. Кологривко, А. Н. Кукса // Горный журнал. – № 1. – 2020. – С. 5–13.
4. БНТУ. 100 лет истории / К. И. Баландин [и др.]. – Минск : БНТУ, 2020. – С. 244.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 210. Оп. 1. Д. 8. Л.142.
6. Университет в Белоруссии / Савецкая Беларусь. – 1920. – 15 сентября. – № 27. – С. 4.
7. Школа и культура Советской Белоруссии (журнал Наркомпроса ССРБ). – (январь–февраль) 1921. – № 1–2. – С. 133.
8. НАРБ. – Фонд 210. Оп. 1. Д. 7. Л. 67.
9. *Максимчик, А. Н.* Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946) / А. Н. Максимчик // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 2. – С. 65–86.
10. НАРБ. – Фонд 4 п. Оп. 1. Д. 556.
11. Вестник Наркомпроса ССРБ. – № 1. – октябрь 1921 г. – С. 168.
12. НАРБ. – Фонд 210. Оп. 1. Д. 230. Л. 259.

Поступила в редакцию: 30.06.2021 г.

Контакты: akuksa@bntu.by

(Кукса Александр Николаевич)

Kuksa A. N. BELARUSIAN STATE POLYTECHNICAL INSTITUTE: THE FIRST TECHNICAL UNIVERSITY OF BELARUS.

The article reveals the origins of the formation of higher technical education in Belarus. By revealing episodes from the life of the leaders, the system of state leadership in Belarus, the main milestones in the history of the first higher technical university are detailed.

Keywords: BSPI, polytechnic, higher technical education, the People's Commissariat for Education (Narkompros).

УДК 94(476)

**ПАДРыхтоўка навуковых
кадраў у АН БССР праз
аспірантуру ў другой
палове 1940-х гг.**

С. А. Жук

аспірант

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт

імя А. С. Пушкіна

У артыкуле разгледжаны асноўныя заканамернасці аднаўлення аспірантуры ў АН БССР у другой палове 1940-х гг., паказаны ўмовы падрыхтоўкі аспірантаў у Акадэміі, выяўлена значэнне дзяржаўнай палітыкі ў эвалюцыйнай форме і напрамку падрыхтоўкі. Прааналізаваны планаванне падрыхтоўкі кадраў, дынаміка набору і агульнай колькасці аспірантаў.

Ключавыя словы: падрыхтоўка кадраў, Акадэмія навук, аспірантура, навукова-тэхнічны прагрэс, кадравая палітыка.

Уводзіны

Неабходнасць аднаўлення і развіцця навуковага патэнцыялу АН БССР у другой палове 1940-х гг. дэтэрмінавала патрэбу ўмацавання кадравага патэнцыялу, што, у сваю чаргу, стала трыгерам развіцця інстытуцыйных форм падрыхтоўкі навукоўцаў: была адноўлена кандыдацкая аспірантура, створана сістэма экстернату. Важнасць гэтай працы не аднойчы падкрэслівалася ў рашэннях дырэктывных інстытутаў кіравання БССР, а таксама на ўзроўні органаў упраўлення Акадэміяй.

Сацыяльная значнасць тэматыкі абумовіла цікаўнасць да яе ў беларускай навуцы. У абароненай у 1954 г. кандыдацкай дысертацыі Г. М. Кованцавай “Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии в 1943–1950 гг.” прыводзяцца матэрыялы пра паступленне выпускнікоў ВНУ ў акадэмічную аспірантуру [1]. Спраба паказаць тэндэнцыі падрыхтоўкі кадраў у Акадэміі зроблена ў кнігах прэзідэнта АН БССР В. Ф. Купрэвіча [2]. Асабістыя прыклады ўкладу аспірантаў у развіццё беларускай навуцы прыводзяцца ў юбілейных выданнях “Навука за 30 лет” і “Навука за 40 год” [3; 4].

Станаўленне і развіццё гісторыка-навуковых даследаванняў у БССР абумовіла пашырэнне цікаўнасці да гісторыі Акадэміі навук у

цэлым і падрыхтоўкі даследчыкаў у прыватнасці. Напрыклад, у працах М. І. Галенчыка комплексна рэканструяваны заканамернасці аднаўлення і развіцця сістэмы падрыхтоўкі аспірантаў [5; 6]. Агульныя звесткі пра аднаўленне і развіццё акадэмічнай аспірантуры прыведзены ў працах М. І. Кресоўскага, М. К. Сакалова, юбілейных гісторыях АН БССР 1979 і 1989 гг. [7–12]. Асаблівасці арганізацыі падрыхтоўкі навукоўцаў па гістарычных навуках паказаны ў кандыдацкай дысертацыі Л. П. Храпко [13]. Аднак даследчыца лічыць, што першы пасляваенны набор у аспірантуру Інстытута гісторыі адбыўся ў 1946 г., але фактычна залічэнне і пачатак навучальнага працэсу адносіцца да сярэдзіны кастрычніка – пачатку снежня 1945 г. [13, с. 27; 14, арк. 88, 90, 91, 92].

У пасляваенскі перыяд пытанні функцыянавання сістэмы падрыхтоўкі аспірантаў у БССР разглядаліся ў даследаваннях Г. У. Карзенкі [15–17]. У манаграфіі М. У. Токарава “Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991)” (2016 г.) зроблена спроба рэканструкцыі заканамернасцей эвалюцыі падрыхтоўкі кадраў [18]. Але вучоны лічыць, што завочная аспірантура была арганізавана ў 1949 г., хаця ўжо восенню 1948 г. адбыўся першы набор [18, с. 25; 19, арк. 9]. Тэндэнцыі падрыхтоўкі навуковых кадраў разглядаліся ў выданнях, прысвечаных Інстытуту гісторыі і Інстытуту філасофіі [20–21].

Такім чынам, гісторыя аднаўлення і развіцця аспірантуры не аднойчы трапляла ў поле зроку даследчыкаў, аднак комплекснага вывучэння пакуль не было зроблена. Таму мэтай артыкула з’яўляецца вызначэнне тэндэнцый функцыянавання акадэмічнай аспірантуры ў другой палове 1940-х гг.

Асноўная частка

Планаванне развіцця аспірантуры.

Неабходнасць аднаўлення работы інстытуцыйных форм падрыхтоўкі кадраў актуалізавалася ўжо ў 1944 г. Да лета таго ж года распрацаваны праект набору, які быў абмеркаваны і зацверджаны на ліпеньскім пасяджэнні Бюро ЦК КП(б)Б. Ён прадугледжваў прыём у аспірантуру 51 чалавека [22, с. 76]. На кастрычніцкім пасяджэнні Бюро ЦК КП(б)Б прыняты новы план, згодна з якім кантрольная лічба прыёму складала ўжо 76 чалавек [22, с. 83]. Аднак у сувязі са складанасцямі, звязанымі з зацвярджэннем гэтых рашэнняў у саюзным

цэнтры, рээвакуацыяй Акадэміі, а таксама з прычыны заканчэння тэрмінаў работы прыёмнай кампаніі аднаўленне аспірантуры перанесена на наступны год.

У студзені 1945 г. зацверджаны план набору на 1945/1946 навучальны год, які склаў 60 чалавек [23, арк. 245]. Прыёмная кампанія пра-

цягвалася фактычна са жніўня 1945 па жнівень 1946 г. Ужо з лета 1945 г. распрацоўваўся план падрыхтоўкі кадраў на IV пяцігодку, які зацверджаны Прэзідыумам Акадэміі 31 кастрычніка 1946 г. [24, арк. 1]. Планаванне падрыхтоўкі кадраў па інстытутах на 1945–1950 гг. прадстаўлена ў табліцы [24; 25].

Табліца 1 – Планаванне падрыхтоўкі аспірантаў у 1945–1950 гг.

Навукова-даследчая ўстанова	Год						Усяго
	1945	1946	1947	1948	1949	1950	
Інстытут гісторыі	10	3	3	3	3	2	24
Інстытут літаратуры, мовы і мастацтва	10	3	2	3	3	3	24
Інстытут эканомікі	4	3	3	3	3	3	19
Група філасофіі і права	0	2	4	4	4	4	18
Інстытут сацыялістычнай сельскай гаспадаркі	9	3	3	3	3	4	25
Інстытут біялогіі	0	0	3	3	3	3	17
Інстытут механізацыі сельскай гаспадаркі	0	1	3	4	4	4	16
Баганічны сад	5	2	4	3	2	1	17
Інстытут тэарэтычнай і клінічнай медыцыны	5	1	4	2	2	1	15
Інстытут геалагічных навук	4	2	3	3	3	0	15
Фізіка-тэхнічны інстытут	0	4	0	0	3	8	15
Інстытут хіміі	7	2	1	3	4	3	20
Інстытут торфу	6	3	5	4	3	4	25
Водагаспадарчы сектар	0	2	3	2	3	2	12
Архітэктурна-будаўнічы сектар	0	0	0	2	2	2	6
Усяго	60	31	41	42	45	44	268

Заўвага. Назвы навукова-даследчых устаноў прыведзены згодна з архіўнымі дакументамі.

Прыёмныя кампаніі 1945–1947 гг. паказалі немагчымасць выканання гэтых лічбаў: адносна паспяхова завяршылася толькі першая з кампаній (98,3%). Не лепш сітуацыя была ў ВНУ і асобных НДІ. Таму ў 1947 г. Бюро ЦК КП(б)Б прыняло рашэнне аб неабходнасці павышэння каардынацыі ўстаноў падчас планавання падрыхтоўкі кадраў, а таксама загадала Дзяржплану, Саўміну і АН БССР распрацаваць план падрыхтоўкі навукоўцаў на 1948–1950 гг. [15, с. 6].

Табліца 2 – Планаванне падрыхтоўкі аспірантаў паводле планаў на 1946–1950 гг. і 1948–1950 гг.

Навукова-даследчая ўстанова	Год						Усяго	
	1948		1949		1950		Колькасць	%
	Колькасць	%	Колькасць	%	Колькасць	%		
Інстытут гісторыі	3	100,0%	6	200,0%	7	350,0%	16	200,0%
Інстытут літаратуры, мовы і мастацтва	3	100,0%	5	166,7%	5	166,7%	13	144,6%
Інстытут эканомікі	3	100,0%	0	-3	0	-3	3	33,3%

Яго прыняцце цалкам суаднеслася з планами карэкцыі пяцігадовага плана НДР АН БССР. [26; 27]. Афіцыйная матывацыя неабходнасці яго падрыхтоўкі і рэалізацыі была афіцыйна выкладзена М. І. Грашчанкавым у праграмным артыкуле “Вынікі XVI і XVII пленумаў ЦК КП(б)Б і задачы Акадэміі навук БССР” [28]. План распрацоўваўся на працягу другой паловы 1947 г. і быў прыняты напачатку 1948 г. з улікам неабходнасці арганізацыі завочнай аспірантуры.

Канець табліцы 2

Навукова-даследчая ўстанова	Год						Усяго	
	1948		1949		1950			
	Колькасць	%	Колькасць	%	Колькасць	%	Колькасць	%
Інстытут філасофіі і права	3	75,0%	7	175,0%	9	225,0%	19	158,3%
Інстытут сацыялістычнай сельскай гаспадаркі	4	133,3%	7	233,3%	7	175,0%	18	180,0%
Інстытут біялогіі	2	33,3%	4	80,0%	3	75,0%	9	60,0%
Інстытут механізацыі сельскай гаспадаркі	3	75,0%	5	125,0%	5	125,0%	13	108,3%
Інстытут тэарэтычнай і клінічнай медыцыны	3	150,0%	2	100,0%	0	-1	5	100,0%
Інстытут меліярацыі, воднай і балотнай гаспадаркі	3	150,0%	20	666,7%	11	550,0%	34	485,7%
Інстытут геалагічных навук	3	100,0%	4	133,3%	4	+4	11	183,3%
Фізіка-тэхнічны інстытут	2	+2	3	100,0%	7	87,5%	12	109,1%
Інстытут хіміі	3	100,0%	4	100,0%	3	100,0%	10	100,0%
Інстытут торфу	3	75,0%	3	100,0%	4	100,0%	10	90,9%
Архітэктурна-будаўнічы сектар	1	50,0%	2	100,0%	3	150,0%	6	100,0%
Усяго	39	92,9%	72	160,0%	68	151,1%	179	135,6%

Заўвага. Працэнт, прадстаўлены ў табліцы, атрыманы шляхам дзялення лічбаў плана падрыхтоўкі на 1948–1950 гг. на лічбы плана 1946–1950 гг. У выпадку немагчымасці гэтага арыфметычнага дзеяння ў табліцы прадстаўлены даныя не ў адносным, а ў абсалютным выглядзе. Даныя па Інстытуце меліярацыі, воднай і балотнай гаспадаркі параўноўваліся з водагаспадарчым сектарам, таму што апошні быў уключаны ў склад створанага інстытута. Па Інстытуце біялогіі лічбы па плане 1948–1950 гг. параўноўваліся з сукупным планам прыёму па Інстытуце біялогіі і Батанічным садзе ў сувязі з тым, што ў 1947 г. аспіранты апошняга пераведзены ў інстытут.

Аналітычныя запіскі і рашэнні Прэзідыума АН БССР дазваляюць зрабіць выснову, што ва ўмовах немагчымасці карэннай змены ў арганізацыі падрыхтоўкі аспірантаў “дзённай формы навучання” вырашэнню стратэгічнай задачы па інтэнсіўным аднаўленні кадравага патэнцыялу беларускай навукі магла б садзейнічаць арганізацыя завочнай аспірантуры. Ці разумела кіраўніцтва Акадэміі цяжкасці ў гэтай рабоце? Прагаколы пасяджэнняў Прэзідыума 1946–1948 гг. сведчаць, што актыўна гэты праект лабіравалі прэзідэнт М. І. Грашчанкаў, акадэмікі-сакратары Ю. А. Вейс і М. Ф. Ярмаленка, акадэмік Б. В. Ерафееў і віцэ-прэзідэнт В. А. Леонаў [29, арк. 219; 30, арк. 65; 31, арк. 423]. Адмоўныя наступствы гэтага рашэння некалькі разоў артыкуляваліся акадэмікам-сакратаром аддзялення грамадзнаўчых навук В. М. Перцавым. Пазіцыя

прадстаўнікоў прыродазнаўчых, тэхнічных і медыцынскіх навук падаецца лагічнай, асабліва з улікам стану матэрыяльна-тэхнічнай базы Акадэміі.

Падчас эвакуацыі актуалізавалася пытанне пра неабходнасць пашырэння падрыхтоўкі дактароў навук. Згодна з кастрычніцкай пастановай Бюро ЦК КП(б)Б (1944 г.) аднаўлялася работа дактаранцкай аспірантуры [22]. У 1945 г. планавалася залічыць 10 чалавек, аднак прыёмная кампанія не праводзілася. Тыя самыя лічбы засталіся і на 1946 г., аднак зноў ніхто не быў залічаны [32; 33, арк. 23].

Планы разгортвання гэтай формы навучання так і не ажыццявіліся. Ужо ў лютым 1947 г. Прэзідыум АН СССР зацвердзіў новае палажэнне аб парадку прыкамандзіравання навуковых супрацоўнікаў у дактарантуру АН СССР, тэрмін навучання ў якой вызначаўся

ў два гады. А ў лістападзе 1947 г. Саўмінам СССР прынята пастанова “О подготовке кадров высшей квалификации в Академии наук СССР”, згодна якой падрыхтоўка дактароў навук для саюзных Акадэміяў, а таксама асобных НДІ і ВНУ канцэнтравалася ў Саюзнай Акадэміі [34, с. 271].

Накірункі падрыхтоўкі навукоўцаў праз кандыдацкую аспірантуру. Арганізацыя навучання ў аспірантуры АН БССР вялася ў адпаведнасці з Палажэннямі “Аб аспірантуры” і “Аб аспірантуры АН Беларускай ССР” [35, арк. 16]. Штогод у Акадэміі арганізавалася прыёмная камісія, якую ўзначальваў адзін з віцэ-прэзідэнтаў. Для ўступных іспытаў ствараліся прадметныя камісіі, у якія ўваходзілі дырэктары даследчых устаноў альбо іх намеснікі па навуковай рабоце, дактары альбо кандыдаты навук, а таксама навуковыя кіраўнікі [36, арк. 29–30]. Выключэннем з’яўлялася камісія па замежнай мове, якая звычайна складалася з загадчыкаў профільных кафедраў Мінскага педінстытута, а з канца 1940-х гг. – педінстытута замежных моў.

Штогод назіралася тэндэнцыя парушэння тэрмінаў залічэння (1 ліпеня – 15 верасня)

Табліца 3 – Выкананне планаў прыёму і развіццё форм навучання ў другой палове 1940-х гг.

Год	План прыёму	Прыём (дзённая форма)	Прыём (завочная форма)	% выканання	Усяго	% (дзённая форма)	% (завочная форма)
1945	60	59	-	98,3%	59	100,0%	-
1946	30	12	-	40,0%	12	100,0%	-
1947	30	22	-	73,3%	22	100,0%	-
1948	60	27	14	68,3%	41	65,9%	34,1%
1949	75	45	19	85,3%	64	70,3%	29,7%

Лепшыя вынікі прыёмных кампаній дасягнуты ў 1945 і 1949 гг. Найменш паспяховым быў 1946 г., што звязана з працяглым папярэднім наборам, а таксама мінімальным выпускам у беларускіх ВНУ. Асноўнай формай падрыхтоўкі навукоўцаў з’яўлялася дзённая аспірантура. Значную частку яе навучэнцаў складалі навуковыя супрацоўнікі Акадэміі, НДІ і ВНУ Мінска. Каля 15% аспірантаў – работнікі прамысловых прадпрыемстваў ці сельскай гаспадаркі. У розныя гады ад 10 да 20% аспірантаў складалі выпускнікі ВНУ, якія паказалі выдатныя веды падчас навучання і атрымалі рэкамендацыі Саветаў.

5 мая 1948 г. Прэзідыум прыняў рашэнне аб адкрыцці завочнай аспірантуры і плане прыёму на 1948 г. [41, с. 78], якое было зацверджана Саветам Міністраў СССР. Першая прыёмная кампанія 1948/1949 гг. праведзена

[37, с. 174]. Асабліва яскрава гэта праявілася падчас першай пасляваеннай кампаніі, якая завяршылася толькі ў жніўні 1946 г. у сувязі з пачаткам новага прыёму. Загады па Акадэміі сведчаць, што не менш за 50% аспірантаў было залічана ў другой палове лістапада – першай палове снежня. Мелі месца выпадкі залічэння даследчыкаў у студзені наступнага года.

Гэтая сітуацыя з’явілася лагічным вынікам цяжкасцей з падборам кандыдатаў у аспірантуру, чаму спрыялі наступныя негатыўныя фактары: складанасці з падборам кадраў, якія мелі вопыт практычнай работы; абмежаваныя магчымасці залічэння выпускнікоў ВНУ [32, арк. 92], слабае інфармаванне праз СМІ. Адзначым, што рэалізацыя эфектыўнай і выніковай кадравай палітыкі ў аспірантуры ў другой палове 1940-х гг. з’яўлялася фактычна немагчымай ва ўмовах недабораў, адсутнасці конкурсаў і, галоўнае, слабай сувязі паміж Акадэміяй і ВНУ. Па гэтай прычыне цалкам лагічнымі выглядаюць складанасці з выкананнем кантрольных лічбаў прыёму, аб чым сведчаць даныя табліцы [38–40].

нездавальняюча і да сакавіка 1949 г. у завочную аспірантуру залічана толькі 14 чалавек, хаця планам прадугледжвалася 25 [19, арк. 9]. Адкрыццё завочнай аспірантуры дазволіла прыцягнуць у аспірантуру настаўнікаў школ, ІТР, дзяржаўных служачых. Найбольшае распаўсюджванне завочная аспірантура атрымала ў інстытутах аддзялення грамадскіх навук, а таксама ва ўстановах, якія практычна не мелі сваёй матэрыяльна-тэхнічнай і вопытна-вытворчай базы.

Аднак завочная аспірантура ўжо ў канцы 1940-х гг. не апраўдала спадзяванняў кіраўніцтва Акадэміі. Матэрыялы рэспубліканскай праверкі 1951 г. сведчаць, што сістэма работы з аспірантамі-завочнікамі фактычна не была сфарміравана. Штогод 5–7 завочнікаў адлічваліся за “страту сувязі з навуковым кіраўніком”. Гэтай праверкай, напрыклад, вы-

яўлены факты прызначэння аспірантам 1949 г. навуковых кіраўнікоў толькі ў 1951 г., а ў Інстытуце літаратуры, мовы і мастацтва мелі месца выпадкі зацвярджэння тэмы дысертацыі толькі на трэцім годзе навучання [42, арк. 86, 10, 27–31].

Падрыхтоўка навукоўцаў праз кандыдацкую аспірантуру ажыццяўлялася ўсімі даслед-

чымі ўстановамі Акадэміі за выключэннем Літаратурнага музея імя Я. Купалы і сектара жалезачыгуннага ліцця і жалезачыгунных канструкцый, які існаваў у 1945 г., а потым уключаны ў склад фізіка-тэхнічнага сектара. Дынаміка агульнай колькасці аспірантаў па ўстановах прадстаўлена ў табліцы [27; 40; 43, арк. 81, 75, 204; 44, арк. 219–225; 45].

Табліца 4 – Дынаміка агульнай колькасці аспірантаў у АН БССР у 1945–1949 гг.

Навукова-даследчая ўстанова	Год					
	1945	Жнівень 1946	1946	1947	1948	1949
Адзяленне грамадскіх навук						
Інстытут гісторыі	10	12	14	11	7	10
Інстытут літаратуры, мовы і мастацтва	10	7	7	9	9	8
Інстытут эканомікі	2	2	2	6	6	8
Інстытут філасофіі і права	-	-	3	4	4	11
Усяго	22	21	26	30	26	37
Адзяленне біялагічных, сельскагаспадарчых і медычных навук						
Інстытут сацыялістычнай сельскай гаспадаркі	4	11	15	12	13	14
Інстытут геалагічных навук	2	2	3	-	-	-
Інстытут тэарэтычнай медыцыны	3	3	4	4	5	5
Батанічны сад	1	4	4	4	-	-
Інстытут біялогіі	-	-	-	-	3	7
Інстытут меліярацыі, воднай і балотнай гаспадаркі	-	-	-	-	6	7
Інстытут механізацыі сельскай гаспадаркі	-	-	-	-	-	8
Усяго	10	20	26	20	27	41
Адзяленне фізіка-матэматычных і тэхнічных навук						
Інстытут торфу	3	3	1	3	4	4
Інстытут геалагічных навук	-	-	-	4	2	5
Інстытут хіміі	5	7	8	7	8	10
Фізіка-тэхнічны інстытут	1	2	2	3	3	8
Інстытут механізацыі сельскай гаспадаркі	-	-	-	5	7	-
Архітэктурны сектар	-	-	-	-	-	2
Энергасектар	-	-	-	-	-	3
Усяго па аддзяленню	9	12	11	22	24	32
Усяго па Акадэміі	41	53	63	72	77	110

Заўвага. Усе даныя, за выключэннем жніўня 1946 г., прадстаўлены на аснове гадавых справаздач Акадэміі. Назвы ўстановаў і аддзяленняў прыведзены па стане на снежань 1950 г.

Аднаўленне і рост аспірантуры адбываўся наступнымі шляхамі: пашырэннем падрыхтоўкі навукоўцаў у даследчых установах за кошт павелічэння набору і адкрыцця новых спецыяльнасцей, а таксама за кошт адкрыцця аспірантуры ў новых установах АН БССР.

У першыя пасляваенныя гады рост аспірантуры адбываўся за кошт прыёму і аднаўлення аспірантаў. Так, за 1945–1946 гг. было зноў прынята ў аспірантуру 18 чалавек, з іх 5 чалавек – на першы год навучання, 7 – на другі і 6 – на трэці. Таму першыя паслява-

енныя выпускі адбыліся ўжо ў 1946 і 1947 гг., аднак былі нешматлікімі. Дынаміка набораў 1946 і 1947 гг. з'яўлялася незадавальняючай (прынята ўсяго 34 чалавекі), што стала адным з фактараў пошуку новых форм падрыхтоўкі навукоўцаў. Першы набор у завочную аспірантуру (14 чалавек) дазволіў не толькі стабілізаваць агульную колькасць, але і стварыць умовы для далейшага колькаснага росту, які пачаў праяўляцца на рубяжы 1940–1950-х гг. Рост агульнай колькасці стрымліваўся невыкананнем кантрольных лічбаў прыёму. Толькі план 1949 г. на дзеінную форму навучання выкананы поўнасьцю. Такім чынам, пасляваеннае аднаўленне акадэмічнай аспірантуры не з'яўлялася ні лінейным, ні паступальным.

Падрыхтоўка навукоўцаў па розных накірунках таксама не ўкладваецца ў названую мадэль. Перш за ўсё неабходна адзначыць эвалюцыю напрамкаў падрыхтоўкі навукоўцаў, якая адбылася ў Акадэміі ў другой палове 1940-х гг. Праекты і планы аднаўлення прадугледжвалі актывізацыю навучання даследчыкаў-грамадазнаўцаў, што можна растлумачыць кадравым патэнцыялам гэтых навук у Акадэміі і сацыяльнай замовай. Разам з тым фактычна да 1948–1949 гг. навучанне аспірантаў па тэхнічным, фізіка-матэматычным, дакладным навукам на базе Акадэміі было немагчымым у сувязі са складанасцямі з падборам аспірантаў і навуковых кіраўнікоў, а таксама абмежаванасцю вопытна-эксперыментальнай і матэрыяльна-тэхнічнай базы. Заўважым, што даследаванняў па фізіцы і матэматыцы да 1948 г. амаль не ажыццяўлялася, што звязана з адсутнасцю кваліфікаваных кадраў. Толькі пасля пераезду ў Мінск на пасаду дырэктара Фізіка-тэхнічнага інстытута С. І. Губкіна актывізуецца даследчая работа ў гэтай галіне. З канца 1940-х гг. вядучым накірункам падрыхтоўкі стала спецыяльнасць “Апрацоўка металаў ціскам” [46, арк. 11]. У Інстытуце торфу аспірантура функцыянавала па механізацыі здабычы торфу і хіміі торфу.

Падрыхтоўка даследчыкаў па прыродазнаўчым навукам канцэнтравалася ў Інстытутах біялогіі, хіміі, геалагічных навук, Батанічным садзе. Найбольш актыўна навучанне вялося па сельскагаспадарчых і тэхнічных дысцыплінах. Падрыхтоўка навукоўцаў па сельскагаспадарчых навукх ажыццяўлялася ў Інстытуце сацыялістычнай сельскай гаспадаркі, часткова ў Інстытуце меліярацыі, воднай і балотнай гаспадаркі. Першая з названых устаноў з'яўлялася адной з буйнейшых НДУ АН

БССР, у якой распрацоўваліся як тэарэтычныя, так і практычныя пытанні аднаўлення і развіцця сельскагаспадарчага комплексу БССР. Адпаведна і падрыхтоўка аспірантаў вялася па шырокім спектры спецыяльнасцей: ад жывёлагадоўлі да аграхіміі.

З другой паловы 1940-х гг. адбываецца некалькі спроб актывізаваць даследаванні ў галіне медыцынскіх навук, асабліва ў перыяд кіраўніцтва М. І. Грашчанкава. Аднак ва ўмовах адсутнасці вопытна-эксперыментальнай і матэрыяльна-тэхнічнай базы навукова-даследчая дзейнасць перамяшчаецца ў Мінскі медінстытут.

Такім чынам, у другой палове 1940-х гг. падрыхтоўка навукоўцаў у АН БССР вялася ў адпаведнасці з прыярытэтамі аднаўлення і развіцця народнагаспадарчага комплексу БССР, напрамкамі НДР Акадэміі, што і паўплывала на змены вектара навучання ў аспірантуры.

Аднак эфектыўнасць падрыхтоўкі навукоўцаў праз аспірантуру з'яўлялася нізкай. За 1946–1948 гг. толькі трое навучэнцаў аспірантуры абаранілі дысертацыі. Першая з іх, Ю. Ф. Мацкевіч, ужо ў 1946 г. датэрмінова на пасяджэнні вучонага савета Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва абараніла дысертацыю па дыялектам беларускай мовы [19, арк. 32]. Дарэчы, даследчыца працягнула працаваць у Акадэміі навук, у 1950 г. узначаліла сектар дыялекталогіі, у 1963 г. абараніла доктарскую дысертацыю, а ў 1969 г. абрана членам-карэспандэнтам. У 1948 г. дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата хімічных і фізіка-матэматычных навук абаранілі аспіранты Інстытута хіміі С. А. Жэвіна і Фізіка-тэхнічнага інстытута І. З. Фішар.

Звярнем увагу на “шлях” да абароны Іосіфа Залманавіча Фішара. Пасля вайны ён працаваў у БДУ, накіраваны ў акадэмічную аспірантуру, дзе вучыўся пад кіраўніцтвам акадэміка М. С. Акулава, які з'яўляўся спецыялістам у галіне фермагнетызму. У другой палове 1940-х гг. Мікалай Сяргеевіч, які, як і значная частка вядучых супрацоўнікаў Акадэміі, жыў па-за межамі БССР (у Маскве) і працаваў у Мінску “наездамі”. Якасна навуковага кіраўніцтва ў гэтых умовах не магло быць забяспечана, што негатыўна ўплывала на эфектыўнасць аднаўлення кадравага патэнцыялу беларускай навукі. Аднак І. З. Фішар змог наладзіць узаемадзеянне з кіраўніком (за кошт сістэматычных і працяглых паездак у Маскву, пра што сведчаць бухгалтарскія дакументы),

правесці эксперыментальна-лабараторны этап даследавання, падрыхтаваць і абараніць дысертацыю [40, арк. 18, 19].

Пэўная актывізацыя абарон прыходзіцца на 1950 г., што абумоўлена як паляпшэннем арганізацыі навучання і пераадоленнем наступстваў вайны, так і дамоклавым мячом планаў IV пяцігодкі. За гэты год абаронены 10 дысертацый – дзве па філалагічных навукх і па адной па гістарычным, філасофскім, эканамічным, геалагічным, хімічным, сельскагаспадарчым, тэхнічным, фізика-матэматычным навукам [47, арк. 3]. Таксама трэба звярнуць увагу на тое, што яшчэ ў другой палове 1940-х гг. аспірантура не ўспрымалася як неабходны этап станаўлення даследчыка. Так, за 1946–1950 гг. не менш як 8 супрацоўнікаў АН БССР абараніліся без навучання ў ёй [47, арк. 4].

Такім чынам, задачы, якія ставіліся інстытутамі дзяржаўнай улады і кіраўніцтвам Акадэміі перад акадэмічнай аспірантурай, не былі поўнасьцю дасягнуты: за другую палову 1940-х гг. не ўдалося хутка арганізаваць эфектыўную сістэму падрыхтоўкі навуковай інтэлігенцыі, на што паўплывалі наступныя фактары.

1. Палітыка па прыцягванню здольных да навукі маладых людзей была непаслядоўнай і часта спарадычнай, што абумоўлена парушэннем узаемадзеяння “ВНУ – Акадэмія навук”. Адзначым, што першыя пасляваенныя выпускі ў ВНУ былі нешматлікімі і ў першую чаргу задавальнялі патрэбы саміх навучальных устаноў і профільных міністэрстваў і ведамстваў. Кіраўніцтва Акадэміі навук даводзілася лабіраваць рашэнні аб размеркаванні на ўзроўні Савета Міністраў і ЦК КП(б)Б. Ва ўмовах аднаўлення народнагаспадарчага комплексу БССР і дэфіцыту кваліфікаваных кадраў іх паступленне ў аспірантуру таксама ў значнай меры ўскладнялася. Так, напрыклад, кіраўніцтва заводаў і сельскагаспадарчых прадпрыемстваў з насцярожанасцю ставілася да пераходу сваіх супрацоўнікаў у Акадэмію. Несумненна, негатыўна ўплывалі на працэс аднаўлення дзейнасці аспірантуры і велізарныя людскія страты, панесеныя беларускім народам у гады вайны, у тым ліку і сярод супрацоўнікаў.

2. Значны ўплыў на аднаўленне сістэмы падрыхтоўкі кадраў аказалі матэрыяльна-тэхнічныя страты АН БССР у час акупацыі. У прыватнасці, да 1948 г. будынкі Прэзідыума і лабараторнага корпуса не былі прыдатны да размяшчэння акадэмічных

ных устаноў, летам 1944 г. поўнасьцю знішчаны торфагідролізны завод. Толькі частка Батанічнага сада з лета 1945 г. знаходзілася ў прыдатным стане. Аднак ужо ў 1945–1946 гг. за кошт рэпарацый пачало пастаўляцца нямецкае лабараторнае абсталяванне. Такім чынам, калі ўлічваць агульныя наступствы акупацыі для сталіцы БССР, не былі створаны належныя ўмовы для правядзення даследчай работы.

Падкрэслім, што да ўвядзення ў эксплуатацыю будынка Прэзідыума Акадэмія навук не мела жылой плошчы, дзе размяшчаліся б аспіранты, што не дазваляла прымаць у аспірантуру грамадзян, якія не мелі свайго жылля ў Мінску. Прыцягненне маладых даследчыкаў з рэгіёнаў у гэты перыяд з’яўлялася практычна немагчымым.

3. Адукацыйны працэс у аспірантуры таксама не арганізаваны належным чынам. Мелі месца складанасці з камунікацыяй з навуковымі кіраўнікамі, вывучэннем прадметаў “кандыдацкага мінімуму” (замежная мова, дыялектычны і гістарычны матэрыялізм), а таксама прадметаў спецыялізацыі, колькасць якіх магла дасягаць дзесяці. Трэба звярнуць увагу і на складанасці з абаронай дысертацыйных прац. У АН БССР у канцы 1940-х гг. мелі права прысуджаць вучоныя ступені кандыдата навук толькі вучоныя саветы інстытутаў біялогіі, сацыялістычнай сельскай гаспадаркі і літаратуры, мовы і мастацтва. Зразумела, што абарона дысертацый у “знешніх” установах, асабліва ў вядучых савецкіх навуковых цэнтрах, стварала дадатковыя перашкоды і значна павялічвала тэрміны разгляду і экспертызы дысертацыі.

Заклучэнне

Асноўнымі формамі планавання падрыхтоўкі навукоўцаў у другой палове 1940-х гг. з’яўляліся гадавое і перспектыўнае планаванне на пяцігодку. План на 1946–1950 гг., створаны ў адпаведнасці з асноўнымі накірункамі аднаўленчай пяцігодкі, пяцігадовым планам НДР Акадэміі, прадугледжваў развіццё аспірантуры ў галіне грамадазнаўчых, тэхнічных, сельскагаспадарчых і прыродазнаўчых навук. У сувязі з недахопамі ў справе навучання аспірантаў на падставе рашэння ЦК КП(б)Б у 1947 г. распрацаваны трохгадовы план на 1948–1950 гг., згодна з якім па АН БССР прадугледжвалася скарачэнне набору на 1948 г. і павелічэнне на 1949 і 1950 гг., што тлумачыцца планаваннем арганізацыі новай формы навучання – завочнай аспірантуры.

Асноўнымі інстытуцыянальнымі формамі падрыхтоўкі кадраў з'яўляліся дзённыя і створаная ў маі 1948 г. завочная аспірантуры. Абсалютная большасць аспірантаў (больш за 65%) навучалася менавіта ў дзённай аспірантуры, у завочнай у асноўным вучыліся інжынерна-тэхнічныя работнікі, менеджары савецкіх, партыйных і іншых дзяржаўных устаноў. Найбольшае распаўсюджанне яна атрымала ва ўстановах, якія не мелі сваёй матэрыяльна-тэхнічнай і вопытна-эксперыментальнай базы, а таксама ва ўстановах грамадзнаўчага профілю.

Колькасны рост аспірантуры ў другой палове 1940-х гг. адбываўся перш за ўсё за кошт першага пасляваеннага набору і адкрыцця завочнай аспірантуры. Трансфармацыя накірункаў падрыхтоўкі ў названы перыяд звязана з надзвычай хуткім аднаўленнем аспірантуры па грамадскіх навук у 1945–1946 гг. У канцы 1940-х гг. імпульс надаецца аспірантуры інстытутаў сельскагаспадарчага і тэхнічнага профілю, што звязана з неабходнасцю актывізацыі рэканструкцыі сельскагаспадарчага комплексу БССР, а таксама з буйнымі праектамі рэспубліканскага і саюзнага ўзроўню (напрыклад, комплекснае асваенне Палесся). У сувязі з недастатковым забеспячэннем кадрамі, вытворчымі плошчамі і лабараторным абсталяваннем навучанне ў галіне прыродазнаўчых і дакладных навук не атрымала належнага развіцця.

Кадровая палітыка ў другой палове 1940-х гг. адрознівалася непапулярнасцю, перад даследчымі ўстановамі ставіліся надзвычай амбіцыйныя планы, арганізацыя навучання аспірантаў таксама была далёкай ад аптымальнай. Разам з тым менавіта ў другой палове 1940-х гг. быў створаны інстытуцыянальны падмурак для пашырэння і развіцця падрыхтоўкі навукоўцаў у АН БССР.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Кованцева, Г. М.* Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии в 1943–1950 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. М. Кованцева. – Минск, 1954. – 234 с.
2. *Купрэвич, В. Ф.* Академия наук Белорусской ССР: очерк истории и деятельности / В. Ф. Купрэвич. – Минск : Наука и техника, 1968. – 158 с.
3. Наука в БССР за 30 лет / Н. И. Гращенков [и др.] ; под ред. Н. И. Гращенкова. – Минск, 1949. – 594 с.
4. Наука ў БССР за 40 год / В. Ф. Купрэвіч [і інш.] ; пад рэд. В. Ф. Купрэвіча. – Минск, 1959. – 642 с.
5. *Галенчик, Н. И.* Подготовка научных кадров в Белорусской ССР и их творческий вклад в развитие науки 1943–1965 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т истории. – Мн., 1970. – 241 с.
6. *Галенчик, Н. И.* З гісторыі падрыхтоўкі навуковых кадраў у Беларускай ССР у 1946–1950 гг. / Н. И. Галенчик // Из истории Советской Белоруссии : Докл. конф. секций Науч. Совета по проблеме “История БССР”. – Мн., 1969. – С. 46–59.
7. *Красовский, Н. И.* Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. – Минск : Выш. шк., 1972. – 313 с.
8. *Красовский, Н. И.* Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. – Мн. : Госиздат БССР. Ред. социал.-экон. лит., 1963. – 255 с.
9. *Соколов, Н. К.* Партийное руководство подготовкой и воспитанием кадров высшей школы БССР / Н. К. Соколов. – Мн. : Изд-во БГУ, 1978. – 143 с.
10. *Соколов, Н. К.* Партийное руководство подготовкой и воспитанием научно-педагогических кадров. 1936–1961 гг. (на материалах БССР) : дис. ... д-ра. ист. наук / Н. К. Соколов. – Минск, 1988. – 449 с.
11. Академия наук БССР / Н. А. Борисевич [и др.], под ред. Н. А. Борисевича. – Минск : Наука и техника, 1989. – 234 с.
12. Академия наук БССР / Н. А. Борисевич [и др.], под ред. Н. А. Борисевича. – Мн. : Белорус. сов. энциклопедия, 1979. – 598 с.
13. Храпко, Л. П. Развитие исторической науки в БССР (1945 – конец 50-х годов) : дис. ... канд. ист. наук / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т истории. – Мн., 1989. – 239 с.
14. Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі (далей – ЦНА НАНБ). – Ф. 1. Спр. 106. Арк. 97.
15. *Корзенко, Г. В.* Научная интеллигенция Беларуси в 1944–1990 гг.: (подготовка, рост, структура) / Г. В. Корзенко – Мн. : Фісц, А-СКАД, 1995. – 74 с.
16. *Корзенко, Г. В.* Научные кадры Белоруссии: проблемы формирования и развития (1944–1990 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / Г. В. Корзенко. – Мн., 1996. – 453 с.
17. *Корзенко, Г. В.* Подготовка научных кадров в Беларуси. Взгляд сквозь годы / Г. В. Корзенко. – Мн. : Белорусское издательское Товарищество “Хата”, 1998. – 166 с.
18. *Токарев, Н. В.* Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991) / Н. В. Токарев. – Мн. : Беларуская навука, 2016. – 247 с.
19. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 39. Арк. 42.
20. Институт истории НАН Беларуси, 1929–2009 / А. А. Коваленя (руководитель) [и др.]. – Мн. : Беларуская навука, 2009. – 627 с.
21. Институт философии НАН Беларуси: источник и символ самосознания культуры / А. А. Лазаревич (рук.) [и др.] ; Над. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Мн. : Беларус. навука, 2011. – 380 с.

22. Национальная академия наук Беларуси / О. А. Гапоненко, Я. М. Кудер, Н. В. Токарев. – Минск : Белорусская наука, 2008. – 197 с.
23. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 605. Арк. 245.
24. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 124. Арк. 68.
25. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 125. Б/н.
26. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 121. Б/н.
27. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 126. Б/н.
28. *Грашчанкаў, Н. І.* Вынікі XVI і XVII пленумаў ЦК КП(б)Б і задачы Акадэміі навук БССР / Н. І. Грашчанкаў // *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР.* – 1948. – № 1. – С. 3–11.
29. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 503. Арк. 219.
30. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 504. Арк. 65.
31. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 514. Арк. 423.
32. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 61. Спр. 387. Арк. 263.
33. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 61. Спр. 122. Арк. 83.
34. *Комков, Г. Д.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк : в 2 т. / Г. Д. Комков, Б. В. Левшин, Л. К. Семенов. – М., 1977. – Т. 1. – 462 с.
35. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 67. Арк. 56.
36. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 553. Арк. 196.
37. Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. М. И. Мовшович. – М. : Сов. наука, 1948. – 616 с.
38. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 127. Арк. 122.
39. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 127а. Б/н.
40. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 98а. Б/н.
41. Хроніка // *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР.* – 1948. – № 2. – С. 78–82.
42. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 5. Арк. 266.
43. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 502. Арк. 264.
44. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 33. Арк. 284.
45. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 156. Б/н.
46. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 19. Арк. 379.
47. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 69. Арк. 17.

Паступіў у рэдакцыю 18.11.2021 г.
 Кантакты: sergej.zhuk.98@mail.ru
 (Жук Сяргей Аляксандравіч)

Zhuk S. A. TRAINING OF SCIENTIFIC PERSONNEL AT THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE BSSR THROUGH POSTGRADUATE STUDIES IN THE SECOND HALF OF THE 1940s.

The article considers the main regularities of the restoration of postgraduate studies at the Academy of Sciences of the BSSR in the second half of the 1940s. The conditions for the resumption of postgraduate studies at the Academy are shown, and the importance of state policy in the evolution of forms and directions of training is revealed. The planning of personnel training, the dynamics of recruitment and the total number of graduate students are analyzed.

Keywords: personnel training, Academy of Sciences, postgraduate studies, scientific and technical progress, personnel policy.

УДК 323.17

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ВОПРОСУ СТАТУСА ШОТЛАНДИИ В 2011–2014 гг.

И. Л. Курс

аспирант

Белорусский государственный университет

В статье рассматривается ход внутривнутриполитической борьбы по вопросу статуса Шотландии накануне референдума о её независимости. Констатируется, что условия проведения референдума представляли собой компромисс между британским и шотландским правительствами. В рамках преферендумной кампании сложилось два лагеря: первый выступал за выход из Соединенного Королевства, второй настаивал на необходимости сохранения единого государства. При этом оба лагеря пытались предложить промежуточный вариант между полной независимостью и существовавшим устройством. В заключении делается вывод, что проведение референдума не помогло разрешить проблему статуса Шотландии.

Ключевые слова: Шотландия, референдум, независимость, внутривнутриполитическая борьба.

Введение

Важнейшей особенностью политического развития Великобритании последних десятилетий стала дискуссия по вопросу статуса Шотландии. Свое новое наполнение она получила после начала работы в мае 1999 г. Шотландского парламента, также известного под названием Холируд. Обсуждение этой темы достигло своего пика в 2014 г., когда состоялся референдум по вопросу независимости региона. Хотя большинство населения высказалось за сохранение Шотландии в составе Соединенного Королевства, проблема ее статуса не ушла с повестки дня. Местные националисты неоднократно выражали своё желание организовать повторный референдум. Противоречивый выход Великобритании из ЕС, неоднозначная деятельность британского правительства по борьбе с пандемией коронавируса и сопутствующий рост популярности идеи независимости лишь укрепили эти намерения.

На выборах 2021 г. в Холируд большинство мест в новом составе парламента заняли сторонники независимости. Это позволило ли-

деру националистов Первому министру Шотландии Н. Стерджен заявить о получении мандата на организацию повторного голосования по независимости [1]. И хотя на данный момент Лондон отрицает возможность проведения данного голосования, вероятность такого сценария в ближайшие несколько лет остается высокой.

Многие составляющие дискуссии о статусе Шотландии накануне референдума 2014 г. сохраняют свою актуальность и сегодня. Позиция основных региональных партий по этому вопросу осталась неизменной, а споры концентрируются вокруг все тех же проблемных моментов. В этой связи исследование опыта первого референдума о независимости приобретает особую значимость. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить характерные черты внутривнутриполитической борьбы по вопросу статуса Шотландии в 2011–2014 гг.

Тема шотландского референдума и предшествующих ему событий привлекала внимание многих англоязычных специалистов. Наиболее подробно этот вопрос рассматривался в исследованиях под редакцией М. Китинга [2] и А. Макхарг [3]. В них анализируются правовые основы референдума и различные аспекты агитационной кампании. В работе под редакцией П. Линча [4] в центре внимания находится начальный этап подготовки шотландских партий к референдуму. В русскоязычной историографии эта проблема рассматривалась фрагментарно. В своих статьях авторами главным образом пытались оценить перспективы независимости для Шотландии и Соединенного Королевства в целом [5; 6].

Основная часть

Точкой отсчета современной политической истории Шотландии можно по праву считать 1999 г. В этот год в результате так называемой деволюции начали свою работу два шотландских региональных органа власти – Шотландский парламента и Шотландская исполнительная власть, позже переименованная в Шотландское правительство. Смысл деволюции заключался в передаче определенного набора властных полномочий с уровня центрального правительства на уровень регионов [7]. При этом высший правовой суверенитет оставался за Вестминстером.

В первые два срока работы Холируда вопрос статуса Шотландии не имел заметного присутствия в ее политической жизни. Ситуация начала меняться по мере роста влияния

Шотландской национальной партии (ШНП), главного проводника идеи независимости региона. По итогам выборов 2007 г. в Холируд ШНП впервые пришла к власти и сформировала правительство меньшинства. Хотя в тех политических условиях она объективно не могла добиться суверенитета Шотландии, партии удалось вывести обсуждение проблемы статуса региона на новый уровень. В манифесте к очередным выборам националисты обещали в случае победы организовать референдум о независимости [8, с. 30].

Итоги этих выборов, прошедших в мае 2011 г., носили по-настоящему сенсационный характер. ШНП удалось завоевать абсолютное большинство мест в новом составе парламента. Такой результат националисты расценили как явный мандат на проведение референдума по независимости Шотландии. Британский премьер-министр Д. Кэмерон в ответ на это признал право Эдинбурга на организацию такого голосования и дал понять, что не будет препятствовать ему с помощью формальных инструментов [9]. Лондон опасался, что запрет лишь подстегнет сепаратистские настроения в Шотландии. Тогдашние опросы общественного мнения показывали, что только треть населения выступает за полную самостоятельность региона [10, с. 201]. Учитывая это, было принято прагматичное решение провести референдум как можно скорее.

В отличие от ШНП другие ключевые региональные партии – лейбористы, либерал-демократы и консерваторы – придерживались “юнионистских” взглядов и выступали за сохранение Шотландии в составе Соединенного Королевства. Каждая из них неудачно выступила на прошедших выборах и сократила своё представительство в новом парламенте. Как следствие, лидеры всех трех партий объявили о своем решении уйти в отставку. Учитывая скорый референдум, “юнионистам” было необходимо не только определиться с новыми лидерами, но и подготовиться к потенциальной кампании. Для этого все три партии запустили внутренние консультации с целью выработки актуальной позиции по вопросу статуса Шотландии. И хотя их приверженность идеям целостности не подлежала сомнению, они намеревались изучить возможности для углубления автономии региона.

Националисты в это же время старались добиться выгодных для себя условий референдума. Во-первых, они пытались пролоббировать вынесение на голосование дополнитель-

ного вопроса о наделении Холируда более широкими полномочиями, в первую очередь в сфере финансов и налогообложения [11]. Во-вторых, ШНП стремилась отложить проведение референдума на вторую половину легислатуры. Она надеялась, что это даст ей необходимое время для обоснования преимуществ суверенного развития. При этом официальная позиция британского правительства по этому поводу гласила, что референдум должен состоять из одного вопроса и пройти как можно скорее – точной даты при этом указано не было [12]. Разрешить возникшую проблему были призваны переговоры между британским и шотландским правительствами. Они начались в феврале 2012 г. и завершились подписанием 15 октября 2012 г. так называемого Эдинбургского соглашения [13]. Оно носило компромиссный характер. С одной стороны, ШНП удалось отстоять проведение референдума в предпочтительные для себя сроки (стороны согласились, что он должен состояться до конца 2014 г.). С другой стороны, Лондон настоял на том, чтобы в бюллетени для голосования был включен только вопрос о независимости региона, без дополнительного варианта с расширением деволюции. Юридическое оформление референдума было окончательно завершено в конце 2013 г., когда депутаты Холируда единогласно одобрили проект закона о проведении референдума. В нем же устанавливалась точная дата голосования – 18 сентября 2014 г. [14].

Задолго до этого, еще в мае 2012 г., был дан официальный старт кампании по выходу Шотландии из состава Соединенного Королевства под названием “Да, Шотландия”. Среди политических партий декларацию о начале ее деятельности подписали ШНП и шотландская партия “Зелёных”. Спустя месяц было запущено движение “Лучше вместе”, которое выступало против независимости и объединяло все “юнионистские” партии. Несмотря на выгодную стартовую позицию, с точки зрения общественной поддержки, кампания для “Лучше вместе” не обещала быть простой. Ей предстояло грамотно координировать деятельность ее участников, которые в обычных условиях являлись прямыми конкурентами, а также аккуратно вести коммуникацию, критикуя сторонников независимости, но не принижая потенциал Шотландии.

На протяжении 2013 – первой половины 2014 гг. “юнионистские” силы представили свои обновленные позиции по вопросу

статуса Шотландии. Консерваторы заявили, что готовы предоставить Холируду полный контроль над подоходным налогом с физлиц в регионе, но выступили против делегирования сколько-нибудь значимых полномочий в сфере социального обеспечения [15]. Похожие идеи озвучили либерал-демократы: они также предложили передать в распоряжение Холируда подоходный налог, но оставить управление системой соцобеспечения в руках центрального правительства [16, р. 60–62]. Предложения шотландских лейбористов оказались заметно менее амбициозными. Они не поддержали делегирование широких властных полномочий в налоговой сфере, опасаясь создания нескольких конкурирующих налоговых режимов в границах Соединенного Королевства [17].

Одновременно с приближением даты референдума росло давление на ШНП – от ее правительства требовали представить комплексный проект суверенного развития Шотландии. Ответом националистов стала “Белая книга” “Будущее Шотландии – ваш путеводитель по независимой Шотландии”, опубликованная в ноябре 2013 г. [18]. Наряду с изложением потенциальных изменений, в “Белой книге” ШНП стремилась подчеркнуть и сохранение в будущей Шотландии многих привычных для населения реалий общественной жизни. По планам националистов, после провозглашения независимости формальным руководителем шотландцев должен был остаться британский монарх, валютой – фунт стерлингов, а сама Шотландия продолжила бы быть членом ЕС и НАТО. С помощью этой идеи преэминентности ШНП продвигала мысль, что политическая трансформация не приведет к радикальным потрясениям, а лишь поможет построить более справедливое и успешное общество.

Оппоненты раскритиковали тезисы “Белой книги” по многим ключевым спорным моментам. Наиболее активные дебаты развернулись вокруг экономических перспектив суверенной Шотландии и ее будущей валюты, а также проблемы ее членства в ЕС и НАТО. Националисты утверждали, что в случае независимости Шотландия будет обладать всеми необходимыми ресурсами для экономического процветания. Их оппоненты оспаривали эту позицию и стремились подчеркнуть плюсы существовавшего устройства. Самые принципиальные споры при этом касались вопроса будущей валюты суверенной Шотландии. Возможность заключения валютного союза была

отвергнута представителями всех “юнионистских” партий [19]. В ответ на это Сэлмонд заявил, что не будет рассматривать никаких альтернатив фунту, а Шотландия сможет использовать его даже без формального соглашения [20].

Запутанным был вопрос и с потенциальным членством Шотландии в ЕС и НАТО. ШНП утверждала, что независимая Шотландия сможет безболезненно пройти все вступительные процедуры и стать членом ЕС уже через 18 месяцев после референдума [21]. Лондонские политики, напротив, прогнозировали длительный процесс переговоров, указывая на необходимость договариваться с каждым из членов организации [22]. Схожая неопределенность окружала и перспективы шотландского присоединения к НАТО. При этом руководители и ЕС, и НАТО давали понять, что в случае достижения независимости заявка Шотландии на вступление будет рассматриваться на общих основаниях и без каких-либо гарантий успешного завершения этого процесса [23; 24].

Несмотря на все вышеперечисленные сложности, ШНП после опубликования “Белой книги” сумела добиться главного для себя эффекта. Социологические опросы показывали скромный, но устойчивый рост популярности идей независимости [25, с. 1]. Разрыв между сторонниками и противниками суверенитета постепенно сокращался. По разным оценкам, за август 2014 г. доля приверженцев суверенной Шотландии увеличилась на 4–6% [26]. Все-таки обеспокоившись реальной перспективой выхода Шотландии из состава Соединенного Королевства, лидеры трех общebritанских партий – Д. Кэмерон, Э. Милибенд и Н. Клефт – экстренно посетили регион в попытке предотвратить неприемлемый для себя итог. В своем совместном выступлении, опубликованном буквально за несколько дней до голосования, они пообещали делегировать новые существенные полномочия Эдинбургу в случае победы противников независимости [27].

18 сентября 2014 г. шотландцы отправились на пункты для голосования, чтобы решить будущее региона. Окончательные результаты референдума стали известны к утру следующего дня: более 55% проголосовавших высказались против того, чтобы Шотландия стала независимым государством. Несмотря на всю масштабную работу, проделанную ШНП и ее единомышленниками на протяжении нескольких лет перед референдумом,

большая часть населения Шотландии все же отказалась поддержать идею суверенитета.

Тем не менее результаты голосования не означали прекращения дискуссии по вопросу статуса Шотландии. Вопреки изначальным рассуждениям о том, что победа сторонников единства позволит как минимум на одно поколение убрать данную проблему с повестки дня, этого не произошло. С одной стороны, «юнионистские» партии должны были выполнять свое преферендумное обещание о существенном расширении властных полномочий Шотландского парламента, что сделало невозможным простое сохранение текущего статус-кво. С другой стороны, за время кампании националистам удалось существенно нарастить уровень общественной поддержки идей независимости. Это позволило им заявить о возможности проведения повторного референдума о независимости в обозримом будущем [28]. И хотя дальнейшее развитие политической дискуссии о будущем Шотландии выходит за рамки данной статьи, можно с уверенностью утверждать, что референдуму не удалось поставить точку в этом вопросе.

Заключение

В 2011–2014 гг. развитие внутривнутриполитической борьбы по вопросу статуса Шотландии во многом определялось подготовкой к референдуму о независимости региона. Его проведение стало возможным после убедительной победы на региональных выборах 2011 г. Шотландской национальной партии, которая обещала вынести вопрос статуса Шотландии на народное голосование. Официальный Лондон не оспаривал проведение референдума, но стремился гарантировать выгодные для себя условия его организации. В Эдинбургском соглашении 2012 г. стороны в итоге достигли компромисса. Британское правительство добилось вынесения на референдум только одного вопроса, а националисты отстояли предпочтительную для них дату голосования.

В процессе подготовки к референдуму сформировались два альтернативных лагеря по вопросу будущего региона. Первый из них объединил «юнионистские» силы, которые отстаивали сохранение единства Соединенного Королевства. Представители второго лагеря продвигали идею независимости Шотландии. При этом оба лагеря стремились избегать крайностей в своей агитации и пытались предложить некий «средний путь» между полной независимостью и сохранением статус-кво.

Каждая из «юнионистских» партий разработала собственный план расширения автономии региона, а ШНП заявила о желании сохранить монархический и валютный союз с Великобританией в случае благоприятного для себя исхода голосования.

Результаты референдума оставили открытым вопрос о дальнейшем будущем региона. С одной стороны, «юнионисты» убедили большинство шотландцев проголосовать против независимости. С другой стороны, за время кампании националистам удалось значительно нарастить популярность идеи независимости, а их оппоненты были вынуждены гарантировать передачу новых полномочий Холируду. Готовность всех политических сил расширять самоуправление Шотландии и нерешенность проблемы ее статуса даже после референдума стали главными итогами внутриполитической борьбы в регионе в рассматриваемый период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Sturgeon says second independence vote 'a matter of when, not if' [Electronic resource] // The Guardian. – 09.05.2021. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2021/may/09/scottish-indyref2-battle-distraction-covid-michael-gove>>. – Date of access: 30.05.2021.
2. Keating, M. (ed.) Debating Scotland: issues of independence and union in the 2014 referendum / M. Keating. – Oxford, 2017. – 226 p.
3. McHarg, A. (ed.) The Scottish independence referendum: constitutional and political implications / A. McHarg. – Oxford, 2016. – 360 p.
4. Lynch, P. (ed.) Scottish political parties and the 2014 independence referendum / P. Lynch. – Cardiff, 2014. – 162 p.
5. Андреева, Т. Н. Внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы независимости Шотландии / Т. Н. Андреева // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 6. – С. 65–74.
6. Фадеева, И. А. Экономические последствия независимости Шотландии / И. А. Фадеева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Том 8. № 2А. – С. 166–174.
7. Devolution in Scotland / I. White, J. Yonwin. – London: House of Commons Library Standard Note, 2004. – 17 p.
8. Re-elect: a Scottish Government Working for Scotland – Scottish National Party Manifesto 2011 [Electronic resource] // Land Matters. – Mode of access: <http://www.andyweightman.com/docs/SNP_Manifesto_2011.pdf>. – Date of access: 30.05.2021.
9. Scottish independence: Cameron gives green light to referendum [Electronic resource] // The Guardian. – 08.05.2011. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2011/may/08/scottish-independence-cameron>>.

www.theguardian.com/politics/2011/may/08/cameron-green-light-scottish-referendum>. – Date of access: 30.05.2021.

10. **Phillips, D. (eds.)** British Social Attitudes: The 35th Report. / D. Phillips, J. Curtice, M. Phillips and J. Perry. – London : The National Centre for Social Research, 2018. – 249 p.

11. Scotland independence vote could contain ‘financial autonomy’ option [Electronic resource] // The Guardian. – 08.05.2011. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2011/may/08/scotland-independence-vote-financial-autonomy>>. – Date of access: 30.05.2021.

12. Scotland’s constitutional future. A consultation on facilitating a legal, fair and decisive referendum on whether Scotland should leave the United Kingdom [Electronic resource] // The UK Government. – 08.01.2012. – Mode of access: <https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/39248/Scotlands_Constitutional_Future.pdf>. – Date of access: 30.05.2021.

13. Agreement between the United Kingdom Government and the Scottish Government on a referendum on independence for Scotland [Electronic resource] // The Scottish Government. – 15.10.2012. – Mode of access: <<https://www.webarchive.org.uk/wayback/archive/3000/https://www.gov.scot/Resource/0040/00404789.pdf>>. – Date of access: 30.05.2021.

14. Scottish independence: MSPs pass Scottish referendum bill [Electronic resource] // The BBC. – 14.11.2013. – Mode of access: <<https://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-24918757>>. – Date of access: 30.05.2021.

15. Report of the Commission on the Future Governance of Scotland [Electronic resource] // The Scottish Conservatives. – 25.05.2014. – Mode of access: <https://www.scottishconservatives.com/wordpress/wp-content/uploads/2014/06/Strathclyde_Commission_14.pdf>. – Date of access: 30.05.2021.

16. Federalism: the best future for Scotland [Electronic resource] // The Scottish Liberal Democrats. – 15.10.2012. – Mode of access: <<https://d3n8a8pro7vnmx.cloudfront.net/no2nuisancecalls/pages/14466/attachments/original/1612261066/FederalismBestFuture.pdf?1612261066>>. – Date of access: 30.05.2021.

17. Scottish Labour to ‘energise devolution’ if Scotland says no to independence [Electronic resource] // The Guardian. – 18.03.2014. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2014/mar/18/labour-promises-energise-devolution-scotland-independence>>. – Date of access: 30.05.2021.

18. Scotland Future – Your Guide to Independence [Electronic resource] // The Scottish Government. – 26.01.2013. – Mode of access: <<https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/strategy-plan/2013/11/scotlands-future/documents/scotlands-future-guide-independent-scotland/scotlands-future-guide-independent-scotland/govscot%3Adocument/00439021.pdf>>. – Date of access: 30.05.2021.

19. Independent Scotland: Treasury warns of ‘unbridgeable challenges’ over pound [Electronic resource] // The Guardian. – 13.02.2014. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2014/feb/12/uk-parties-rule-out-currency-union-scotland>>. – Date of access: 30.05.2021.

20. Independent Scotland would use pound ‘come what may’, says Alex Salmond [Electronic resource] // The Guardian. – 10.08.2014. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2014/aug/10/alex-salmond-insists-independent-scotland-would-use-pound>>. – Date of access: 30.05.2021.

21. Scotland could join EU 18 months after independence vote, says Sturgeon [Electronic resource] // The Guardian. – 17.02.2014. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/global/2014/feb/17/scotland-independence-sturgeon-united-kingdom-eu>>. – Date of access: 30.05.2021.

22. Independent Scotland could get special EU deal, says Foreign Office [Electronic resource] // The Guardian. – 17.01.2014. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2014/jan/17/independent-scotland-special-eu-deal-uk>>. – Date of access: 30.05.2021.

23. Independent Scotland ‘would find it extremely difficult to join EU’ [Electronic resource] // The Guardian. – 16.02.2014. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2014/feb/16/independent-scotland-extremely-difficult-join-eu>>. – Date of access: 30.05.2021.

24. Nato rejects Alex Salmond claim over Scottish membership [Electronic resource] // The Guardian. – 10.04.2013. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2013/apr/10/nato-alex-salmond-scottish-membership>>. – Date of access: 30.05.2021.

25. **Curtice, J.** How the SNP could win the independence referendum / J. Curtice // *Juncture*. – 2014. – № 20.4. – P. 303–307.

26. Scottish independence: TNS poll finds single point separates yes and no [Electronic resource] // The Guardian. – 09.09.2014. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2014/sep/09/scottish-independence-tns-poll-1-per-cent-gap-yes-no>>. – Date of access: 30.05.2021.

27. Scottish referendum: UK parties fast-track new tax and welfare powers [Electronic resource] // The Guardian. – 09.09.2014. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2014/sep/09/scottish-referendum-tax-welfare-powers>>. – Date of access: 30.05.2021.

28. SNP: Scotland could demand another independence vote if UK leaves EU [Electronic resource] // The Guardian. – 14.11.2014. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/politics/2014/nov/14/scotland-demand-independence-vote-uk-leaves-eu-snp-nicola-sturgeon>>. – Date of access: 30.05.2021.

Поступила в редакцію 16.08.2021 г.
Контакты: i.kurs999@gmail.com
(Курс Игорь Леонидович)

Kurs I. L. INTERNAL POLITICAL STRUGGLE FOR SCOTLAND'S STATUS IN 2011–2014.

The article examines the course of the internal political struggle for the status of Scotland in the context of the Scottish independence referendum. It is stated that the referendum conditions represented a compromise between the UK and Scottish governments. During the pre-referendum campaign, two camps emerged: the first camp advocated leaving the United Kingdom, the

second one insisted on the need to preserve the Union. At the same time, both camps sought to offer a middle option between full independence and the existing arrangement. It is concluded that the referendum did not help to resolve the problem of the status of Scotland.

Keywords: Scotland, referendum, independence, internal political struggle.

УДК 902.656(476)

ВЫНІКІ РАДЫЕВУГЛЯРОДНАГА ДАТАВАННЯ ПМНІКАЎ КАМЕННАГА ВЕКУ БЕЛАРУСКАГА ПАСОЖЖА¹

А. У. Коласаў

кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дактарант
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

Артыкул прапануе крытычны агляд радыевугляродных дат, атрыманых на помніках каменнага веку Беларускага Пасожжа – стаянках Вусце-2, Дзедня, Каменка-5, Паклады-2, Стары Дзедзін-4 і Чорнае-1. Храналагічныя межы работы ахопліваюць перыяд ад 9100 да 2000 калібраваных гадоў да н. э.

Ключавыя словы: каменны век, Беларускае Пасожжа, радыевугляроднае датаванне, фінальны палеаліт, мезаліт, неаліт.

Уводзіны

Шматгадовае вывучэнне помнікаў каменнага веку ў Беларускім Пасожжы дазволіла стварыць прадстаўнічую базу крыніц, распрацаваць схемы культурнага развіцця ад верхняга палеаліту да неаліту ўключна. Аднак ужо ў 1990-я гг. погляды на генезіс і храналагію асобных культур эпохі каменю сталі паступова ўваходзіць у супярэчнасць з тымі данымі, якія былі назапашаны ў суседніх з Пасожжам рэгіёнах. Удакладненню падлягалі крытэрыі культурнай і храналагічнай ідэнтыфікацыі крыніц, магчымасць іх выкарыстання ў вырашэнні праблем дынамікі культур каменнага веку.

Раскопкі помнікаў у пачатку 2000-х гг., крыніцазнаўчая ацэнка сабраных матэрыялаў, заснаваная на іх крытычным аналізе, дазволілі вылучыць новыя культурныя з’явы, абгрунтаваць полікультурную мадэль асваення Пасожжа ў фінальным палеаліце і мезаліце, паставіць пытанне пра характар узаемаадносін старажытнага насельніцтва, што знайшло сваё адлюстраванне ў абагульняючых працах аўтара дадзенага артыкула [1–3].

¹ Работа выканана ў межах НДР “Мезаліт міжрэчча Дняпра і Сажа: лакальны адметнасці, храналагія і перыядызацыя помнікаў” (№ дзяржрэгістрацыі 20211472) падпраграмы “Гісторыя” дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы” на 2021–2025 гг., а таксама гранта NCN, Late Paleolithic settlement dynamics in the western part of North Subcarpathia (UMO-2015/17/N/HS3/00158), з дапамогай якога польскім даследчыкам Д. Стэфаньскім былі зроблены AMS датыроўкі.

© Коласаў А. У., 2022

Адкрыццё і дасканаласць вывучэнне на стаянках розных па функцыянальнаму прызначэнню структур існавання (жытлаў, вогнішчаў, ям, месцаў апрацоўкі крэменю і г. д.) далі магчымасць скласці ўяўленні аб гаспадарчай дзейнасці чалавека эпохі каменю і ўдакладніць узрост некаторых помнікаў. У 2016–2017 гг. для асобных помнікаў каменнага веку Беларускага Пасожжа ўдалося атрымаць серыю радыевугляродных дат. Асноўная іх частка была зроблена па ўзорам драўнянага вугалю і глебы, насычанай вугаллем, адабраных у час вывучэння аб’ектаў гаспадарча-бытавага прызначэння – вогнішчаў, жыллёвай пляцоўкі (гл. табліцу). У вызначэнні дат выкарыстоўвалася як традыцыйная метадыка радыевугляроднага аналізу, заснаваная на газавай і вадкаснай сцынцыляцыі², так і больш надзейны метады ізатопнай мас-спектраметрыі (AMS метады)³, які дазволіў верыфікаваць даты для некаторых помнікаў.

Мэтай артыкула з’яўляецца крытычны агляд радыевугляродных дат, атрыманых у выніку вывучэння аўтарам помнікаў каменнага веку Беларускага Пасожжа, у прыватнасці, на тэрыторыі Магілёўскай вобласці. Размова пойдзе аб датах, вызначаных для стаянак Вусце-2, Дзедня, Каменка-5, Паклады-2, Стары Дзедзін-4 і Чорнае-1 (мал. 1). Храналагічныя межы прапануемага агляду ўключаюць перыяд ад 9100 да 2000 калібраваных гадоў да н. э.

Асноўная частка

Найбольш раннія даты адносяцца да перадбарэальнага часу і храналагічна стасуюцца з раннім мезалітам. Выключна важнае месца сярод датаваных помнікаў гэтага часу займае стаянка Дзедня. Яна размешчана на правым беразе р. Кашанка (левы прыток р. Проня), за 0,75 км на паўднёвы захад ад в. Дзедня Чавускага раёна Магілёўскай вобласці. Помнік вядомы з 1991 г., дзякуючы працам В. Ф. Капыціна [4]. Ім жа на працягу 1992–1993 гг. былі праведзены першыя раскопкі, якія дазволілі аднесці стаянку да позняга мезаліту і звязаць яе з бутаўскай культурай [4, с. 7].

Далейшае вывучэнне паселішча аўтарам артыкула ў 2006–2007, 2009 гг., параўнальны аналіз атрыманай калекцыі з помнікамі бутаўскай культуры міжрэчча Волгі і Акі, кунд-

² Гэты метады быў выкарыстаны ў філіяле “Цэнтральная лабараторыя” дзяржпрадпрыемства “НПЦ па геалогіі” (г. Мінск).

³ Даты з дапамогай AMS метады былі атрыманы ў лабараторыі г. Познань (Польшча).

скай культуры Усходняй Прыбалтыкі, культуры Верацце на ўсходзе Прыанежжа дазволілі датаваць стаянку Дзедню другой паловай VIII тыс. да н. э. і выказаць думку пра сувязь помніка з тэхнакомплексамі ранняга мезаліту тыпу Пулі [3, с. 25; 5].

Адносная храналогія стаянкі Дзедня пацвердзілася радыевугляроднымі датамі, атрыманымі па ўзорам вугалю з жыллёвай пляцоўкі. Аднак першыя дзве даты – 11370±300 BP (11898–10747 cal BC) (IGS-1698) і 9190±245 BP (9177–7753 cal BC) (IGS-

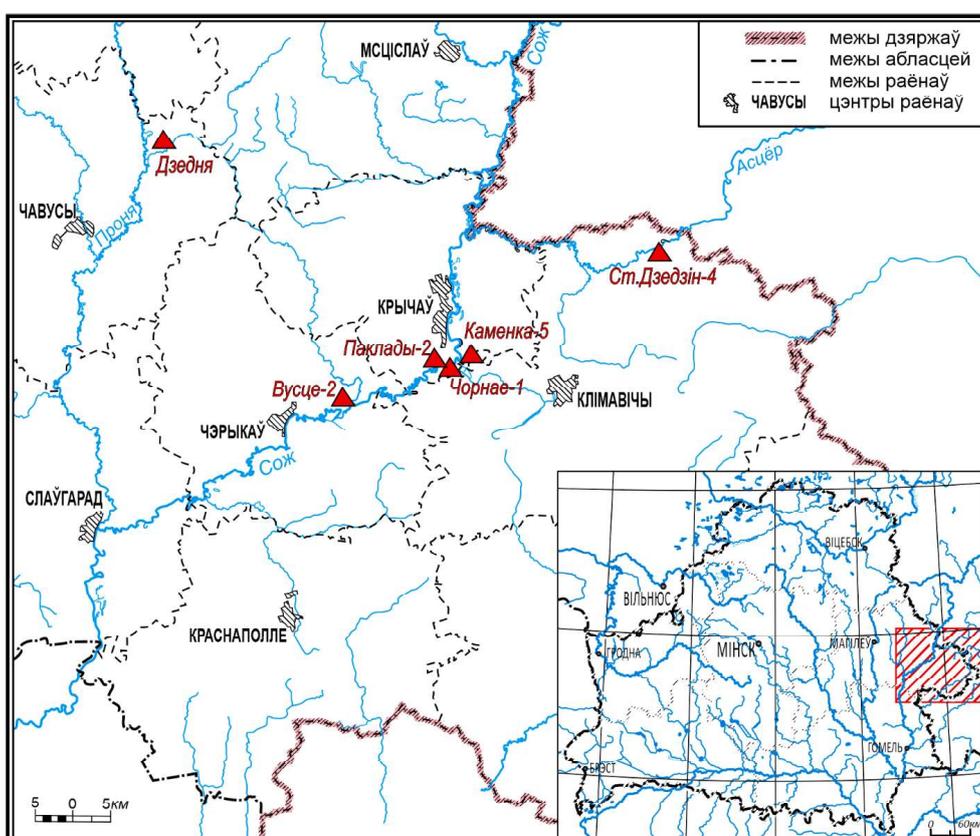
1699), зробленыя па канвенцыйнай методыцы ў 2016 г., не стасоўваліся паміж сабой. Іх калібраваныя інтэрвалы не перасякаліся. Першая дата, як бачым, адносіла стаянку да аляроду (позналедавіковы час), другая – да другой паловы перадбарэалу – пачатку барэалу (ранні галацэн). Такім чынам, часовы інтэрвал паміж гэтымі датамі складаў больш чым у дзве тысячы гадоў, але галацэнавая дата адпавядала нашаму меркаванню адносна раннемезалітычнага ўзросту помніка.

Радыевугляродныя даты помнікаў каменнага веку Пасожжа

№ п/п	14C узрост (BP)	Інтэрвал калібраванага ўзросту на 2σ (cal BC)	Лабораторны індэкс (Lab-index)	Датуемы матэрыял	Лакалізацыя і глыбіня фіксацыі ўзору
ВУСЦЕ-2 (Чэрыкаўскі раён, Магілёўская вобласць)					
1	7830±330	7600–6000	IGS-1700	Глеба, вугаль	Вогнішча адкрытага тыпу (аб'ект № 4), раскопкі 2007 г. (гл. –0,64 м)
ДЗЕДНЯ (Чавускі раён, Магілёўская вобласць)					
2	11370±300	11898–10747	IGS-1698	Вугаль	Жыллёвая пляцоўка, раскопкі 2007 г. (гл. –0,53 м)
3	9190±245	9177–7753	IGS-1699	Вугаль	Жыллёвая пляцоўка, раскопкі 2007 г. (гл. –0,54 м)
4	9380±50	8785–8494	Poz-89285	Вугаль	Жыллёвая пляцоўка, раскопкі 2007 г. (гл. –0,53 м)
5	9470±50	9121–8625	Poz-89283	Вугаль	Жыллёвая пляцоўка, раскопкі 2007 г. (гл. –0,53 м)
6	9480±50	9121–8633	Poz-89284	Вугаль	Жыллёвая пляцоўка, раскопкі 2007 г. (гл. –0,53 м)
КАМЕНКА-5 (Крычаўскі раён, Магілёўская вобласць)					
7	9210±140	8820–7985	IGS-1809	Вугаль	Авальнай формы аб'ект № 6 (яма, прызначэнне не ўстаноўлена), раскопкі 2010 г. (гл. –0,65 м)
8	6300±200	5650–5040	IGS-1701	Глеба, вугаль	Вогнішча адкрытага тыпу (аб'ект № 5), раскопкі 2010 г. (гл. –0,46 м)
9	6560±110	5675–5310	IGS-1810	Глеба, вугаль	Вогнішча адкрытага тыпу с каменнай абкладкай (аб'ект № 1), раскопкі 2009 г. (гл. –0,52 м)
ПАКЛАДЫ-2 (Крычаўскі раён, Магілёўская вобласць)					
10	9500±50	9130–8630	Poz-98442	Глеба, вугаль	Вогнішча адкрытага тыпу, раскопкі 2004 г. (гл. –0,78 м)
11	9450±50	9150–8600	Poz-101786	Глеба, вугаль	Рэшткі слупа, раскопкі 2004 г. (гл. –0,48 м)

Канец табліцы

№ п/п	14C узрост (BP)	Інтэрвал калібраванага ўзросту па 2σ (cal BC)	Лабараторны індэкс (Lab-index)	Датуемы матэрыял	Лакалізацыя і глыбіня фіксацыі ўзору
СТАРЫ ДЗЕДЗІН-4 (Клімавіцкі раён, Магілёўская вобласць)					
12	9395±140	9140–8320	IGS-1808	Вугаль	Вогнішча адкрытага тыпу с каменнай абкладкай, раскопкі 2010 г. (гл. –0,48 м)
ЧОРНАЕ-1 (Крычаўскі раён, Магілёўская вобласць)					
13	3840±100	2570–2020	IGS-1811	Глеба, вугаль	Вогнішча адкрытага тыпу, раскопкі 2011 г. (гл. –0,52 м)

Карта помнікаў каменнага веку Беларускага Пасожжа, на якіх атрыманы радыевугляродныя даты

Супярэчнасць паміж гэтымі датамі знялі AMS датыроўкі, атрыманыя ў 2017 г. у лабараторыі Познані: 9380±50 BP (8785–8494 cal BC) (Poz-89285), 9470±50 BP (9121–8625 cal BC) (Poz-89283), 9480±50 BP (9121–8633 cal BC) (Poz-89284) [6]. Яны паказалі памылковасць плейстацэнавай даты стаянкі Дзедня і пацвердзілі яе раннегалацэнавы ўзрост, які прыходзіцца на інтэрвал

9100–8500 cal BC, а больш дакладна – каля 8800–8600 cal BC.

Перадбарэальныя даты атрыманы для стаянкі Паклады-2, якая знаходзіцца на правым беразе р. Сож, за 1,3 км на паўднёвы захад ад в. Паклады Крычаўскага раёна Магілёўскай вобласці. У выніку раскопак, праведзеных аўтарам у 2004 г., атрымана нешматлікая калекцыя знаходак (874 адз.), якая дазволіла аднесці помнік

да грэнскай культуры і папярэдне датаваць яго фінальным палеалітам – раннім мезалітам [7, с. 25]. У 2017 г. у Познані па ўзорам з вогнішча і рэшткаў слупа стаянкі Паклады-2 былі атрыманы дзве раннегалацэнавыя даты: 9500 ± 50 BP ($9130-8630$ cal BC) (Poz-98442) і 9450 ± 50 BP ($9150-8600$ cal BC) (Poz-101786) [4].

Важнасць атрыманых дат падкрэсліваецца не толькі тым, што для помнікаў грэнскай культуры Пасожжа яны атрыманы ўпершыню. Погляды на генезіс і храналогію грэнскай культуры ў цэлым застаюцца ў вобласці дыскусій. Раннегалацэнавы ўзрост стаянкі Паклады-2 дазваляе паставіць пытанне аб магчымых лакальных адрозненнях паміж грэнскай культурай Верхняга Падняпроўя, іенеўскай культурай Волга-Оксага міжрэчча і пячоннароўскай культурай Дзяснінскага басейна.

Складаная сітуацыя існуе адносна інтэрпрэтацыі матэрыялаў стаянкі Каменка-5. Помнік размешчаны на левым беразе р. Сож, за 2 км на паўднёвы захад ад в. Каменка Крыжаўскага раёна Магілёўскай вобласці. Раскопкі помніка аўтарам артыкула ў 2009–2010 гг., нягледзячы на дастаткова прадстаўнічы комплекс знаходак (больш за 11 тыс. адз.) і даследавання рэшткі розных па функцыянальнаму прызначэнню аб'ектаў (вогнішчаў, пабудовы з “тамбурам”, ям), не дазволілі вызначыць храналогію і культурную прыналежнасць сабраных матэрыялаў. Асабліва гэта тычылася ідэнтыфікацыі крамянёвага інвентару, своеасаблівае якое складана знайсці нават сярод помнікаў Пасожжа.

Па тэхніка-марфалагічным прыкметам на стаянцы Каменка-5 можна вызначыць два асноўных тэхнакомплексу. Калі адзін з іх (неалітычны) добра вылучаецца сярод асноўнай масы крамянёвых знаходак [3, с. 34–44], то падабенства другога можна знайсці ў розных культурах фінальнага палеаліту – мезаліту. Гэта значыць, што стаянка Каменка-5 адносіцца да ліку помнікаў са змешаным комплексам.

Між іншым выключаць факт гамагеннасці ранніх матэрыялаў таксама нельга, аб чым сведчаць знаходкі пласціністых наканечнікаў з бакавой выемкай і вылучаным чаранком, вастрыяй, пласцін і мікраплацін з прытупленым бокам, пласцін і мікраплацін з прытупленым бокам і канцом, пласцін са скошаным канцом, асіметрычнай трапецыі і трапецападобнага вастрыя.

Пласціністыя наканечнікі з бакавой выемкай маюць падабенства з тыпам А наканечнікаў расецінскай культуры. Помнікі з такімі наканечнікамі датуецца А.М. Сарокіным у межах фінальнага палеаліту (позні дрыяс) і

ранняга мезаліту (пачатак перадбарэалу) [8, с. 161–168]. Наканечнікі з бакавой выемкай і без плоскага рэтушавання вядомы ў матэрыялах кундскай культуры і датуецца перадбарэальным часам [9, с. 37–42].

Для еўрапейскага мезаліту шырокае распаўсюджванне ў комплексах асіметрычных трапецыяў і трапецападобных вастрыяў з'яўляецца не колькі культурным, а храналагічным паказчыкам. Серыйнасць такіх мікралітаў вызначае спецыфіку позна- і фінальнамезалітычных комплексаў [10; 11]. На стаянцы Каменка-5 знойдзены пакуль толькі адзінкавыя іх формы, таму зразумець, наколькі крамянёвую індустрыю помніка можна датаваць познім мезалітам, вельмі складана. Такія вастрыя і трапецыі таксама сустракаюцца на стаянках ранняга мезаліту іенеўскай і бугаўскай культур Волга-Оксага міжрэчча [8; 12; 13].

Розначасовы характар матэрыялаў стаянкі Каменка-5 даказваецца вынікамі радыевугляроднага датавання. Па ўзорам глебы і вуголля з дзвух вогнішчаў атрыманы даты: 6560 ± 110 BP ($5675-5310$ cal BC) (IGS-1701) і 6300 ± 200 BP ($5650-5040$ cal BC) (IGS-1701). У межах аднаго з вогнішчаў сустракаецца неалітычная кераміка [3, с. 34]. На стаянцы Каменка-5 па драўнянаму вугалю з авальнай ямы (аб'ект № 6) была вызначана і больш ранняя дата – 9210 ± 140 BP ($8820-7985$ cal BC) (IGS-1809).

На правым беразе р. Сож, за 1,2 км на паўднёвы захад ад в. Вусце Чэрыкаўскага раёна Магілёўскай вобласці, у 2005–2007 гг. намі праводзіліся раскопкі стаянкі Вусце-2 [1, с. 27–37]. Аналіз матэрыялаў помніка дазволіў вылучыць некалькі эпизодаў яго засялення. Ранні і асноўны комплекс знаходак папярэдне датаваны намі познамезалітычным часам, у межах VII–VI тыс. да н. э. Вылучаны таксама дамешкі матэрыялаў эпохі неаліту (асобныя прылады з крэменю) і бронзавага веку (крэмень і кераміка). На плошчы помніка даследаваны чатыры ямы і вогнішча, вакол якое назіралася высокая канцэнтрацыя апрацаванага крэменю. Па вугалю з запаўнення вогнішча была атрымана дата – 7830 ± 330 BP ($7600-6000$ cal BC) (IGS-1700), што адпавядае прапанаванаму раней адноснаму ўзросту помніка.

На працягу 2006, 2010 і 2012 гг. намі стаянчарна даследавалася стаянка Стары Дзедзін-4, якая знаходзіцца на левым беразе р. Аспёр (левы прыток р. Сож), за 1,2 км на ўсход ад в. Стары Дзедзін Клімавіцкага раёна Магілёўскай вобласці [3, с. 45–55]. У

ходзе раскопак была сабрана выразная калекцыя знаходак (вырабы з крэменю, фрагменты ляпнога посуду), якая дазволіла датаваць паселішча эпохай неаліту і аднесці яго да позняга этапу верхнедняпроўскай культуры (другая палова III – пачатак II тыс. да н. э.) [3, с. 45–55]. Аналіз керамічных матэрыялаў, які быў праведзены М.І. Ткачовай [14], дазволіў таксама прасачыць на помніку бачныя паўднёвыя ўплывы з боку днепра-данецкай культуры і культурныя імпульсы з Дзяснінскага басейна. На плошчы Старога Дзедзіна зафіксаваны матэрыялы сярэднядняпроўскай культуры эпохі бронзы.

Наяўнасць у крамянёвым інвентары Старога Дзедзіна серыі пласцін з рэгулярнай агранкай, асобныя з якіх маюць рэтуш па краі, укладшыся з сячэння такіх пласцін, мікрапласцін з прытупленым бокам, высокіх і сярэдневысокіх трапецый дазволіла нам паставіць пытанне аб прысутнасці на помніку мезалітычнага кантэкста знаходак [3, с. 45–55]. Аднак трэба разумець, што праблема апрацоўкі крэменю ў неаліце Пасожжа ўвогуле распрацавана слаба і такі комплекс знаходак можа з’яўляцца прыкладам развіцця неалітычнай (раннеалітычнай?) індустрыі.

Не вырашае пытанне аб прысутнасці розначасовых матэрыялаў і зробленае для стаянкі Стары Дзедзін-4 радыевугляроднае датаванне. Па вугалю з вогнішча, якое мела каменную абкладку, атрымана раннегалацэнавая дата – 9395 ± 140 BP ($9140-8320$ cal BC) (IGS-1808). Верагоднасць памылкі гэтага датавання вялікая. Такой канструкцыі вогнішча таксама было вывучана на стаянцы Каменка-5, але там яно датавана сярэдзінай атлантычнага перыяду. Гэта нагадвае вышэйадзначаную сітуацыю з канвенцыйнымі і нестасаванымі паміж сабой датамі з Дзедні, што патрабуе рэвізіі вынікаў датавання стаянкі Стары Дзедзін-4 больш надзейнымі метадамі.

Эпохай неаліту датаваны матэрыялы стаянкі-1 на возеры Чорнае, якое знаходзіцца на мяжы Клімавіцкага і Крычаўскага раёнаў Магілёўскай вобласці. Аналіз калекцыі знаходак, атрыманай ў выніку раскопак 2011 г., дазволіў разглядаць помнік як рэшткі сезоннага паселішча верхнедняпроўскай культуры другой паловы IV – першай паловы III тыс. да н.э. [15, с. 42]. Па ўзоры з запаўнення вогнішча была атрымана дата 3840 ± 100 BP ($2570-2020$ cal BC) (IGS-1700). Яна разыходзіцца з адноснай храналагіяй помніка і робіць некалькі познім час яго існавання.

Аналагічная сітуацыя назіраецца адносна датавання неалітычнай керамікі стаянкі Гронаў-3 (Курганне), што знаходзіцца ў Чэрыкаўскім раёне Магілёўскай вобласці. Атрыманья М. І. Ткачовай і М. А. Кульковай радыевугляродныя даты не ўкладаюцца ў прынятую для неаліту Пасожжа схему перыядызацыі помнікаў [16]. Сярод аб’ектыўных прычын даследчыцы называюць не толькі характар выкарыстаных узораў, іх чысціню адносна датавання, але і магчымае “памылковае ўяўленне аб працэсах, якія мелі месца ў неаліце ў вывучаемым рэгіёне” [16, с. 299], з чым нельга не пагадзіцца. Для неаліту Беларускага Пасожжа даўно наспела праблема рэвізіі і пераасэнсавання існуючай крыніцазнаўчай базы.

Сярод матэрыялаў стаянкі Чорнае-1 зафіксаваны больш ранні, чым неалітычны, кантэкст знаходак. Пры вывучэнні рэшткаў вогнішча на глыбіні 0,82 м ад узроўню дзённай паверхні быў знойдзены чаранковы накіраваны стралы (тып Хінтэрзее), які ўласцівы для тэхнакомплексаў фінальнага палеаліту – ранняга мезаліту. Верагодна, гэтым часам можа датавацца знаходка масіўнай асіметрычнай трапецый. Падобныя мікраліты сустракаюцца ў матэрыялах постарэнсбургскіх культур Скандынавіі (Фосна, Комса), на помніках пясочнароўскай культуры басейна Дзясны [17, с. 44–51] і іенеўскай культуры міжрэчча Волгі і Акі [8, с. 168–176; 9, с. 68–84].

Заклучэнне

На падставе атрыманых радыевугляродных дат можна ўпэўнена канстатаваць раннегалацэнавы ўзрост стаянкі Дзедня, які стасуецца з археалагічным матэрыялам. Існаванне помніка не выходзіць за межы другой паловы перадбарэальнага – пачатку барэальнага перыядаў. Гэтым часам умоўна можна датаваць стаянку грэнскай культуры Паклады-2 з улікам малалікасіі атрыманай на помніку калекцыі знаходак.

Раннеатлантычны ўзрост пацверджаны для мезалітычнага кантэксту знаходак стаянкі Вусце-2. Аднак адзінкавая дата для помніка, у калекцыі якога прысутнічаюць розначасовыя дамешкі (неаліт, бронзавы век), таксама робіць умоўным выказанае меркаванне аб пазнамезалітычным узросце, пакуль не з’явіцца надзейныя матэрыялы.

Шырокі храналагічны дыяпазон радыевугляродных дат для стаянкі Каменка-5 пакідае адкрытым пытанне аб ўзросце помніка. Вылучаны намі ранні комплекс знаходак, пры адсутнасці пэўных культурных аналогій, скла-

дана суаднесці з атрыманай для аб'екта № 6 раннегалацэнавай датай.

Асцярожных высноў патрабуюць даты, зробленыя з дапамогай традыцыйнай методыкі. Памылковасць некаторых з іх, як гэта назіраецца на прыкладзе стаянкі Дзедня, можа тлумачыцца забруджанасцю саміх узораў.

Наяўнасць адзінкавых дат для некаторых помнікаў (Вусце-2, Стары Дзедзін-4, Чорнае-1) патрабуе правядзення дадатковых даследаванняў, верыфікацыі і карэляцыі атрыманых дат з археалагічным матэрыялам, як гэта было зроблена для мезалітычнай стаянкі Дзедні.

Трэба разумець, што атрыманыя на сучасным этапе даследаванняў радыевугляродныя даты фіксуюць падзеі пэўнага прамежку часу і таму з назапашваннем даных могуць быць выкарыстаны для стварэння абагульняючых храналагічных канструкцый у межах пэўнай культурнай з'явы ці асобнага перыяду каменнага веку. Важнасць і неабходнасць распрацоўкі абсалютнай храналогіі для каменнага веку Беларускага Пасожжа не выклікае сумненняў, тым больш што радыевугляродныя даты для помнікаў гэтага часу тут атрыманы ўпершыню.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Колосов, А. В.** Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиций 2002–2008 гг.) / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2009. – 200 с. : ил.
2. **Колосов, А. В.** Финальный палеолит и мезолит Посожья / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с. : ил.
3. **Колосов, А. В.** Каменный век Могилевского Посожья: открытия, исследования, результаты 2009–2015 гг. / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 152 с. : ил.
4. **Копытин, В. Ф.** Дедня – новый памятник мезолита в бассейне реки Проня / В. Ф. Копытин // Гістарычныя лэсы Верхняга Падняпроўя : у 2 ч. – Могилёў, 1995. - Ч. 1 : Археалогія. – С. 3–13.
5. **Колосов, А. В.** Мезолитическая стоянка Дедня / А. В. Колосов // Acta Archeologica Albaruthenica. – Минск, 2008. – Vol. III. – С. 42–66.
6. **Asheichyk, V.** Radiocarbon chronology for the Early Mesolithic Pulli-type industry in the Eastern Europe: New evidences from the Dziednia site, Eastern Belarus / V. Asheichyk, A. Kolasau, M. Žemantauskaitė // Understanding Lithic Technologies : book of abstracts XIV Warsztaty Krzemieniarskie SKAM, Warszawa, 26–28.10.2017 ; Instytut Archeologii i Etnologii PAN, Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. – Warszawa : IAE PAN, 2017. – P. 21–24.
7. **Колосов, А. В.** Мезолитическая стоянка Поклады-2 в Кричевском Посожье / А. В. Колосов //

Гістарычна-археалагічны зборнік : зб. навук. прац / ІГ НАНБ. – Мінск, 2005. – № 20. – С. 16–25.

8. **Сорокин, А. Н.** На переломе эпох / А. Н. Сорокин, С. В. Ошибкина, А. В. Трусов. – М. : Гриф и К, 2009. – 387 с.

9. **Сорокин, А. Н.** Проблемы мезолитоведения. The Mesolithic Problems / А. Н. Сорокин. – М. : Гриф и К, 2006. – 216 с.

10. **Кольцов, Л. В.** Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики / Л. В. Кольцов. – М. : Наука, 1977. – 216 с.

11. **Galinski, T.** Mezolit Europy / T. Galinski. – Szczecin : Muzeum Narodowe w Szczecinie, 1997. – 259 s.

12. **Сорокин, А. Н.** Бутовская мезолитическая культура / А. Н. Сорокин. – М. : ИА АН СССР, 1990. – 220 с.

13. **Кольцов, Л. В.** Мезолит Волго-Окского междуречья: памятники бутовской культуры / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. – М. : Наука, 1999. – 155 с.

14. **Ткачева, М. И.** Керамический комплекс эпохи неолита памятника Старый Дедин 4 / М. И. Ткачева // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных : тезисы Международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г. – Санкт-Петербург : ИИМК РАН, 2016. – С. 108–110.

15. **Колосов, А. В.** Черное-1 – новая стоянка эпохи неолита в бассейне р. Сож / А. В. Колосов // Научные стремления : молодежный сб. науч. статей ; ООО “Лаборатория интеллекта” и Центр молодежных инноваций. – Вып. 9. – Минск : Энциклопедикс, 2014. – С. 33–44.

16. **Ткачева, М. И.** Радиоуглеродные датировки п. Гронов 3 (бассейн р. Сож) / М. И. Ткачева, М. А. Кулькова // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. : кол. моногр. / сост.: Г. И. Зайцева [и др.]. – Смоленск : Свиток, 2016. – С. 297–309.

17. **Залізняк, Л. Л.** Фінальны палеоліт і мезоліт кантынентальнай Украіны. Культурны паділ та перыядызацыя / Л. Л. Залізняк // Кам'яна доба Украіны. – Київ : Наукова думка, 2005. – Вип. 8. – 184 с.

Паступіў у рэдакцыю 21.05.2021 г.

Кантакты: kolosov_arc@mail.ru

(Коласаў Аляксандр Уладзіміравіч)

Kolasau A. U. THE RESULTS OF RADIO-CARBON DATING OF THE STONE AGE MONUMENTS OF THE BELARUSIAN SOZH BASIN.

The article offers a critical review of radiocarbon dates obtained at the Stone Age sites in the Belarusian Sozh basin (Ustye-2, Dednya, Kamenka-5, Poklady-2, Stary Dedin-4 and Chyornoye-1). The chronological framework of the article covers the period from 9100 to 2000 cal BC.

Keywords: Stone Age, Belarusian Sozh basin, radiocarbon dating, Final Paleolithic Age, Mesolithic Age, Neolithic Age.

УДК 903.02(476.4)

КЕРАМИКА ИЗ ГОРОДИЩА АГЕЕВКА МОГИЛЕВСКОГО РАЙОНА

М. В. Ткачѳва

аспирант

Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В статье проанализирована лепная керамика, найденная в ходе исследования городища Агеевка экспедицией под руководством А. М. Авласовича в 2020 г. Городище расположено в современной деревне с одноименным названием в составе Мостокского сельсовета Могилевского района Могилевской области. Сделан вывод о принадлежности керамики к материалам верхнеднепровского варианта заруби-нецкой археологической культуры.

Ключевые слова: лепная керамика, заруби-нецкая культура, подштриховка, примеси, Черчерк-Кистени.

Введение

Керамика является самым массовым материалом, встречающимся во время проведения археологических раскопок. Остатки керамических изделий представляют собой важный элемент для изучения материальной культуры и этнокультурного развития населения. Во время археологических раскопок в 2020 г. на городище Агеевка найдена лепная и гончарная керамика. Целью статьи является анализ и обработка лепной керамики общим количеством 2069 фрагментов. Среди них 136 венчиков, 30 днищ, 1903 стенки, которые проанализированы в статье по таким показателям, как состав формовочной массы, способ обработки поверхности, особенности изготовления (начин, способ лепки и режим обжига).

Сильная фрагментация керамического материала не позволила восстановить целые формы сосудов, в связи с чем возникла сложность с составлением типологической классификации керамики. По формам верхних частей двух сохранившихся сосудов их можно отнести к двум типам – округлобокий с отогнутым наружу венчиком и ребристый с прямыми стенками тулова, у которого плечо представлено в виде ребра.

Основная часть

В данной статье для анализа керамического комплекса все фрагменты разделены по способу обработки внешней поверхности на четыре группы: без орнамента (48,7%), с подштриховкой (36,2%), шероховатые (10,8%), с расчесами (1,7%). Такое распределение осуществлено на основе подсчета всех фрагментов венчиков и стенок, по которым можно установить способ обработки наружной поверхности сосуда.

По исследованному материалу зафиксировано, что для изготовления формовочной массы использовалась пластическая глинистая субстанция и непластические примеси. В качестве непластических примесей применяли дресву (дробленый камень), слюду, песок. По размерам дресвы из всей совокупности керамики из Агеевки выделено три группы формовочных масс: с крупной дресвой (до 2,8 мм), со средней дресвой (до 2 мм), с мелкой дресвой (до 1 мм) [1, с. 110]. Органические примеси визуально в формовочной массе не прослеживаются. Таким образом, формовочные массы следует охарактеризовать как грубые с наличием минеральных непластических примесей.

Для конструирования начина, непосредственного формирования сосуда, по имеющимся и сохранившимся фрагментам днищ можно судить об использовании двух программ – донной и донно-емкостной. При использовании донного начина на первоначально изготовленном днище в форме глиняного диска производилась остальная работа по конструированию сосуда. В материалах из Агеевки выявлено два экземпляра таких днищ. Фрагменты сосудов с донно-емкостным началом выделяются по следам соединения жгутов на участке перехода днища в боковые стенки сосуда [1, с. 131]. Такие фрагменты встречаются во всех пластах, тогда как фрагменты с донным началом прослеживаются только в нижних пластах траншей. По профилировке все днища простые и плоские [2, с. 58]. На внешней поверхности трех экземпляров днищ прослеживаются следы их изготовления на песчаной подсыпке.

Керамика с подштриховкой (749 фрагментов, или 36,2%) встречается во всех пластах 1–3 траншей. Наибольшее количество таких фрагментов найдено в верхних пластах (1–6). В нижних пластах количество керамики с подштриховкой постепенно уменьшается. Судя по следам на поверхности фрагментов, штриховка могла наноситься разными спосо-

бами (пучком травы, соломы, гребнем). Она может быть мелкая, выразительная, не очень выразительная, линии могли быть практически параллельными или перекрещиваться. Штриховка прослеживается как на внешних и на внутренних бортиках сохранившихся венчиков, так и на внешней поверхности стенок. В основном линии разной толщины и расстояние между бороздками также отличается. На стенках подштриховка могла иметь разную направленность, тогда как на бортиках венчиков она имела горизонтальную направленность. Некоторые экземпляры с подштриховкой известны в классических зарубинецких древностях и связаны с влиянием латенских традиций, поморской и ясторфской культур [3, рис. 7]. Штриховка на керамике из Верхнего Поднепровья, вероятнее всего, связана с зарубинецкой традицией Чечерск – Кистени [4, с. 54].

Венчики с подштриховкой на бортиках по форме все простые и отогнуты наружу. По углу отгиба есть экземпляры от 10° до 40°. Срез венчиков округлый. Диаметр разный – 32; 42; 48 мм. Толщина венчиков – 4,5; 5,8; 6,1; 6,4; 6,9; 7,1 мм. Размеры примесей – до 3,5 мм [5, с. 252].

Формовочная масса стенок с подштриховкой состоит из глины светло-серого, серого, оранжевого цветов с крупной примесью дровяной стружки и сляды. Размеры примесей варьируются от 1,6 до 2,6 мм. Толщина стенок – от 4,8 до 10,5 мм. На трех фрагментах имеются признаки лоскутного налета, но из-за фрагментированности черепков сложно судить о приемах формирования полого тела сосуда.

По степени обжига встречаются фрагменты как хорошо обожженные, о чем свидетельствует однослойность черепков на изломе с выраженным цветом поверхности, так и плохо обожженные хрупкие фрагменты с темной срединной полосой. Цвет поверхностей и изломов керамики говорит о применении как окислительного, так и восстановительного режима обжига.

Для обработки внешней поверхности сохранившимся следам следует предположить о применении борозчатого заглаживания пучком травы, соломы с внешней и внутренней стороны черепка. На нескольких фрагментах можно проследить “V”-образные штрихи. На одном из фрагментов с подштриховкой штриховка имеет сразу два направления – вертикальное и горизонтальное (рис. 1). Еще один фрагмент имеет следы накалывания на внеш-

ней поверхности. Среди стенок с подштриховкой имеются стенки с ребром, на внутренней стороне которых также имеются следы заглаживания поверхности пальцами.

Рис 1. Стенка с подштриховкой (рисунок А. М. Авласовича)

Шероховатая керамика (223 фрагмента, или 10,8%). Шероховатая керамика имеет шершавую поверхность и изготавливается путем нанесения на внешнюю поверхность сосуда раствора из глины и дровяной стружки или покрытием внешней поверхности сухой измельченной дровяной стружкой. По мнению А. А. Бобринского, способ обработки поверхности данной группы керамики связан с приемами покрытия и обработки сырых или подсушенных изделий дополнительным слоем глины с целью придать водонепроницаемость и предохранить от размокания и разрушения [1, с. 213].

Фрагменты такой керамики появились в средней Европе еще в бронзовом веке. Такие сосуды найдены также в Литве, их появление было связано с проникновением этого приема обработки поверхности из территории северо-восточной Польши и Калининградской области России. Это влияние керамической традиции племен западнобалтских курганов [6, с. 21; 7, с. 59]. На памятниках зарубинецкой культуры такая керамика известна как “храповатая”. Обнаружена также в древностях латенского, поморского и ясторфского круга Восточной и Центральной Европы [7, с. 70–71]. На территории Беларуси шероховатая керамика также встречается в материалах культуры штрихованной керамики средней Беларуси, в частности, на городище Горани [8, с. 104].

На городище Агеевка шероховатая керамика встречается во всех пластах трех тран-

шей, но наибольшая концентрация таких фрагментов находится в верхнем пласте. Фрагменты могут быть шероховатыми как с внешней поверхности, так и с внутренней. Шероховатые венчики тонкие, по форме вертикальные, плавно отогнуты наружу, верхняя поверхность сглаженная, на одном фрагменте имеются следы сглаживания пальцами в сторону внешнего края. На внутреннем борте также прослеживаются следы заглаживания пальцами. На верхней поверхности встречаются насечки разной глубины, нанесенные по диагонали. В изломе все фрагменты венчиков одноцветные. Толщина венчиков – от 3,8 до 7,3 мм. Размеры примесей – до 2 мм. Диаметр венчиков – 28 и 32 мм. Угол отгиба – 10°, 30°, 40°.

Шероховатые стенки представляют собой тонкие фрагменты светло-серого, серого, оранжевого цветов толщиной от 4,2 до 8,2 мм с примесью дресвы размером от 0,9 до 3,2 мм. Имеются признаки лоскутного налета. По степени обжига встречены хорошо обожженные фрагменты, цвет поверхности и изломов которых свидетельствует о полном восстановительном или окислительном режиме обжига, так и хрупкие, обожженные в режиме неполного восстановительного обжига, о чем говорит темно-серый цвет поверхности и изломов (рис. 2) [5, с. 262].

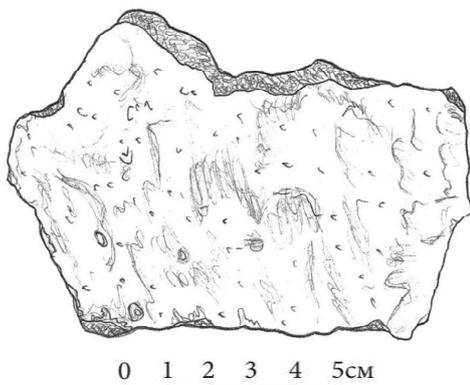

Рис. 2. Шероховатая керамика (рисунок А. М. Авласовича)

Керамика с расчесами (34 фрагмента, или 1,7%). Расчесы, как и подштриховка поверхности, свидетельствуют о применении бороздчатого заглаживания пучком травы, соломы или гребнем по влажной поверхности изготовленного горшка. Расчесы представлены как параллельными, четко прочерченными линиями, так и перекрещивающимися полосами (рис. 3) [5, с. 257].

Стенки изготовлены из глины светло-серого, темно-серого, оранжевого цветов с примесью дресвы и слюды. Толщина стенок колеблется от 4 до 9,7 мм. Размеры примесей – от 1,6 до 2,5 мм. Все фрагменты хорошо обожженные, об этом свидетельствует однослойность на изломе черепков с выраженным цветом поверхности. Цвет поверхностей и изломов фрагментов свидетельствует о применении как окислительного, так и восстановительного режимов обжига.

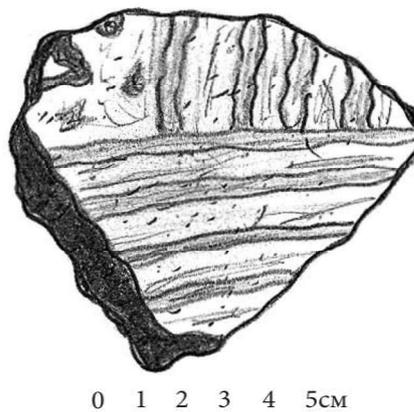

Рис. 3. Керамика с расчесами (рисунок А. М. Авласовича)

Гладкостенная керамика (1006 фрагментов, или 48,7%). Неорнаментированная керамика представлена фрагментами светло-серого, бежевого, черного, оранжевого цветов. Венчики по форме плавно отогнуты наружу или прямые, на некоторых фрагментах есть насечки на внешнем бортике, на внутреннем бортике прослеживаются следы заглаживания, встречены фрагменты с приплюснутой верхней поверхностью. Толщина венчиков – от 5,3 до 6,7 мм. Диаметр венчиков – 32 мм. Размеры примесей – от 1,8 до 2,5 мм. Толщина стенок – от 6,8 до 11,1 мм. Размеры примесей – от 1,3 до 5,8 мм. На фрагментах имеются признаки лоскутного налета.

Обжигалась керамика как в режиме окислительного, так и в режиме восстановительного обжига (рис. 4) [5, с. 264].

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 4. Гладкостенная керамика
(рисунок А. М. Авласовича)

Из всей совокупности четырех групп фрагментов керамики в основном орнаментированы венчики. Преобладает орнаментация ногтевыми зашипами, вдавлениями, насечками на верхней поверхности. На внутренних бортах венчиков встречаются горизонтальная подштриховка из нескольких линий и прочерчивания, представленные, как правило, одной горизонтальной линией. Орнаментированные венчики преобладают в верхних пластах (1–6), тогда как в нижних пластах (7–13) это уже единичные находки. Орнаментированный край венчиков является одним из наиболее ярких признаков, отличающих зарубинецкие горшки Верхнего Поднепровья от милоградских сосудов, и не характерен для восточного варианта культуры штрихованной керамики [9, с. 59–60].

Заключение

На основе изученных фрагментов сосудов из городища Агеевка следует сделать вывод о том, что для керамики характерны подштриховка, отсутствие лощеной посуды, зашипы и насечки на венчиках. Орнаментированный край венчика является одним из наиболее ярких признаков, отличающих зарубинецкую груболепную посуду от милоградской и культуры штрихованной керамики. Все эти признаки свойственны для керамики типа Чечерск-Кистени – культурной группы классического зарубинецкого периода, которая характеризуется синтезом традиций поселений и могильников круга Чаплин-Горошков (формы и орнаментация сосудов зашипами и насечками), с одной стороны, а также культуры штрихованной керамики (обычай покрывать горшки штриховкой и расчесами, редкость ло-

щенной посуды и отсутствие приема орнаментации венчиков) – с другой [9, с. 59–60]. Таким образом, керамика из городища Агеевка относится к верхнеднепровскому варианту зарубинецкой культуры и по своим признакам имеет сходство с керамикой типа Чечерск-Кистени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Бобринский, А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
2. *Коваль, В. Ю.* Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы) / В. Ю. Коваль. – М.: ИА РАН, 2016. – 128 с.
3. *Каспарова, К. В.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры / К. В. Каспарова // Советская археология. – 1981. – № 2. – С. 57–79.
4. *Дробушевский, А. И.* Чечерская группа Верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры / А. И. Дробушевский // Краеведческие записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея) / Гомельский обл. краевед. музей. – Гомель, 2000. – С. 49–77.
5. *Авласович, А. М.* Научный отчет об археологических раскопках на городище у д. Агеевка Могилевского района в 2020 г. / А. М. Авласович (рукопись). – 279 с.
6. *Данилайте, Е. А.* Штрихованная керамика в Литве (Некоторые данные об этногенезе литовцев): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Данилайте; АН Литов. ССР. Ин-т истории. – Вильнюс, 1967. – 37 с.
7. *Даугудис, В.* Некоторые данные о происхождении и хронологии шероховатой керамики в Литве / В. Даугудис // Труды АН Литвы. Серия А: Общественные науки / Академия наук Литвы. – Вильнюс: Издательство АН Литовской ССР, 1958–1989. – 1966. – 3 (22). – С. 55–68.
8. *Звяруга, Я. Г.* Кераміка гарадзішча Гарані / Я. Г. Звяруга, А. М. Мядзведзеў // Гістарычна-археалагічны зборнік. Памяці М.А. Ткачова. – Мінск, 1993. – Ч. 1. – С. 94–116.
9. *Дробушевский, А. И.* Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья / А. И. Дробушевский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1 / О. Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Белорусская наука, 2016. – С. 59–60.

Поступила в редакцию 02.09.2021 г.

Контакты: tkachyova_mv@msu.by

(Ткачева Марина Валентиновна)

Tkacheva M. V. CERAMICS FROM THE AGEYEVKA SETTLEMENT OF THE MOGILEV REGION.

The article analyzes stucco ceramics found during the study of the Ageyevka settlement by the expedition led by A. M. Avlasovich in 2020. The settlement is located in a modern village of the same name being a

part of the Mostok village council of the Mogilev district of the Mogilev region. It is concluded that the ceramics belong to the materials of the Upper Dnieper variant of the Zarubinetsy archaeological culture.

Keywords: moulded ceramics, Zarubnets culture, shading, impurities, Chechersk-Kisteni.

УДК 101.1:316.482(043.3)

ТЕХНОЛОГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ СЕТЕВЫМИ КОНФЛИКТАМИ

Ю. Л. Баньковская

кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный аграрный
технический университет

Указано, что амбивалентный характер распространения процессов сетевизации общества характеризуется наличием множества противоречий. Выявляется специфика урегулирования конфликтов между сетевыми структурами в сравнении с иерархической моделью управления. Для разрешения противоречий необходимо учитывать следующие специфические характеристики сетевого взаимодействия акторов: децентрализованность, превалирование горизонтальных связей в сравнении с вертикальными, наличие множества узловых центров управления, высокая скорость обмена информацией.

Ключевые слова: сетевые структуры, конфликт, регулирование, сеть, принятие решений.

Введение

Процесс глобализации, распространение и развитие информационных и коммуникационных технологий, расширение социальных связей между отдельными индивидами и группами содействуют актуализации и увеличению значимости сетевых структур, которые способны как усилить адаптацию системы к изменениям, происходящим внутри ее и во внешней по отношению к ней среде, так и радикально трансформировать. Выявление механизмов разрешения сетевых конфликтов необходимо по причине их многогранного воздействия на процессы, протекающие в социальных системах. Технологии управления ориентированы на прояснение наиболее релевантных форм практического изменения сложившейся и изменяющейся ситуации.

Социально-философская рефлексия сетевых конфликтов, механизмов степени их воздействия на процессы, происходящие в обществе, является достаточно новым и мало изученным направлением в отечественной и зарубежной литературе. Широкая разработанность различных аспектов функционирования сетевого общества, признание их

значимости и изучение факторов влияния на социальную реальность при одновременном исследовании конфликтов и механизмов их разрешения демонстрирует тем не менее недостаточность комплексного анализа сетевых конфликтов. Остается много вопросов, требующих нового осмысления в свете происходящих в обществе изменений. По этой причине необходимо выявить специфику сетевого урегулирования противоречий и прояснить его способы.

Основная часть

Турбулентность социальной реальности приводит к тому, что существовавшая ранее система управления не в состоянии быстро и адекватно реагировать на постоянные изменения. Иерархическому управлению, основанному на контроле над деятельностью субъектов и приказах, противопоставляется сетевое руководство, задачей которого становится осуществление совместной деятельности и реализация, прежде всего, общих целей, установленных акторами [1, с. 234–236]. С одной стороны, преимущество сетевых структур по сравнению с иерархическими заключается в их способности стремительно и оперативно разрешать возникающие проблемы посредством мгновенного обмена информацией, в то время как наличие множества уровней управления, централизованное принятие решений снижают эффективность функционирования иерархических структур. По мнению Н. Кроссли, иерархические структуры не восприимчивы к общественному мнению и социальному давлению [2, с. 289–293]. С другой стороны, необходимость выработки действенных мер регулирования сетевых конфликтов становится одной из приоритетных задач, решаемых современными учеными.

Стремление субъектов к классическим стратегиям управления, выстраиванию коммуникации без учета специфики сетевого взаимодействия приводят к определенным трудностям при разрешении возникающих противоречий. Необходимо учитывать такие отличительные признаки сетевых структур, как децентрализация, новая форма лидерства и отсутствие иерархии, добровольность участия при наличии личностной вовлеченности. Сеть сохраняет свое существование даже при условии выхода из нее большого количества участников. О. В. Рябцев считает необходимым для характеристики специфики возникновения и функционирования сети ввести понятие “сете-

вое развертывание”. Необходимость использования данного термина продиктована тем обстоятельством, что, в отличие от иных структурных образований, сетевые объединения сложно уничтожимы и более жизнеспособны вследствие их так называемого корневого проникновения, включения множества разнообразных элементов, децентрализованности и неформальности взаимодействия [3, с. 24–47]. В. Е. Лепский считает, что для сетевой организации присущи следующие основополагающие принципы, которые необходимо учитывать при урегулировании конфликтной ситуации. “Во-первых, взаимоотношения в организации носят неформальный характер, при этом каждый член группы может играть ту роль, которая отвечает поставленным на данный момент задачам. Структура организации становится гибкой, способной адаптироваться к конкретным задачам. Горизонтальным связям между элементами придается большее значение, чем вертикальным. Во-вторых, наличие внутренней организованной сети дополняется неформальными связями членов организации с частными лицами, не принадлежащими организации, которые даже помимо своей воли могут вовлекаться в деятельность сетевой организации... В-третьих, внутренние и внешние связи не регламентируются формальными рамками и обязанностями, в их основании лежат, скорее, общие ценности и нормы поведения, разделяемые причастными к группе лицами. Внутри организации деятельность осуществляется самоуправляемыми группами, в то время как внешние связи могут строиться и по общепринятым социальным нормам, и даже в соответствии с законодательством тех стран, на территории которых функционирует организация” [4, с. 281].

Основным отличием сетевого в сравнении с иерархическим управлением является преобладание в нем горизонтальной, многосторонней, равноправной коммуникации в сравнении с вертикальными, основанными на односторонней направленности сообщениями от субъекта к объекту воздействия. Неформальность общения, ее выстраивание на основании горизонтальных связей между людьми привлекает внимание представителей разных социальных групп. В основании добровольности их участия заложена ориентация на достижение общей цели. В сетевом управлении зависимость и соподчиненность элементов предопределяется факторами и условиями совместной деятельности, обеспечивающи-

ми функциональность сети. Коммуникативные отношения акторов в сети артикулируют внимание на принятии совместных решений представителями разных общностей, занимающих неравнозначные социальные позиции, на основании доступа единой информационной базы. Сетевое управление в большей степени можно охарактеризовать как соуправление. Оно устраняет иерархическую модель соподчинения, формируя новую модель взаимодействия, нацеливает участников на обмен наличными ресурсами, совместное понимание сущности проблемной ситуации, поиск решения на основании наличных ценностей и общих воззрений.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что многоканальность связей между акторами, сложная структура сети влияют на специфику разрешения конфликтов. И. А. Афанасьев акцентирует внимание на следующих особенностях сетевой организации, полагая, что “механизм ее существования обеспечивает возможность практического участия для каждого. Индивид может легко покинуть ассоциацию, с позицией которой он принципиально не согласен, и принять участие в работе той, где его голос услышан, где диалог ведет к согласию. Если же таковой не нашлось, то он вполне может создать свою новую сеть” [5, с. 36]. Для сети присущи равноправность позиций акторов, возможность неучастия в конфликтном противоборстве при нежелании разрешать возникшие противоречия. Данные обстоятельства необходимо учитывать при разработке мер по урегулированию сетевых противоречий.

Выработка наиболее оптимальной стратегии разрешения конфликта особенно востребована в ситуации угрозы эскалации насилия. Слишком жесткое воздействие на конфликтную ситуацию приведет к утрате мотивации акторов в участии в данном сетевом образовании, к непредставлению ими доступа к имеющимся у них в наличии ресурсам. Такие методы разрешения конфликта, как его игнорирование или силовое подавление являются неэффективными, поскольку противоборство не устраняется. Оно приобретает латентные формы, в рамках которых возможно привлечение внимания новых заинтересованных в данном противостоянии лиц. Данная тактика возможна лишь в ситуации, при которой является целесообразным ликвидация сети. В то же время излишне мягкая стратегия воздействия на противоборство может привести к формированию множества

небольших альянсов, действующих на основании собственных предпочтений, к отсутствию возможности контролировать процесс развёртывания конфликта.

Наличие множества социальных проблем, невозможность эффективного их решения со стороны властных структур приводит к поиску альтернативных путей их разрешения. Создавая условия для осуществления открытых дискуссий, сети позволяют гражданам активно участвовать в обсуждении вопросов, реализовывать свою гражданскую позицию. При этом нередко данное участие может носить деструктивный характер. Воздействуя на политическую сферу жизнедеятельности общества, сети трансформируют социальное пространство, становятся катализатором обострения противоречий. Е. В. Морозова и А. Гнедаш отмечают, что «сети формируют новые объединяющие смыслы, практически осваиваемые в offline- и online-пространствах, побуждают участников сети к локальным или масштабным коллективным действиям» [6, с. 183]. Создавая конструктивные возможности для интерактивного общения, привлекая внимание множества пользователей, они способствуют повышению уровня эффективности воздействия на проблемную ситуацию. Формируются условия для привлечения новых лидеров возникшего противоборства, которые нередко выдвигаются общественностью или социальными группами из представителей данного сетевого образования. Подобные обстоятельства содействуют повышению уровня доверия к транслируемой ими информации, оказанию воздействия на восприятие происходящих событий. В то же время быстрая приобщения новых акторов к уже возникшему конфликту приводит к тому, что у многих из них не сформированы навыки политической деятельности, отсутствует понимание сущности проблемы. Они становятся инструментом, используемым определенными социальными группами для достижения их цели.

Возможность оперативного информирования и быстрого обмена имеющимися ресурсами при наличии личной заинтересованности в достижении определенного результата в ситуации конфликта позволяет увеличить количество его сторонников. Поддержка социальными группами, расширение области охвата географического пространства способствуют выработке новых возможностей для принятия участия в противоборстве с любой точки земного шара. Мобилизация ресурсов,

направленная на осуществление действий посредством привлечения социального капитала, нацелена на оказание воздействия на конфликтную ситуацию.

Вовлеченность в противоборство большого количества людей создает дополнительные возможности для приобретения более полной информации о наличной проблеме, продуцируя условия, в рамках которых невозможно полностью скрыть или нивелировать данные о противоречиях. Сетевые технологии, по мнению Дж. Арквила и Д. Ронфельдта, в большей степени ориентированы на автономность и свободу при принятии решений. Они основаны на совещательных формах взаимодействия коммуникантов и партнерских взаимоотношениях между ними. Размывание традиционной иерархической модели подотчетности одних элементов по отношению к другим, их смещение направлены на формирование у каждого актора умения действовать в соответствии с его личностными устремлениями, открывают новые возможности для конкуренции идей и решений, организации плодотворной дискуссии [7, с. 35–64]. Оперативное размещение и обновление информации в сетевом пространстве, формирование множества электронных изданий, отражающих взгляды разных социальных групп, формируют необходимость не только в повышении степени ответственности граждан за предоставляемые сведения, часто носящие недостоверный характер, но и в создании дополнительных форм контроля над ними со стороны государства. Потенциальный участник противоборства, обладая доступом к информации, предоставляемой разными сторонами конфликта, может принять взвешенное решение о целесообразности своего участия в конфликте. Однако часто недостоверность получаемых сведений приводит к тому, что социальная сеть становится мощным механизмом манипулирования сознанием людей.

А. В. Соколов и А. А. Фролов полагают, что в мировой практике сформировались следующие стратегии противодействия конфликту: игнорирование, хакерские атаки, правовое регулирование, ограничение возможностей для коллективного действия, силовые методы, уступки, уголовное преследование и дискредитация репутации лидеров [8, с. 281–283].

Востребованность в воздействии на конфликтную ситуацию начинает превалировать, во-первых, при возникновении сложных проблем, разрешение которых требует анали-

за множества аспектов и не может быть осуществлено только отдельно взятым субъектом или небольшой социальной группой, во-вторых – в ситуациях, связанных с риском и неопределенностью при принятии решений. При отсутствии возможности разрешения сложившейся проблемной ситуации и неясности ее последствий для дальнейшего функционирования сети акторы стремятся распределить ответственность за принимаемые решения между представителями разных социальных групп или обществом в целом. В-третьих – при изменении ценностно-нормативных приоритетов и ресурсных потребностей общества. Сетевые образования не являются стабильными и устойчивыми вследствие низкого уровня сплоченности их участников. Им не присуща единая система ценностей, что нередко приводит к упразднению сети.

Технологии управления и урегулирования сетевых конфликтов основаны на понимании механизмов, обеспечивающих защиту интересов как отдельного человека и социальной группы, так и государства. Позитивные установки на преобразования часто не находят своего подтверждения в осуществляемых действиях и нередко носят утопический характер. По этой причине особую значимость для процесса разрешения противоречий приобретает рефлексия, которая должна основываться на наличных ценностях. “В центре внимания оказываются ценности, культура, механизмы сборки и разрушения совокупных субъектов (макросубъектов), механизмы целеобразования” [9, с. 91].

Заключение

На основании сказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, сеть структурирована таким образом, что в ней заложены механизмы, допускающие ее постоянное расширение, вовлечение в процесс своего функционирования множества людей. Данные аспекты формируют новые конструктивные возможности для функционирования системы по той причине, что включение новых элементов, которым присуще свое видение проблемной ситуации, создает уникальные возможности для ее комплексного рассмотрения, интеграции разнообразных структур и синхронизации их действий. Увеличение объема контента, привлечение внимания к проблеме как представителей небольших социальных общностей, так и мирового сообщества в целом способствует повышению ответственности

конфликтующих сторон за осуществляемые ими действия. От качества и объема информации, необходимых для принятия соответствующих решений, зависит эффективность регулирования конфликтов.

Во-вторых, множество факторов воздействует на процесс принятия решений, что приводит к децентрализации, размытости, отсутствию целенаправленного, директивного воздействия на обсуждаемую проблему. Минимизация внешнего воздействия и давления на проблемную ситуацию и повышение внутренней заинтересованности к выстраиванию стабильных отношений содействует повышению устойчивости функционирования сети. Субъекты формируют особую среду, основанную на процессах кооперации и обмена ресурсами, отборе наиболее эффективных средств интеллектуального взаимодействия. Конструктивное воздействие на конфликтную ситуацию должно быть основано на расширении публичной сферы, децентрализации механизмов принятия решений, так как сеть способствует установлению гибких и изменяемых взаимоотношений между ее участниками, что повышает эффективность их коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Prawan, K.* Modes of network governance : structure, management, and effectiveness / K. Prawan, P. Kenis // *Journal of public administration research and theory.* – 2007. – Vol. 18. – № 4. – P. 234–236.
2. *Crossley, N.* Even newer social movements? Anti-corporate protests, capitalist crises and the demoralization of society / N. Crossley // *Organization.* – 2003. – Vol. 10. – № 2. – P. 287–305.
3. *Рябцев, О. В.* Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития / О. В. Рябцев. – Ростов-на-Дону : Изд-во Сев.-Кав. Научного центра высшей школы Южного федерального университета, 2007. – 163 с.
4. *Лепский, В. Е.* Методологический и философский анализ развития проблематики управления / В. Е. Лепский. – М. : Когито-Центр, 2019 – 340 с.
5. *Афанасьев, И. А.* Власть и экспертиза в сетевом обществе: проблемы и перспективы / И. А. Афанасьев // *Власть.* – 2005. – № 11. – С. 35–39.
6. *Гнедаш, А. А.* Модернизационный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики / А. А. Гнедаш, Е. В. Морозова // *Политэкс.* – 2012. – Т. 8. – № 3. – С. 183–199.
7. *Arquilla, J.* Networks and netwars: The future of terror, crime, and militancy / J. Arquilla, D. Ronfeldt. – Santa Monica, Calif. : RAND, 2003. – 376 p.
8. *Соколов, А. В.* Интернет-аспекты протестной активности в современной России / А. В. Соко-

лов, А. А. Фролов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 280–283.

9. **Porter, J. N.** Conflict and conflict resolution : a sociological introduction with updated bibliography and theory section / J. N. Porter, R. Taplin. – Lanham : University press of America, 1987. – 103 p.

Поступила в редакцию 08.10.2021 г.

Контакты: ulia_bank@tut.by

(Баньковская Юлия Леонидовна)

Bankovskaya Yu. L. TECHNOLOGIES OF NETWORK CONFLICTS REGULATION AND MANAGEMENT.

It is indicated that the ambivalent nature of the spread of social networking processes is characterized

by the presence of many contradictions. The specifics of conflict resolution between network structures in comparison with the hierarchical management model are revealed. It is necessary to take into account the following specific characteristics of the network interaction of actors: decentralization, the prevalence of horizontal connections in comparison with the vertical ones, the presence of many nodal control centers, high speed of information exchange to resolve contradictions and make decisions for their elimination.

Keywords: network structures, conflict, regulation, network, decision-making.

УДК.821.112.2

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ К. ХАЙНА “ПОРТРЕТ СЫНА С ОТЦОМ”

Е. В. Кузнечик

аспирант

Полоцкий государственный университет

Исследуется своеобразие психологической прозы К. Хайна на примере романа “Портрет сына с отцом” (2016). Основной художественный конфликт образует проблема исторического сознания, которая рассматривается с позиции внутренних переживаний героев. Отношение к прошлому – важнейший пункт эстетической программы писателя. В романе присутствует ряд мотивов из более ранних произведений К. Хайна. Мотивы вины и памяти определяют развитие сюжета, выступают средством отражения исторического сознания героев произведения. Роман создан в реалистической манере. Эффект достоверности достигается благодаря двойной повествовательной раме, имеющей символическое значение.

Ключевые слова: литература Германии после объединения, история Германии, историческое сознание, историческая память, современная психологическая проза.

Введение

Кристоф Хайн (*Christoph Hein*, род. 1944, Хайцендорф/Силезия), чье литературное творчество включает в себя не только романную прозу, новеллистку и драматургию, но также и многочисленные эссе, рассказы, статьи и интервью, “относится к категории тех немецкоязычных писателей, которых принято называть неудобными” [1, р. 13]. Он отстаивает право на свой, часто субъективный взгляд и не отклоняется от избранной позиции вот уже на протяжении более 40 лет.

Свою литературную деятельность Хайн характеризует так: “Необходимо писать, чтобы описывать, описывать, чтобы иметь возможность работать дальше, надеяться. А также выражать надежду на перемены и изменения”¹ [2, р. 56]. Одной из центральных проблем в творчестве Хайна является проблема исторической правды, а вместе с тем и исторического сознания. Осмысля исторический опыт немецкого народа и вытекающие из него уроки, он пишет в одном из своих эссе: “Прошлое – это актуальный шанс минувших

дней. Мы извлекли из него пользу либо потеряли зря, оно не поддается исправлению и является нетленным. Мы должны жить с ним, оно принадлежит к нашей жизни, к нашему настоящему, а также к нашему будущему. <...> Настоящее и будущее бранны, прошлое – нет” [3, р. 15]. Именно поэтому, по мнению Хайна, осознание исторической ответственности за свою деятельность уходит корнями, прежде всего, в прошлое и аккумулируется в памяти народа. Он пишет: “Память немецкого народа есть память преступников. Из-за нашего брата Гитлера наша память стала для нас мучением. Мы можем предать себя суду наших воспоминаний и повиниться в ответственности немецкого народа за геноцид, мы можем подавить эти чувства в себе, мы можем отрицать их <...> мы можем их трактовать по-разному, мы можем загородиться от них послевоенными достижениями немецкого народа. <...> Но мы знаем, что и завтра, и наверняка через сорок лет это прошлое, в особенности *это* (курсив мой. – Е. К.) прошлое не пройдет” [3, р. 26–27].

Подводя итог, Хайн отмечает, что “нормализация исторического сознания через отстранение от национал-социализма не может привести ни к нормализации, ни к историческому сознанию. Разумеется, время национал-социализма имеет свои последствия: немецкий фашизм изменил немецкую историю навечно. Процесс нормализации может протекать сегодня только лишь в измененных условиях, в условиях, в которых историю национал-социализма могут воспринимать как <...> немецкое прошлое” [3, р. 31–32].

В своем недавнем интервью на радио SRF, посвященном выходу в свет нового романа “Портрет сына с отцом” (*Glückskind mit Vater*, 2016), Хайн высказал мысль, которая в очередной раз подтвердила его неизменную позицию относительно национал-социалистического прошлого Германии: “Эти годы – 1933–1945 – останутся с каждым, все равно в каком возрасте. Разговоры о Гитлере в ироничном либо злом ключе ставят немцев в тупик. <...> Мы – немцы, а значит, это все относится к нам, не только Мартин Лютер и Бетховен” [4].

Основная часть

Новый роман Кристофа Хайна глубоко психологичен. Созданный в реалистическом ключе, он соединяет в себе несколько жанровых разновидностей. В сочетании с трагикомичными эпизодами здесь присутствуют черты плутовского романа и романа воспита-

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е.К.

ния. Своим произведением Хайн затрагивает, пожалуй, одну из самых важных экзистенциальных проблем в немецкой литературе после 1945 г. – проблему вины и ответственности за содеянное, которую автор раскрывает через историческое сознание своих героев.

Главный герой произведения – Константин Боггош, 67-летний пенсионер, проживающий со своей женой в восточногерманской провинции. Из его немногочисленных бесед с супругой читатель узнает, что он в прошлом был учителем, затем директором школы. Накануне юбилея гимназии Боггош получает от местной газеты предложение дать интервью. Одновременно с этим на его адрес приходит письмо из налоговой инспекции на имя некоего Константина Мюллера. Как выясняется позже, письмо пришло по ошибке, но оба эти события приводят в действие механизм памяти главного героя, и незаметно для читательского глаза Хайн меняет режим повествования от третьего лица к первому. Подача сюжетной информации в другом формате выбрана писателем не случайно. Благодаря такому переходу автор использует возможность выражать скрытые и недоступные внешнему наблюдателю мысли и чувства рассказчика, открывает путь разнообразным формам самонаблюдения и рефлексии персонажа.

История жизни главного героя романа начинается задолго до его рождения. Расхожие взгляды на события того времени отрицательно сказываются на отношениях между семьями матери и отца Константина. Будущий тесть выступает против свадьбы дочери, так как видит в своем новоиспеченном зяте “карьериста, выскочку и разбогатевшего спекулянта”, поддерживающего режим национал-социалистов [5, р. 49]. Но чтобы не потерять дочь, он дает согласие на ее брак с Герхардом Мюллером, владельцем и директором завода в городе Г.¹ После окончания войны мать Константина, будучи уже беременной им, узнает о смерти мужа, а вместе с этим и ужасные подробности его довоенной деятельности, которая всегда была для нее табу. Ее супруг – военный преступник, обманом присвоивший наследство

¹ В провинциальном городке Г. также разворачиваются события повести “Чужой друг” (*Der fremde Freund*, 1982). Кроме того, местом действия романов “Смерть Хорна” (*Horns Ende*, 1985) и “Захват Земли” (*Landnahme*, 2004) становится некий вымышленный городок Гульденберг. Такое совпадение в заглавных буквах обоих населенных пунктов наводит на мысль, что Г. и Гульденберг могут быть одним и тем же выдуманным автором местом.

своего отца. Рядом с заводом мужа по его же приказу был построен лагерь для военнопленных. Прилагая всевозможные усилия, женщина стремится оградить Константина и его старшего брата Гунтхарда от правды о личности их отца, возвратив себе и детям свою девичью фамилию Боггош. Однако постоянные насмешки одноклассников, психологический прессинг со стороны учителей и жителей города вынуждают ее рассказать об истинных причинах, побудивших к таким решительным действиям. Правда, открывшаяся братьям, была воспринята ими по-разному. Гунтхард не доверяет словам матери и пытается оправдать честь отца. Он тайно поддерживает связь с проживающим в Западной Германии дядей, который утверждает, что его брат был приговорен к смерти русскими на незаконных основаниях. Константин, напротив, ошеломлен, ему стыдно, он пытается понять, как должен жить дальше с открывшимися обстоятельствами о жизни родного отца, которого он никогда не видел, так как родился уже после его смерти. Начиная с этого момента вся его дальнейшая сознательная жизнь представляет собой череду судьбоносных решений, принимая которые он спешит доказать себе и окружающим, что человека нужно оценивать и судить по его поступкам и деяниям, а не по поступкам и деяниям других людей, пусть даже и близких родственников, ведь преступниками не рождаются, ими становятся. Думается, это одна из магистральных мыслей, которой Хайн придерживается на протяжении всего романа.

Испытания, которые судьба уготовила Константину, лишь закалили его характер. Писатель наделяет главного героя многими положительными личностными качествами. Константин – борец по своей натуре, он трудолюбив, отзывчив, достойно проявляет себя как в дружбе, так и в отношениях с женщинами. На примере яркой индивидуальности главного героя Хайн реализует мотив психологической травмы, к которому автор возвращается снова и снова². Антиподом главного героя в романе является его родной брат. Все, против чего выступает Константин, собрано в жизненной позиции Гунтхарда. В романе он изображен двуличным человеком, все “[его] разговоры сводились к деньгам, как и где можно получить то да сё” [5, р. 355]. Его двойная мораль вызывает у Константина смесь негодования и

² Этот мотив присутствует и в других произведениях К. Хайна: “Аккомпаниатор”, “Чужой друг”, “Вилленброк”.

осуждения, ведь ради карьерного роста Гунтхард стремится вступить в партию, продолжая тайно поддерживать связь с родственниками из Западной Германии. С точки зрения своего происхождения братья находятся в равных условиях, но их мировоззрение, их реакция на исторические события, на отношении к фактам, связанным с преступлениями отца, являются диаметрально противоположными. Писатель сознательно создает для них одинаковые ограничения, демонстрируя тем самым вариативность избираемого пути в решении жизненных проблем. Оба персонажа представляют различные подходы к осмыслению проблемы исторического сознания. Хайн показывает, что в данном вопросе немецкое общество расколото надвое. Есть люди, которые, понимая инвариантность прошлого, смогли вынести верные уроки, признать допущенные ошибки, не предпринимая попыток их оправдать. Такие личности, как, например, Константин и его мать, готовы и хотят строить новое будущее, в котором нет места повторению ошибок прошлого. Но есть и другая категория людей, таких как Гунтхард и его дядя, которые сознательно не замечают прошлых преступлений, находя им свои оправдания.

Отец является камнем преткновения в любых начинаниях Константина. Его образ оказывает влияние на формирование исторического сознания как главного героя, так и других действующих лиц, контактирующих с протагонистом. По вине отца не складывается спортивная карьера главного героя. Оба брата не могут продолжить обучение в школе после восьми классов, хотя считаются одними из лучших учеников. Не видя будущего в пределах своего города, своей страны, спасаясь от фантома своего родителя, Константин решает направиться в Марсель и поступить на службу во Французский легион, искренне надеясь освободиться от “славы” своего отца и начать жизнь с чистого листа. Пересекая границу с Западным Берлином, Константин попадает на несколько дней в лагерь для перебежчиков. За время, проведенное там, главный герой приходит к мысли, что когда-то такой лагерь был построен его отцом, только «для пленных и заключенных, которые должны были трудиться на его заводе “Вулкан”» [5, р. 148]. В своих размышлениях он убеждается, что от прошлого невозможно убежать, даже несмотря на перемену фамилии. “Я был его жертвой. Я был им. Я остаюсь сыном своего отца навеки. Я – его наследник. Его преемник” [5,

р. 148]. Но в Марселе Константин впервые ощущает некую свободу от тяготившего его прошлого: “Я был счастлив в этой комнате, в Марселе <...> Я больше не был сыном своего отца, сыном преступника, отныне я был французом” [5, р.192]. Константин не попадает на службу в армию, но судьба преподносит ему подарок в лице четырех работодателей, у которых он трудится в качестве переводчика. Он становится участником бесед своих патронов, которые часто обсуждают итоги войны и состояние дел в Европе. Эти четыре француза, побывавшие в немецком плену, осознают важность осмысления исторического опыта и вытекающих из него уроков. Устами одного из них Хайн заключает, что “с фашизмом в Европе еще долго не будет покончено. Гитлер побежден, несомненно, немецкие нацисты проиграли в войне, но не фашизм <...> Он существует и возвратится, и, возможно, быстрее, чем можно себе представить” [5, р. 203]. Однако Константин принимает решение прекратить всякие контакты с французами. Читая мемуары одного из работодателей, главный герой узнает, что все четверо находились в концлагере его отца. Чувство вины перед патронами не позволяет Константину оставаться во Франции, и он решает вернуться на родину, так как «в любой стране [он] будет наталкиваться на него (отца. – Е. К.), везде [он] будет сыном эсэсовца по прозвищу “Вулкан”» [5, р. 253].

Помимо мотивов памяти и вины, автор критикует сущность тоталитарного государства, где подавляются права и ограничивается личная свобода граждан. Так, Константин, будучи одаренным учеником, студентом, не может полностью реализовать себя и свои знания в жизни, имея в личном деле информацию об отце-нацисте. После возвращения на родину, успешно сдав вступительные экзамены в университет кинематографии, Константин получает письмо из ректората об аннулировании его зачисления без указания причин. Однако в личном разговоре с ректором он узнает, что причиной тому является темное пятно в его биографии. Ректор, будучи послушным исполнителем воли тоталитарной машины, лишь отмечает: “Кто не разоблачает врага, тот будет сам разоблачен как враг” [5, р. 391]. Константина угнетает мысль быть в очередной раз отождествленным со своим отцом. Он чувствует себя несчастным и неспособным что-либо изменить.

Зеркально противоположной является жизненная история члена окружного совета

народного просвещения, отец которого командовал группой сопротивления и погиб от рук нацистов. Будучи по профессии сапожником и имея всего семь классов образования, инспектор занимает высокий пост лишь из-за своего отца. Он осознает, что не достоин занимаемого места, он знает, какие разговоры о нем за его спиной ведут коллеги. Но “из-за него (отца. – Е. К.) [инспектор] не смог продолжить работать сапожником, из-за него нацисты упрятали [его] в тюрьму” [5, р. 435], из-за отца партийные товарищи настойчиво уговаривали его занять пост учителя, как будто он был профессором.

Двумя контрастирующими жизненными историями Хайн демонстрирует, как в условиях тоталитарного режима человек лишен возможности быть самим собой. Он вынужден проживать не свою жизнь, зачастую находясь не на своем месте.

Все изложенные события Хайн обрамляет двойной повествовательной рамой. Первая представляет собой краткий пролог, чье значение раскрывается в дальнейшем развитии сюжета. В прологе, который воспринимается как некий загадочный сон, мы встречаем незнакомого человека в белой униформе с тонкой черной плетью. Незнакомец размахивает ею так, что верхушки деревьев и ветки падают на землю, “каждый его шаг выдает власть, культуру и дух <...> человек не обращает внимания на оставленные разрушения” [5, р. 9]. Кто был этот таинственный незнакомец, который “исчез также неожиданно, как и появился”? [5, р. 10]. Думается, Хайн таким образом призывает читателя расшифровать этот загадочный сон. Завершается роман очередным неясным и запутанным сновидением. На этот раз перед глазами главного героя всплывают хаотично сменяющие друг друга картинки прошлого. И если в первом случае человек в белой униформе – это отец главного героя, то во втором сне его присутствие никак не обозначено. Хайн намекает, что дух отца, преследовавший с самого начала главного героя, все же оставляет его в покое под конец жизни. Вторая повествовательная рама являет собой историю жизни главного героя в настоящем. Она обрамляет основное развитие сюжета, которое происходит в прошлом.

Можно провести множество параллелей между биографией самого автора и жизнью его протагониста, но, как утверждает сам Хайн, это не переписывание “собственной биографии”, а лишь фиксация того, что он

“увидел, пережил и узнал” [4]. В вышеупомянутом интервью на радио Хайн говорит, что история жизни главного героя его нового романа – это “история всего немецкого народа” [4]. Укором поколению писателя, а также последующим поколениям всегда будет являться период, связанный с Гитлером и национал-социализмом. Его герой не свободен от общественного мнения. Хотя он и рожден после войны, но вина отца остается при нем. Она мешает ему жить, учиться, строить планы на будущее. Как верно подметил обозреватель немецкого журнала “Spiegel” К. Бусс, роман Кристофа Хайна “Портрет сына с отцом” по праву можно назвать вторым в творчестве писателя “романом о Германии” после романа “Захват земли”¹ (*Landnahme*, 2004) [6].

Заключение

Основой для осмысления проблемы исторического сознания в романе К. Хайна “Портрет сына с отцом” становятся мотивы вины и памяти, которые реализуются на примере целого ряда персонажей, являющих собой типичный образец, определенный срез общества. В этой типизации и заключается реалистичность повествования. Вышеупомянутые мотивы присутствуют и в более ранних произведениях писателя (“Аккомпаниатор”, “Чужой друг”, “Вилленброк”). Благодаря двойной повествовательной раме действие романа протекает в нескольких временных измерениях – настоящем и прошлом, а также во сне, что дает возможность автору отразить внутренние переходы от конкретных событий к размышлениям и создать в повествовании сложную психологическую канву. Такое композиционное решение привлекает внимание читателя, обеспечивает эффект достоверности и имеет символическое значение. Роман несет в себе черты социально-психологической прозы и соединяет в себе несколько жанровых разновидностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Gwosc, D.* „...unstrittig ist die Schädlichkeit der Literatur und des Lesens“ Der Publizist und der Redner Christoph Hein / D. Gwosc // German monitor: Christoph Hein in perspektive. – Amsterdam – Atlanta : Rodopi, 2000. – P. 7–20.

¹ Впервые такое определение роману “Захват земли” дал некогда обозреватель влиятельной газеты “die tageszeitung” Ё. Магенау, подчеркнув, что это роман с большой буквы (*der große Deutschlandroman*) [7].

2. **Hein, C.** Öffentlich arbeiten / C. Hein // Essais und Gespräche. – Berlin und Weimer : Aufbau Verlag, 1987. – P. 187–203.

3. **Hein, C.** Die Zeit, die nicht vergehen kann oder Das Dilemma des Chronisten. Gedanken zum Historikerstreit anlässlich zweier deutscher vierzigster Jahrestage / C. Hein // Hein, C. Die Mauern von Jerichow: Essais und Reden / C. Hein. – Berlin : Aufbau Taschenbuch Verlag, 1996. – S. 9–40.

4. **Leis, S.** „Glückskind mit Vater“ von Christoph Hein / S. Leis // 52 beste Bücher [Elektronische Ressource]. – 19.06.2016. – Zugriffsmodus: <http://www.srf.ch/sendungen/52-beste-buecher/glueckskind-mit-vater-von-chris-toph-hein>. – Freigabedatum: 03.09.2017.

5. **Hein, C.** Glückskind mit Vater / C. Hein. – Berlin : Suhrkamp, 2016. – 527 S.

6. **Buß, Ch.** Mein Vater, das Gespenst / Ch. Buß // ZEIT ONLINE [Elektronische Ressource]. – 07.03.2016. – Zugriffsmodus: <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/christoph-hein-glueckskind-mit-vater-mein-vater-das-gespenst-a-1079585.html>. – Freigabedatum : 03.09.2017.

7. **Magenau, J.** Die mentale Hauptstadt der DDR / J. Magenau // taz.dietageszeitung [Elektronische Ressource]. – 24.01.2004. – Zugriffsmodus: <https://www.taz.de/Archiv-Suche/!802283&s=Die+mentale+Hauptstadt+der+DDR&SuchRahmen=Print/>. – Freigabedatum: 03.09.2017.

Поступила в редакцию 03.05.2021 г.

Контакты: e.kuznechik@psu.by

(Кузнечик Екатерина Владимировна)

Kuznechik E. V. THE PROBLEM OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN “PORTRAIT OF A SON WITH FATHER” BY CH. HEIN.

The analysis of the psychological prose by Ch. Hein based on the novel “Portrait of a Son With Father” (2016) is carried out. The main artistic conflict is the problem of historical consciousness, which is viewed from the standpoint of the inner experiences of the characters. Dealing with the past is the most important point of the writer’s aesthetic program. In the novel there are a number of motifs used in the earlier works by Ch. Hein. Fault and memory motifs determine the development of the plot, they are a means of reflecting historical truth and a way of expressing the historical consciousness of the characters. The novel was created in a realistic way. The effect of reliability is achieved through a double narrative frame, which has a symbolic value.

Keywords: German literature after unification, history of Germany, historical consciousness, historical memory, modern psychological prose.

УДК 811.161.3'373

ГЕНДАРНА МАРКІРАВАННЯЯ ЭМАТЫЎНА-АЦЭНАЧНЫЯ ЛЕКСЕМЫ: ДА ПРАБЛЕМЫ ЛЕКСІКАГРАФІЧНАГА АПІСАННЯ

А. В. Доўгаль

кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова

У артыкуле закранаецца праблема эматыўна-ацэначнай канатацыі гендарна маркіраваных лексічных адзінак беларускай мовы і іх апісання ў лексікаграфічных крыніцах. Устаноўлена, што эматыўна-ацэначныя паметы ў лексікаграфічных выданнях патрабуюць удакладнення і строгай дыферэнцыяцыі. Адзначана, што гендарны кампанент семантыкі эматыўна-ацэначных лексем выражаецца экспліцытна або імпліцытна ў дэнаматыўнай частцы лексічнага значэння слова; эматыўна-ацэначны кампанент з'яўляецца канатацыяй. Абгрунтавана неабходнасць удакладнення гендарнай характарыстыкі эматыўна-ацэначных намінацыйных адзінак з улікам сучасных кантэкстаў іх ужывання.

Ключавыя словы: гендарна маркіраваная лексема, гендарная сема, эматыўна-ацэначная лексема, эматыўна-ацэначная сема, эматыўна-ацэначная канатацыя, стылістычныя паметы, беларуская мова.

Уводзіны

Даследаванні гендарнага фактару ў мове складаюць сёння асобны кірунак сучаснай лінгвістыкі, у межах якога вылучаюцца сацыялінгвістычныя, псіхалінгвістычныя, лінгвакультуралагічныя, камунікатыўна-дыскурсіўныя, прагматычныя аспекты вывучэння нашых уяўленняў пра мужчын і жанчын па дадзеных мовы. Гендарныя пытанні, што вырашаюцца ў лінгвістыцы, можна аб'яднаць у два кірункі. Першы ахоплівае працы, у якіх вывучаецца адлюстраванне палавай дыферэнцыяцыі ў мове (перадусім даследуюцца лексічныя адзінкі і граматычная катэгорыя роду, мэта гэтага падыходу – апісанне і тлумачэнне таго, як фіксуецца ў мове прыналежнасць да рознага полу). Другі кірунак грунтуецца на выяўленні спецыфікі мужчынскага і жаночага маўлення (даследуюцца гендарная абумоўленасць выбару лексічных адзінак і сінтаксічных канструкцый, інтанаванне фраз, стратэгіі і тактыкі паспяховай камунікацыі мужчын і жанчын, гендарныя асаблівасці прафесійнай камуніка-

цыі і інш.) [1]. Даследчыкі абодвух напрамкаў зыходзяць са звестак, якія дае сама мова, пра такі нелінгвістычны, біялагічна дэтэрмінаваны аб'ект, як пол.

Інтэнсіўнае развіццё гендарных даследаванняў прыпадае на 90-я гг. XX ст. і абумоўлена зменай навуковай парадыгмы ў гуманітарных навук, развіццём постмадэрнісцкай філасофіі. Як адзначае рускі даследчык А. В. Кірыліна, “цікаваць да суб'ектыўнага, да прыватнага жыцця чалавека, развіццё новых тэорый асобы <...> прывялі да перагляду навуковых прынцыпаў вывучэння катэгорый этнічнасці, узросту і полу” [2, с. 110].

Гендарная семантыка моўных адзінак належыць да праблемнага поля прагматыкі, паколькі ў межах гэтай дысцыпліны вывучаюцца асаблівасці функцыянавання моўных знакаў у маўленні, у тым ліку асаблівасці намінацыі асобы ў залежнасці ад яе палавай прыналежнасці. Паняцце “прагматычны кампанент” семантыкі ў сучаснай лінгвістыцы канчаткова не акрэслена і з'яўляецца дыскусійным. Да прагматычнага адносяць сацыяльны, гендарны, узроставаы, канфесійны, палітычны, нацыянальна-культурны, эматыўны, ацэначны аспекты лексічнага значэння слова [3; 4].

Як адзначаюць даследчыкі, “на сёння адсутнічаюць рэсурсы, якія дазваляюць здзяйсняць пошук прагматычна маркіраванай моўнай адзінкі па семантычнай, прагматычнай, функцыянальнай, стылістычнай характарыстыцы” [3, с. 8]. Гэта вымушае лінгвістаў рабіць пэўныя захады для рашэння дадзенай праблемы, працаваць над стварэннем мадэлі апісання прагматычнага кампанента семантыкі лексічнай адзінкі і ажыццяўляць спробы выдання запатрабаваных слоўнікаў новага тыпу – прагматычных. Праблема слоўнікавага апісання прагматычнай семантыкі шырока прадстаўлена ў працах расійскіх лінгвістаў Ю. Д. Абрэсяна, А. Ю. Булыгінай, Л. П. Крысіна, Г. М. Складарэўскай, Т. А. Трыпольскай і інш. У беларускім мовознаўстве гэта праблема практычна не распрацавана.

У прапанаваным артыкуле закранаецца праблема эматыўна-ацэначнай канатацыі гендарна маркіраваных лексічных адзінак і іх адэкватнай фіксацыі ў лексікаграфічных крыніцах. Эматыўна-ацэначны слоўнік мовы, паводле навукоўцаў, увасабляе ўнікальнасць аксіялагічнай карціны свету і “дазваляе апісаць існуючыя гендарныя стэрэатыпы сучаснага соцыуму” [5, с. 123].

Пад гендарна маркіраванымі эматыўна-ацэначнымі лексічнымі адзінкамі мовы мы буд-

зем разумець словы, якія ўжываюцца для выражэння эмацыйнай ацэнкі асобы мужчынскага або жаночага полу. Актуальнасць тэмы даследавання абумоўлена некалькімі прычынамі: па-першае, нераспрацаванасцю дадзенай праблематыкі ў беларускім мовазнаўстве; па-другое, адсутнасцю тэарэтычна абгрунтаваных прынцыпаў апісання гэтых адзінак у лексікаграфічнай практыцы; па-трэцяе, значымасцю для культуры маўлення і маўленчай этыкі тых, хто вывучае беларускую мову; па-чацвёртае, запатрабаванасцю ў сучаснай прыкладной лінгвістыцы (у прыватнасці, для правядзення лінгвістычных экспертыз); па-пятае, неабходнасцю ўлічваць прагматычную інфармацыю пры складанні нацыянальнага корпусу і граматычнай базы сучаснай беларускай мовы.

Мэта артыкула – выявіць асаблівасці лексікаграфічнага апісання гendarна маркіраваных эмацыйна-ацэнчаных лексічных адзінак.

Гendarны аспект семантыкі слова важны для сучаснай лексікаграфіі, паколькі, з аднаго боку, фіксацыя любой прагматычнай інфармацыі робіць семантыку слова максімальна выразнай, а з другога – указвае на асаблівасці ўжывання слова ў маўленні. На сённяшні дзень у тлумачальных слоўніках “гendarныя характарыстыкі ў намінацыі асобы, прыметы, дзеяння з’яўляюцца фрагментарнымі, вельмі беднымі, а найчасцей зусім адсутнічаюць” [5, с. 119].

Асноўная частка

Матэрыялам для даследавання сталі 224 адзінкі – назоўнікі, якія выкарыстоўваюцца для эмацыйнай і ацэнчнай намінацыі мужчын і жанчын. Картажка ўкладзена метадам суцэльнай выбаркі названых адзінак з “Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы” (2016) (далей ТСБЛМ) – найноўшага тлумачальнага слоўніка, які арыентаваны “на адлюстраванне сучаснага стану лексікі і фразеалогіі беларускай літаратурнай мовы” [6, с. 3]. Адбор лексічнага матэрыялу адбываўся па наступных крытэрыях:

1) наяўнасць гendarнай семы (называнне асобы мужчынскага або жаночага полу);

2) наяўнасць эмацыйна-ацэнчнай семы, зафіксаванай праз стылістычныя паметы і / ці ў апісанні лексічнага значэння слова.

Істотнымі для выбаркі фактычнага матэрыялу сталі стылістычныя паметы, якія выкарыстоўваюцца для характарыстыкі слоў у слоўнікавых артыкулах: *груб.* (грубае), *пагард.* (пагардлівае), *зневаж.* (зневажальнае), *неадабр.* (неадабральнае), *асудж.* (асуджальнае),

незадав. (незадавальнае), *лаянк.* (лаянкавае), *іран.* (іранічнае), *жарт.* (жартаўлівае). У § 12 прадмовы да слоўніка сказана: “Гэтыя прыметы азначаюць, што слова ўтрымлівае ў сабе адпаведную эмацыйнальную, выразную ацэнку названай з’явы” [6, с. 7]. Як бачым, у пераліку стылістычных памет пераважаюць негатыўныя. Памету *жарт.* варта кваліфікаваць як прагматычна амбівалентную, г.зн. канкрэтнае эмацыйна-ацэнчнае значэнне лексемы з гэтай пазнакай выяўляецца толькі ў кантэксте (маўленчай сітуацыі). Гэта абумоўлена лексічнымі значэннямі зыходных слоў: *жарт* (забаўна выхадка, востры дасціпны выраз [6, с. 248]) і *жартаваць* (1. Весела і забаўна гаварыць, рабіць што-н. для пацехі. 2. Насміхацца [6, с. 248], а *насміхацца* – гэта “здзекліва смяцца з каго-, чаго-н.” [6, с. 471]). Адзначым, што ў пераліку стылістычных характарыстык у прадмове адсутнічаюць прыклады станоўчых эмацыйна-ацэнчаных памет, хоць у слоўнікавых артыкулах сустракаецца памета *ласк.* (ласкальнае), напрыклад: *памянш.-ласк. дачушка і дочухна, ласк. дзіцятка, ласк. матулька, ласк. цётка і цётхна, ласк. сыночак і інш.* Перавага негатыўных эмацыйна-ацэнчаных памет тлумачыцца асіметрыяй станоўчых і адмоўных эмоцый і ацэнак, а таксама моўных сродкаў іх выражэння. Адмоўныя бакі жыцця ўспрымаюцца чалавекам вастрэй і дэтальна дыферэнцыююцца ў адрозненне ад станоўчых, якія лічацца натуральнымі, бо забяспечваюць камфортнае існаванне ў сацыуме.

У слоўніку не ўказаны прынцыпы дыферэнцыяцыі названых памет і, самае галоўнае, крытэрыі кваліфікацыі слоў па тых ці іншых прыметах. Безумоўна, тлумачальны слоўнік літаратурнай мовы не павінен утрымліваць тэарэтычных абгрунтаванняў класіфікацыі функцыянальна-стылістычных памет (гэта задача стылістыкі), аднак логіка прымянення сістэмы памет мусіць быць зразумелая карыстальніку.

Як сведчыць фактычны матэрыял, некаторыя лексемы са значэннем ‘скупы чалавек’ адрозніваюцца эмацыйна-ацэнчнымі паметами (пры гэтым усе яны маюць агульную стылістычную памету *разм.*): *жмінда* (пагард.), *скнара* (без паметы), *скупечка* (неадабр.), *скупянда* (неадабр.). Згодна са слоўнікам, *пагардлівы* – ‘які адносіцца без павагі да каго-, чаго-н.’, *неадабральны* – ‘які выражае адмоўную ацэнку каго-, чаго-н.’. Атрымліваецца, лексема *скнара* не мае эмацыйна-ацэнчнай семы,

бо не маркіравана адпаведнай паметай, лексе-мы *скупеча* і *скупянда* выражаюць адмоўную ацэнку аб'екта, а *жмінда*, акрамя адмоўнай ацэнкі, ужываецца яшчэ для выказвання не-паважлівага стаўлення да скупага чалавека. На нашу думку, абсалютна ўсе разгледжаныя лексемы маюць сему 'неадабрэнне' (= нега-тыўная ацэнка), таму павінны мець памету *неадабр.* Падобныя заўвагі маюць дачыненне і да іншых гendarна маркіраваных адзінак. Так, абсалютна суб'ектыўнымі прагматычнымі характарыстыкамі з'яўляюцца паметы для наступных лексем са значэннем 'неразумны, дурны, тупы чалавек': *даўбешка* (ляянк.) (г.зн. абразлівае, грубае) і *доўбня*, *даўбня* (пагард.) (г.зн. непаважлівае); *дуб* (без паметы) (г.зн. ад-сутнічае эматыўная ацэнка аб'екта) і *пень* (па-гард.) (г.зн. непаважлівае). Лексічны матэрыял паказвае відавочную розніцу ў фіксацыі эма-тыўна-ацэначных прымет заанімічнай лексікі: *варона* (без паметы), *выдра* (груб.), *гадзюка* (ляянк.), *казяўка* (без паметы), *свіння* (неадабр.), *сабака* (ляянк.), *цяцера* (неадабр.), *чарвяк* (па-гард.) і інш. Частка заанімаў, якія ў маўленні ўжываюцца як сродкі эматыўна-ацэначнай характарыстыкі мужчын і жанчын, у слоўніку не маюць аніякіх стылістычных памет, напры-клад: *авечка*, *гніда*, *жаба*, *карова*, *кракадзіл*, *курыца*, *павук*, *п'яўка*, *слон*, *цмок* і інш.

Як адзначаецца ў навуковай літаратуры, "традыцыйны тэрмін "стылістычная памета" мае ўмоўны характар, паколькі характа-рыстыка лексікі, названая "стылістычнай", насамрэч складаецца з комплексу характа-рыстык, галоўныя з якіх функцыянальная, уласна стылістычная і канататыўная, што ўключае эматыўную, экспрэсіўную, прагма-тычную і ацэначную" [7, с. 56–57]. Пагаджа-ючыся з гэтай высновай, лічым некарэктным ужыванне тэрміна "стылістычныя паметы" ў дачыненні да эматыўна-ацэначных ха-рактарыстык слова кшталту *груб.*, *пагард.*, *зневаж.*, *асудж.*, *іраніч.*, *жарт.*, *ласк.* і пад. Стылістычная і эматыўна-ацэначная характарыстыкі слова з'яўляюцца рознымі аспектамі яго лексічнага значэння. Да стылі-стычных памет варта адносіць пазнакі тыпу *кніжн.* (кніжнае), *разм.* (размоўнае), *афіц.* (афіцыйнае), *паэт.* (паэтычнае) і пад., якія ўказваюць на сферу ўжывання лексічнай адзінкі. Эматыўна-ацэначная канатацыя не з'яўляецца стылістычнай, хаця ў нека-тых выпадках звязана са стылістычнай прыналежнасцю слова: так, размоўныя і пра-стамоўныя словы часта выражаюць не-

гатыўную эматыўную ацэнку (*балаболка*, *недарэка*, *тупагаловы*, *зацюканы*, *бурчаць*, *плявузгаць* і пад.).

Лексемы з указанымі канататыўнымі паметами будзем адносіць да прагматычна маркіраваных адзінак, бо яны дэманструюць устойлівае, сфарміраванае маўленчай практы-кай эмацыйна-ацэначнае стаўленне носьбіта мовы да адрасата: яго знешнасці, паводзін, маральных якасцей, сацыяльнай і этнічнай прыналежнасці, прафесіі, узросту, веравы-знання, палітычных поглядаў, сексуальнай арыентацыі і пад.

Аналіз фактычнага матэрыялу дазваляе сцвярджаць, што эматыўна-ацэначная сема ў структуры лексічнага значэння мае статус ка-натацыі, паколькі дапаўняе прадметна-лагічны (дэнататыўны) змест лексем. Яна фіксуецца ў слоўнікавых артыкулах як праз сістэму памет (напрыклад: *бабнік* – (разм., *неадабр.*) 'той, хто вельмі захапляецца жанчынамі; спакус-нік'; *жмінда* – (разм., *пагард.*) 'вельмі скупы чалавек, скнара'; *падла* – (разм., *зневаж.*) 'пра каго-, што-н. вельмі дрэннае, а таксама лаян-кавы, грубы зварот', так і ў апісанні лексіч-нага значэння (напрыклад: *чарвяк* – (перан., *пагард.*) 'пра нікчэмнага, *агіднага* чалавека'; *папіхач* – (разм.) 'чалавек, якім панукаюць, *зняважліва* распараджаюцца'; *лайдак* – (разм.) 'гультай, бяздзейны, *варты пагарды* чалавек'). Важна адзначыць, што ў выбранай картатэцы эматыўна-ацэначная інфармацыя пры тлу-мачэнні лексічнага значэння слова прыводзіцца фрагментарна.

Між тым гendarны семантычны кампа-нент у прааналізаваных лексічных адзінках змешчаны ў дэнатаце і выражаецца экспліцыт-на або імпліцытна.

Для многіх лексічных адзінак гendarная сема выражана яўна і адназначна, што дэтэр-мінавана граматычнай катэгорыяй роду, на-прыклад: *асталоп* (м), *вахлак* (м), *ваяка* (м), *гіцаль* (м), *прайдзісвет* (м); *багіня* (ж), *ведзьма* (ж), *сучка* (ж), *фіфа* (ж), *шчабятуха* (ж) і інш. Частка фактычнага матэрыялу прадстаўлена словаўтваральнымі парамі, напрыклад: *абар-мот* – *абармотка*, *брахун* – *брахуха*, *дурань* – *дурніца*, *ідыёт* – *ідыётка*, *сапляк* – *саплячка*, *хам* – *хамка* і інш. Разам з тым варта адзначыць, што ў лексікаграфічным апісанні слоў адсут-нічае прамое ўказанне на полавую прыналеж-насць адрасата. Замест прамых намінацый *мужчына* / *жанчына* ўжываецца гendarна нейтральная лексема з граматычным мужчын-скім родам *чалавек* (рэдка *асоба* / *пра асобу*;

той, хто / пра таго, хто; пра каго-небудзь / да каго-небудзь), напрыклад: *хам* – (разм., лаянк.) ‘грубы, нахабны чалавек’ // *хамка; гадзюка* – (разм., лаянк.) ‘пра небяспечнага, шкоднага чалавека’, *зубр* – (разм., жарт.) ‘пра буйнога спецыяліста, уплывовую асобу’; *паразіт* – (перан., пагард.) ‘той, хто жыве з чужой працы, дармаед’ // *паразітка; барахло* – (перан., лаянк.) ‘пра каго-, што-н. дрэннае’. Глумачэнне фемінітываў у слоўніку не падаецца. У рэдкіх выпадках (у 11 лексем з 224) у апісанні лексічнага значэння былі ўжытыя гендарныя маркеры *мужчына, муж / жанчына, дзяўчына*, напрыклад: *баба* – (перан., разм., іран.) ‘пра слабахарактарнага, нясмелага мужчыну’, *раганосец* – (разм.) ‘муж, якому здраджвае жонка’; *выдра* – (разм., груб.) ‘пра злую няўжыўчывую жанчыну’, *фіфа* – (разм., пагард.) ‘пустая, легкадумная дзяўчына або жанчына, якая думае толькі пра сваю знешнасць’.

Імпліцытны гендарны кампанент, які працягваецца як маскулінны або фемінны толькі ў канкрэтным камунікатыўным акце, уласцівы наступным групам слоў: па-першае, назоўнікам агульнага роду тыпу *балаболка, гуляка, жмінда, мямля, пісака, прыблуда, разява, скупянда, спрытнога, шэльма* і інш.; па-другое, апелятыўным лексемам з марфалагічным жаночым, мужчынскім або ніякім родам кшталту *даўбешка (ж), дрэнь (ж), падла (ж), скаціна (ж), сука (ж), цемната (ж); дуб (м), зубр (м), папуай (м), пень (м), сволач (м), таўкач (м); барахло (н), траplo (н), чучала (н)* і інш.; па-трэцяе, назоўнікам са значэннем зборнасці (часцей ніякага роду), напрыклад, *быдла (н), зброд (н), зграя (ж), кодла (н)*.

Прадэманструем некаторыя асаблівасці ўжывання гендарна маркіраваных эматыўна-ацэначных назоўнікаў агульнага роду з улікам іх прагматычнай інфармацыі, пад якой разумеюць “звесткі пра ўмовы ўжывання моўнага знака” [8, с. 3]. У ТСБІМ лексема *сцярва* (разм., лаянк. ‘подлы чалавек, нягоднік’) падаецца без аніякіх граматычных пазнак роду, аднак у папярэдніх выданнях гэтага слоўніка яна мае граматычныя паметы *м. і ж.* У “Граматычным слоўніку назоўніка” (2013) указаны і мужчынскі, і жаночы род, але прыводзіцца парадыгма толькі жаночага роду: *Р сцярвы, ДМ сцярве, сцярву, сцярвай (-аю)* [9, с. 1025]. У “Вялікім слоўніку беларускай мовы” Ф. А. Піскунова змешчаны скланавыя канчаткі граматычных формаў двух родаў: *м. Д-у, Т-ам, М. -е; ж. ДМ-е, Т. -ай/-аю* [10, с. 966]. Маўленчая практыка дэманструе пераважнае ўжыванне гэтай лек-

семы для эматыўна-ацэначнай характарыстыкі паводзін жанчын, што пацвярджаецца мноствам кантэкстаў з электроннага рэсурсу Нацыянальнага корпусу беларускай мовы (Беларускі N-корпус) (<https://bnkorus.info/korpus.html>), напрыклад: *А чорт яе ведае. Сцярва, адным словам. Зінкаю, нібыта, завуць. Яе ўся шафярня байца.* (С. Грахоўскі. А маці не спіць); *І не трэба намякаць, што я – сцярва, а ты – святы. Колькі разоў я да цябе ў бальніцу прыходзіла, колькі цябе прасіла? Ты ж як слуп на сваім стаяў... Нават не размаўляў са мною.* (Л. Рублеўская. Сэрца мармуровага анёла); *Сцярва! – закрывала Каця і дала сястры добрага выспатка.* (А. Бязлепкіна. Нястрымнае жаданне). Ілюстрацыі з ацэнкай мужчынскага полу адзінкавыя, напрыклад: *Кінь, Андрэй, не рабі глупства. Прыхавай сваю злосць на потым. Буры ты не падымеш. З-за аднаго такога сцярвы... не варта!* (Я. Колас. Вайна вайне). Прыклады паказваюць, што феміннасць з’яўляецца дамінантнай гендарнай семай для лексемы *сцярва*, што, безумоўна, варта адлюстраваць у лексікаграфічных даведніках.

На прыкладзе кантэкстаў Беларускага N-корпусу былі заўважаны пэўныя гендарныя асаблівасці ўжывання лексем *жмінда, скнара, скупеча* і *скупянда* для эматыўнай ацэнкі чалавечай скупасці. Словы *жмінда* і *скнара* выкарыстоўваюцца ў маўленні як для намінацыі мужчын, так і жанчын, што пацвярджае іх кваліфікацыю як назоўнікаў агульнага роду, напрыклад: *Гэты снакой Міхася, ці, лепі сказаць, яго цярплінасць, найлепіш умеў выпрацоўваць бацька, стары ўдавец Селівей. Жмінда быў неймаверны!* (Я. Брыль. У Забалаці днее); *Злая жмінда!.. Это ж, – па ведаміў ічыра, – з-за прагнасці сваёй Ганну выпхнула з дому! Жыццё дзеўцы пакалечыла!* (І. Мележ. Завей, снежань); *“Вот жа скнара!” – пачала злавацца Сцепаніда. Яна пазнавала колішняга Карнілу, у якога, казалі, зімой снегу не выпрасіш.* (В. Быкаў. Знак бяды); *Дар’я была кабета злосная, скнара. Праз гэтую яе сквапнасць ды злосць, кажучь людзі, у яе і сын уцёк з дому.* (Я. Бяганская. Сустрэча з морам). Усе кантэксты з лексемамі *скупеча* і *скупянда*, выяўленыя ў беларускім корпусе, ілюструюць негатыўнае эматыўна-ацэначнае стаўленне толькі да мужчын, напрыклад: *Звялі маладзіцу са свету сямейнікі. Свёкар быў звер і скупеча. “зямля ненаежная”. А сыноч – яшчэ горшы.* (Я. Брыль. Марыля); *Скупеча ты і жмінда не-сусветная! – падумаў Сцяпан. – І маею усяго ўволю, і сам сабе ўсяго шкадуеш. Морыш сям’ю*

голадам. (Г. Далідовіч. Гаспадар-камень); *Майстрам ён быў умелым, але і скупяндой – такіх свет не бачыў! Прагнасьць зрабіла яго і нячыстым на руку.* (Я. Пархута. Зямля бацькоў нашых). Прыведзеныя ілюстрацыі дазваляюць гаварыць пра дамінантную маскулінную гендарную сему для лексем *скупеча* і *скупянда*, што таксама варта зафіксаваць у слоўніках.

Як бачым, прагматычная інфармацыя аб гендарна маркіраваных эматыўна-ацэнных лексемах выяўляецца ў маўленні праз пэўныя асацыяцыі, меркаванні, уяўленні носьбітаў мовы пра асоб мужчынскага і жаночага полу, але не ў поўным аб'ёме фіксуецца ў слоўніку у апісанні лексічнага значэння слова або праз канатацыйныя паметы.

Заклучэнне

Такім чынам, як паказаў аналіз фактычнага матэрыялу, лексікаграфічнае апісанне гендарна маркіраванай эматыўна-ацэннай лексікі на сённяшні дзень патрабуе дапрацоўкі. Па-першае, неабходна удакладніць сістэму лексікаграфічных памет і распрацаваць прыцыпы прымянення памет да эматыўна-ацэнных лексем. Па-другое, у слоўнікавых артыкулах (у апісанні лексічнага значэння, паметах і ілюстрацыйным матэрыяле) мусіць быць адлюстравана прагматычная інфармацыя пра ўжыванне гендарна маркіраваных эматыўна-ацэнных лексем (кшталту *ўжываецца пераважна ў дачыненні да жанчын*). Такія дадзеныя выяўляюцца ў сучасных маўленчых кантэкстах і па выніках правядзення псіхалінгвістычных эксперыментаў з носьбітамі мовы. Па-трэцяе, варта ўстанавіць па магчымасці поўны аб'ём гендарна маркіраванай эматыўна-ацэннай лексікі беларускай мовы. Вынікам даследавання гэтага пласта лексічнай сістэмы беларускай мовы можа стаць слоўнік прагматычнага тыпу, які будзе запатрабаваны як для карыстальнікаў мовы ў жывой і віртуальнай камунікацыі, так і для ўдасканалення Нацыянальнага корпусу беларускай мовы, правядзення дакладных і аб'ектыўных лінгвістычных экспертыз.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Кирилина, А. В.* Лингвистические гендерные исследования / А. В. Кирилина, М. В. Томская // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2(23). – С. 112–132.
2. *Кирилина, А. В.* Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании / А. В. Кирилина // Вест-

ник Военного университета. – 2010. – № 4(24). – С. 11–114.

3. *Булыгина, Е. Ю.* Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 5–19.

4. *Скляревская, Г. Н.* К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? / Г. Н. Скляревская // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания : сборник научных статей / ред. Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 6–11.

5. *Трипольская, Т. А.* Гендерный фактор в семантике эмотивно-оценочного слова / Т. А. Трипольская // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2006. – № 4. – С. 117–124.

6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / уклад. : І. Л. Капылюў [і інш.] / пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.

7. *Скляревская, Г. Н.* К вопросу о стилистических пометах как средстве экспликации языковой оценки / Г. Н. Скляревская // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тезисы докладов Международной научной конференции, Екатеринбург, 15–17 октября 2019 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГАОУВО “Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина”, Уральский гуманитарный институт, Департамент “Филологический факультет”, Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. – Екатеринбург : Издательский дом “Ажур”, 2019. – С. 56–58.

8. *Крысин, Л. П.* Типы прагматической информации в толковом словаре / Л. П. Крысин // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2015. – Том 74. – № 2. – С. 3–11.

9. Граматычны слоўнік назоўніка / Нац. АН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., філ. “Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы”; уклад. Г. У. Арашонкава, В. П. Русак. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Бел. навука, 2013. – 1245 с.

10. *Піскуноў, Ф. А.* Вялікі слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія, акцэнтацыя, парадыматыка: каля 223 тысяч слоў / Фёдар Піскуноў. – Мінск : Зміцер Колас, 2012. – 1196 с.

Паступіў у рэдакцыю 22.11.2021 г.

Кантакты: dovgal_av@msu.by

(Доўгаль Алеся Валер'еўна)

Douhal A. V. GENDER-MARKED EMOTIVE-EVALUATIVE LEXEMES: THE PROBLEM OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION.

The article touches upon the problem of emotive-evaluative connotation of gender-marked lexical

units of the Belarusian language and their description in lexicographic sources. It has been found out that emotive-evaluative labels in lexicographic editions require clarification and strict differentiation. It is noted that the gender component of the semantics of emotive-evaluative lexemes is expressed explicitly or implicitly in the denotative part of the lexical meaning; the

emotive-evaluative component is connotation. The need to clarify gender characteristics of emotive-evaluative nominative units is substantiated, taking into account modern contexts of their use.

Keywords: gender-marked lexeme, gender seme, emotive-evaluative lexeme, emotive-evaluative seme, emotive-evaluative connotation, stylistic labels, Belarusian language.

УДК 811.111

НОВАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. В. Рубанова

кандидат филологических наук, доцент
Могилевский государственный университет
имени А. А. Куляшова

В статье рассматриваются особенности создания и функционирования новой лексики английского сленга, возникшей за последние пять лет, с учетом ее территориальной, расовой, социально-профессиональной дифференциации. Выявляются основные направления номинации в современном британском и американском сленге.

Ключевые слова: неологизм, сленг, территориальная дифференциация сленга, социально-профессиональная дифференциация сленга, расовая дифференциация сленга.

Введение

Как известно, лексика языка постоянно изменяется и развивается. Около 1000 новых слов появляется в английском языке каждый год. По данным Global Language Monitor, эта цифра еще больше (5400) [1]. При этом надо заметить, что пополняется не только литературный английский язык, но и его нелитературные подсистемы, в том числе сленг. С одной стороны, многие слова сленга не выходят за границы данного пласта. Примером могут служить английские сленгизмы *bones (dice)* и *beat it*, первый из которых впервые употребил Дж. Чосер, а второй У. Шекспир. С другой стороны, отмечаются и случаи перехода слов из сленга в стандарт. Такова судьба слов *O.K.*, *jazz*, *gay* и др. [2, с. 6]. Цель данного исследования – установить наиболее активно пополняющиеся разновидности сленга с учетом его стратификационной вариативности и охарактеризовать основные тематические группы неологизмов данных разновидностей.

Следуя идеям В. Лабова, который отмечал, что “it now seems clear that one cannot make any major advance towards understanding the mechanism of linguistic change without serious study of the social factors which motivate linguistic change” (“сегодня очевидным явля-

ется тот факт, что невозможно приблизиться к пониманию механизма языковых изменений без серьезного изучения социальных факторов, которые обуславливают лингвистические изменения”. – *перевод наш*) [3, с. 201], можно говорить об актуальности социолингвистического направления в исследовании неологизмов.

Понятием “неологизм” пользуются довольно условно, так как в современной лингвистике нет единого подхода к определению временного отрезка, являющегося критерием отнесения единицы языка к категории новой лексики. Объектом данного исследования являются сленгизмы, период возникновения которых ограничен 2015–2020 гг. Таким образом, фактический материал исследования составляют 352 сленгизма, отобранные методом сплошной выборки из онлайн словаря Дж. Грина [4].

Основная часть

Анализ частеречной принадлежности сленгизмов выборки показывает, что среди новых единиц сленга доминируют имена существительные (220 примеров). Доля прилагательных и глаголов приблизительно совпадает (55 прилагательных, 53 глагола). Кроме того, в выборку входят 11 устойчивых сочетаний, 7 наречий, 5 междометий, 1 суффикс.

Анализ помет позволяет сделать вывод, что за последние пять лет наибольшее количество сленгизмов возникло в британском сленге (53,97% от общего количества). Менее активно пополняется американский сленг (18,75%). В австралийском сленге (7,95%) неологические процессы протекают активнее, чем в южно-африканском сленге (0,56%) и сленге Вест-Индии (1,42%). На территории Великобритании проявляет активность только одна региональная разновидность сленга – шотландский сленг (3,94%). Из 352 проанализированных сленгизмов 12,78% неологизмов не ограничены территориально. Рассмотрим неологизмы наиболее активно развивающихся территориальных разновидностей сленга: британского и американского сленга.

Как известно, сленг – это результат стратификационной и стилистической вариативности языка. Основная единица стратификационной вариативности языка – языковой коллектив, т. е. совокупность социально взаимодействующих индивидов, обнаруживающих определенное единство языковых признаков. Под ситуативной вариативностью понимают

дифференцированное использование языка в зависимости от социальной ситуации [5, с. 16–18].

Результаты анализа социально-профессиональной дифференциации новой лексики указывают на тот факт, что языковое творчество сосредоточено в рамках ограниченного количества групп. Сопоставительный анализ работ разных исследователей доказывает, что перечень таких групп со временем изменяется (см. работы С. Флекснера, Р. Чепмена, В. И. Заботкиной).

Так, С. Б. Флекснер в предисловии к словарю “Dictionary of American Slang”, изданному в 1975 г., называет 13 основных групп, которые наиболее активно пополняют сленг. Среди них бродяги, железнодорожные рабочие, бейсболисты и поклонники бейсбола, работники шоу-бизнеса, подростки и старшеклассники, студенты, финансисты, джаз-музыканты и их поклонники, наркоманы, армия, преступный мир, военный и торговый флот, иммигранты [6, с. 7].

Р. Чепмен, анализируя социолингвистические аспекты сленга, обращает внимание на изменение в конце XX в. традиционных социальных групп, являющихся донорами сленга: “In the 1990s, we must note that some of these traditional spawning grounds for slang have lost their productivity, and other subcultures have emerged to replace them” (“В 1990-х гг. мы должны отметить, что некоторые из этих традиционных источников сленга потеряли свою продуктивность, и на их место пришли другие субкультуры”. – перевод наши) [7, с. 11]. Отмечая вклад С.Б. Флекснера и Э. Партриджа в исследование данного вопроса, Р. Чепмен утверждает, что сленгизмы, создаваемые бродягами, железнодорожными рабочими, цыганами, ковбоями, уже не обогащают сленг. Нарушители правопорядка и полицейские продолжают вносить свой вклад в развитие сленга. Подростки и студенты также используют инновации в сленге. Снижение активности в создании сленга отмечается в среде военно-морского и торгового флота. Изменения коснулись и музыкальных направлений, которые сменяли друг друга. Возросла роль спорта в сфере сленговой номинации, особенно в футболе и баскетболе [7, с. 11–12].

Анализ фактического материала данного исследования свидетельствует, что создателями английского сленга в последние пять лет выступают представители криминального мира (22,44%) и молодежь (11,65%). Среди

сленгизмов, созданных представителями первой группы, преобладают единицы с пометой *drugs* “наркотики”. Среди сленгизмов второй группы выделяются единицы с пометой *teen* “подростки”.

Приведенные выше данные о количестве неологизмов, возникающих в указанных группах, тем не менее уступают объему сленгизмов, созданных представителями чернокожего населения. Сленгизмы с пометой *Black*, отражающие расовую принадлежность носителей сленга, составляют 48,29% всей выборки. Если учитывать тот факт, что сленг развивается в группах людей с наиболее сильным стремлением к самоидентификации, то данная тенденция, по-видимому, наглядно отражает социальные процессы, происходящие в современном обществе. Следует отметить, что среди сленгизмов с пометой *Black* 23,5% содержат пометы *drugs* “наркотики”, *gang* “букв. банда”, *und*. “криминальное сообщество”.

Анализ 151 сленгизма с пометой *UK Black* свидетельствует, что за последние 5 лет в сленг указанной группы вошли 15 наименований оружия. Среди них 11 наименований огнестрельного оружия (*broom* ‘a shotgun’, *bruck-back* ‘a shotgun’, *coke can* ‘a variety of gun’, *mash* ‘a gun’, *mashe* ‘a pistol, a weapon’, *glock* ‘a gun’, *leng* ‘a gun’, *brackey* ‘a shotgun’, *Polka* ‘a variety of gun’, *blam* ‘a shotgun’, *whoosh* ‘a gun’) и 4 наименования холодного оружия (*gora* ‘a knife’, *bassy* ‘a long knife, e.g. a machete’, *dag* ‘a dagger’, *flip-flip* ‘a flick-knife’). В эту группу можно отнести и сленгизмы *haunted* ‘of a weapon, used in a (fatal) shooting’, *skududu* ‘echoic of the sound of an automatic pistol firing’.

Среди наименований различного рода действий выделяются глаголы и существительные (13), которые обозначают физическое нападение: *scuff* ‘to fight’, *war* ‘to attack’, *drummer* ‘to hold up’, *clash* ‘a fight’, *scuff* ‘beating’, убийство: *k* ‘to kill’, *brup*, *corn*, *skeng*, *bullet* ‘to shoot’, *ching*, *qwef* ‘to stab’, *ching* ‘a stab’.

Противостояние представителей криминального мира и полицейских отражается в появлении новых наименований для представителей криминального мира (*gem* ‘a member of a rival gang’, *Y.G.* ‘a junior member of a gang’, *k* ‘killer’) и правопорядка (*jakes* ‘a police officer’, *undie* ‘a plain-clothes, undercover police officer’, *sid* ‘a plain-clothes, undercover police officer’). Примечательно, что наименования других профессий не зафиксированы.

Распространение наркотических веществ также приводит к появлению множества сленгизмов. В работе В.И. Заботкиной, материалом для которой послужила новая лексика 1970–1980 гг., указано, что “за последние два с половиной десятилетия в английском языке появилось около 50 слов, связанных с наркоманией, которые образуют новые синонимические ряды и антонимические пары” [8]. Данные словаря за последние пять лет показывают, что только среди сленгизмов с пометой *UK Black* зафиксирована 21 новая единица, связанная с наркоманией. Среди них доминируют названия наркотиков: *am* ‘amnesia, a variety of cannabis/marijuana’, *piff* ‘marijuana; thus as adj. strong’, *Tim Hutton* ‘powdered cocaine’, *Tommy Lee* ‘crack cocaine’, *whitney* ‘crack cocaine’, *bobby* ‘heroin’, *buj* ‘heroin’, *champs* ‘crack cocaine’, *spinach* ‘marijuana’, *bosh* ‘in the manufacture of crack cocaine, a mixture of cocaine and baking powder’, *bits* ‘small measures of a given drug’. Кроме того, выделяются наименования состояния наркотического опьянения: *burse* ‘heavily intoxicated with drink and/or drugs’, *waved* ‘intoxicated on drink or drugs’, *blackup* ‘heavily intoxicated by a drug’; названия, связанные с производством и распространением наркотиков: *rex* ‘a Pyrex mixing bowl, as used in mixing powdered cocaine and baking soda to make crack’, *jug* ‘to deal crack cocaine, thus jugging, dealing’, *cat* ‘to amass money (from drug selling)’, *dash* ‘to pass, esp. to hand over drugs’, *upsuh* ‘the countryside, in the context of setting up a base for temporary drug-selling’, *days* ‘to use a day return rail fare for the purposes of ‘country lines’ drug dealing’.

Номинативная направленность описанной выше группы коррелирует с направлениями номинации поля “Наркотики”, которое не ограничено расовой принадлежностью носителей британского сленга. Среди неологизмов с пометой *UK drugs* установлены еще 16 сленгизмов, которые также служат для обозначения наркотиков (*amnesia* ‘a variety of marijuana’, *Newcastle-upon-Trent* ‘a portion of cocaine’, *tarry* ‘cannabis’, *cheesy* ‘a variety of marijuana’, *cornflakes* ‘the drug special K’, *katie* ‘a kilogram of a powdered narcotic’, *Katie Price* ‘the drug ‘spice’, *racket* ‘cocaine’, *spice* ‘a form of synthetic cannabis’) и явлений, связанных с производством, потреблением и распространением наркотиков (*vas* ‘vaseline, as used in drug packaging to mask the smell of marijuana or cocaine’, *dab* ‘to smoke heated cannabis oil through a glass pipe cheeks’, *cheeks* ‘to secrete

packets of drugs between the buttocks’, *cuckoo* ‘for a young city person to travel to the country where they set themselves up as a temporary drug dealer in a borrowed house or flat’, *O.T.* ‘drug dealing outside the usual metropolitan centres; the dealers – who set themselves in a borrowed flat or house up for a short period – are often young’). То есть 37 из 190 новых сленгизмов британского сленга (около 20%) служат для обозначения реалий, связанных с наркотиками.

Обобщая результаты анализа 151 неологизма с пометой *UK Black*, следует отметить, что 55 сленгизмов (приблизительно третья часть) отражают противоправные объекты и действия, т. е. направлены на осуществление номинативных потребностей криминального мира.

По данным словаря Дж. Грина, объем неологизмов американского сленга (66) меньше британского (190).

Как отмечает А.Д. Швейцер, *Black English* возник на пересечении трех измерений – социально-классового, этнического и территориального (жили в основном изначально в штатах Миссисипи, Алабама, Северная и Южная Каролина, Джорджия и относились к бедным слоям населения). В XX в. начинается миграция в города с юга на север и запад в “черные гетто” Гарлема в Нью-Йорке, Уотс в Лос-Анджелесе. *Black English* со временем становится социально-этническим диалектом [5, с. 73].

Среди сленгизмов с пометой *US Black* и *US Black gang* (14 единиц) не зафиксированы названия противоправных действий и представлено одно наименование оружия (*chopstick* ‘an automatic weapon’). Среди указанных сленгизмов отмечаются номинации расовой принадлежности людей (*Barbie* ‘a stereotypical white girl’, *wipipo* ‘white people’, *hotep* ‘a term indicative of an individual’s identification with Afrocentricity, usu. found as a neg.’), состояний (*drizz* ‘drunk’, *smizz* ‘intoxicated’), предметов (*designer* ‘an item of designer clothing’, *roots* ‘boots or shoes’, *silky* ‘a bandana’, *rollies* ‘a Rolex watch’, *Mazzi* ‘a Maserati automobile’).

Из 66 американских неологизмов 12 единиц связаны со сферой наркотиков: *drop dead* ‘fentanyl’, *fronto* ‘a natural leaf used for rolling marijuana cigarettes (rather than chemically imbued papers)’, *Vike* ‘Vicodin (Hydrocodone/paracetamol)’, *barr* ‘the depressant benzodiazepine, e.g. Ativan, Halcion, Librium’, *cinnamon* ‘a powerful variety of heroin’, *thousand* ‘one kilo of a given drug’, *Trump* ‘methamphetamine’ и др.).

Учитывая данные Дж. Дилларда об основных тематических сферах Black English в американском варианте английского языка, которые приводит А. Д. Швейцер (1 религия и церковь; 2 музыка; 3 преступный мир [5, с. 159]), очевидно изменения в направлении номинативных процессов в данной группе за последние пять лет.

Заключение

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что новая лексика английского сленга в последние пять лет пополняется в первую очередь за счет существительных (62,5%). С учетом территориальной дифференциации наибольшее количество сленгизмов зафиксировано в британском сленге. Языковое творчество в сленге сосредоточено в рамках ограниченного количества групп, а перечень таких групп со временем изменяется. Социально-профессиональная дифференциация новой лексики свидетельствует об активном участии в языковом творчестве представителей криминального мира и подростков. Ведущая роль в сленгообразовании принадлежит носителям так называемого Black English. Среди сленгизмов с пометой *Black* 23,5% содержат пометы *drugs* “наркотики”, *gang* “букв. банда”, *und*. “криминальное сообщество”. Значительная часть неологизмов с пометой *UK Black* (приблизительно третья часть) отражает противоправные объекты и действия, т. е. направлена на осуществление номинативных потребностей криминального мира. В последние пять лет продолжается активный рост сленговых номинаций в сфере наркотиков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Bodley, A.* How new words are born? / A. Bodley [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/media/mind-your-language/2016/feb/04/english-neologisms-new-words>. – Дата доступа: 04.09.2021.
2. Introduction // The Oxford Dictionary of Modern Slang / [compiled by] J. Ayto, J. Simpson. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – P. 5–7.
3. *Labov, W.* The Study of Language in Its Social Context / W. Labov // Sociolinguistics. – England : Penguin Education, 1976.
4. *Green, J.* Green’s Dictionary of Slang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://greensdictofslang.com>. – Дата доступа: 23.05.2021.
5. *Швейцер, А. Д.* Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
6. Dictionary of American Slang / compiled and ed. by H. Wentworth and S.B. Flexner. – New York : Tomas Y. Crowell Publishers, 1975. – P. 6–15.
7. Preface to the Second Edition // Dictionary of American Slang / [re-written and] ed. by Robert L. Chapman. – New York : Harper Collins Publishers Inc., 1997. – P. 7–15.
8. *Заботкина, В. И.* Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М. : Высш. шк., 1989. – 124 с.

Поступила в редакцию 11.10.2021 г.

Контакты: rubanova@msu.by

(Рубанова Евгения Викторовна)

Rubanova Y. V. NEW VOCABULARY IN MODERN ENGLISH SLANG: SOCIOLINGUISTIC ASPECT.

The main tendencies of slang development are viewed regarding its territorial, social, professional, racial differentiation during the period of 2015–2020. The main naming tendencies are revealed in the British and American modern slang.

Keywords: neologism, slang, territorial differentiation of slang, social differentiation of slang, professional differentiation of slang, racial differentiation of slang.

УДК 791.4

РЕАЛИТИ-ШОУ В КИТАЙСКОМ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Ли Чжэн

аспирант

Белорусский государственный университет

Реалити-шоу – одна из наиболее популярных форм развлекательного видеоконтента на китайском телевидении. В статье отмечены свойственные реалити-шоу особенности, отличающие их от других видов телешоу: сочетание игровой и интеллектуальной составляющих в реальном времени. Китайские реалити-шоу во многом имеют заимствованный характер. Однако, по мнению автора, в последнее время они нацелены на популяризацию традиционных историко-культурных ценностей. Это позволяет им воздействовать на духовно-нравственную культуру аудитории и свидетельствует об инновационности развлекательного телеконтента Китая.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, развлекательное телевидение Китая, реалити-шоу.

Введение

Современный социум характеризуется тотальным влиянием массовой культуры, которая активно распространяется с помощью СМИ и в значительной степени формирует потребительское мировоззрение зрительской аудитории. Тем не менее такие развлекательные типы программ, как реалити-шоу, предоставляют зрителям не только развлечение, но и в определенной степени удовлетворяют познавательные, коммуникационные и психологические потребности. Широкая распространенность реалити-шоу в медийном поле актуализирует проблему изучения психологических и историко-социальных аспектов этого феномена массовой культуры на национальном уровне.

Наиболее прочной связью с аудиторией и мощным воздействием на нее характеризуется аудиовизуальная коммуникация. Телевидение в Китае появилось довольно поздно, но развивалось динамично, и в настоящее время по числу телевизионных приемников, количеству

зрителей и объему теле вещания страна занимает первое место в мире.

Китайское телевидение является главным пропагандистским инструментом Коммунистической партии Китая. Политические трансформации в КНР в XX – начале XXI вв. привели к некоторым качественным изменениям роли телевидения в политической жизни страны. Оно стало оказывать сильнейшее влияние на общественно-политические предпочтения граждан, их образ мысли и досуг.

В настоящее время на телевидении КНР отмечается стремительный рост количества развлекательных программ. Производимый аудиовизуальный медиаконтент характеризуется шаблонностью, унифицированностью. Однотипные телешоу нередко демонстрируют шаблонные сюжеты и нацелены на один и тот же социальный сегмент зрителей, независимо от географической и национальной принадлежности. Это актуализирует необходимость научного исследования китайского телевизионного контента в контексте исторических и актуальных социокультурных процессов и реалити-шоу как содержательного компонента аудиовизуальных СМИ.

Основная часть

Средства массовой коммуникации являются составными компонентами и основными “передатчиками” массовой культуры вследствие высокой степени их распространения. Массовая культура становится средством формирования и стимуляции потребительского спроса: какой-либо продукт считается престижным и ценным только тогда, когда он становится предметом массового спроса. Массмедиа играют роль проводников между отдельным человеком и сообществом в целом, обеспечивая любому индивиду возможность участвовать в коммуникационном процессе, заявлять о себе в публичном пространстве. Таким образом, массмедиа можно рассматривать как важнейшую составляющую социализации человека, транслирующую общественные ценности, определяющую образ жизни и стиль поведения в социуме.

Развлекательный телевизионный контент, по мнению С. Н. Акинфиева, стал приоритетным как по зрительским предпочтениям, так и по разработке новых жанров, форматов. Основными причинами развития развлекательного телеконтента являются “коммерциализация информации, превращение ее в конкурентоспособный продукт и глобальные тенденции

усиления игрового характера телевидения с его юмористической, гедонистической и рекреационной составляющими” [1, с. 9].

Развлекательная телеиндустрия Китая прошла путь от заимствования и шаблонности до создания собственного контента, соответствующего интересам национальной аудитории. Производители китайских реалити-шоу были ориентированы на зарубежные образцы развлекательных передач, сериалов, шоу, более тесное взаимодействие с мировым медиарынком и заимствование иностранных технологий. В китайском обществе преобладание “чужого” телеконтента вызывает озабоченность. Национальное телевидение стало стремиться к более качественному отображению социального взаимодействия.

Вопросами содержательной составляющей развлекательного телепродукта в КНР занимаются не только непосредственно его создатели, но и органы государственного управления, которые регулируют социальное наполнение аудиовизуальных программ, контролируют распространение идейно-эстетических ценностей современного Китая, в том числе и в развлекательном телеконтенте, ориентируя данный телеконтент на укрепление чувства национальной гордости, уважения к многовековым национальным культурно-эстетическим традициям страны.

Так, в нормативных документах о СМИ Китайской Народной Республики указано, что телевизионные станции должны повышать качество и запрещать выпуск и трансляцию программ, которые содержат клевету и оскорбления людей, пропагандируют непристойное поведение и насилие. В телепрограммах поощряется демонстрация и пропаганда национальной и духовной культуры; эффективная реакция на социальные проблемы современного китайского общества; содержание, способствующее повышению международного влияния китайской культуры; популяризация истории КНР; распространение идей социальной ответственности, взаимопомощи, благочестия [2].

Ценностный смысл китайских реформ сконцентрирован в идеологеме так называемой “китайской мечты”, сущность которой заключается в “идее сплоченности китайской нации посредством коллективизма, патриотизма, культурных традиций китайской истории и цивилизации” [3, с. 17]. Однако в настоящее время в китайском социуме все чаще проявляются духовно-нравственные проблемы: ис-

кажение традиционных нравственных норм и ценностей, ориентация на материальное благополучие, преобладание индивидуализма и эгоизма, равнодушие к окружающим. Игнорируются основополагающие национальные добродетели: милосердие, добропорядочность, праведность, мудрость, верность.

Распространение потребительской культуры, расширение сферы телевизионных развлечений, удовлетворение растущих потребностей зрительской аудитории в игровом телеконтенте обусловило рост популярности телевизионных реалити-шоу. Для реалити-шоу как формы телевизионного контента характерны: отсутствие сценария, выход в эфир с первого дубля, наблюдение за героями, “обычными” людьми, не имеющими опыта участия в игровом состязании, а также условия съемок, максимально приближенные к реальным (в некоторых случаях создание экстремальных ситуаций или условий борьбы за жизнь). Данные особенности реалити-шоу позволяют телепродюсерам и режиссерам “отбирать самые зрелищные моменты, тем самым подогревая интерес аудитории к происходящему на экране” [4, с. 92]. Благодаря сочетанию разнообразных художественно-образительных элементов (реальных фактов, напряженных моментов, демонстраций талантов, спортивных номеров, интерактивного взаимодействия с аудиторией) развлекательные реалити-шоу, несомненно, являются самым популярным типом шоу и собирают наиболее широкую аудиторию.

Исходя из этого, перед авторами реалити-шоу стоит важная стратегическая задача – создание новой модели телевизионного развлечения с учетом национальных особенностей КНР, сохранение гармонии между развлекательностью и возрождением культурного наследия китайской цивилизации, уважение к традициям и социальным ценностям КНР. По нашему мнению, современные китайские реалити-шоу “ищут способы повышения культурной коннотации, передачи положительной энергии, достижения баланса между развлекательными элементами современной культуры и традиционной культурной коммуникацией” [5, с. 100].

Философской и идеологической основой китайской мечты, воплотившей традиции и менталитет нации, является *конфуцианство*. Конфуцианство как этико-политический дискурс подчеркивает культурную и философскую уникальность Китая. В силу этого в

настоящее время оно становится частью создания позитивного имиджа КНР внутри страны и за рубежом. Основные положения фило-софско-этического учения Конфуция активно продвигаются современными китайскими телешоу, в том числе и реалити-шоу.

Несмотря на то что структура китайских реалити-шоу не отличается от западных аналогов и нередко заимствована, тем не менее они обладают национальной спецификой, выполняя важную социальную функцию – формирование культуры человеческих взаимоотношений.

Так, целью популярного реалити-шоу *“Куда идет папа”* стало возрождение конфуцианских традиций в семейном воспитании и популяризация роли отцовства. В передаче участвуют пять известных отцов, работающих в разных сферах, которые отправляются со своими маленькими детьми “на прогулку” (например, в деревню), и за их приключениями с интересом следят телезрители. Участники реалити-шоу получают возможность выражать свои эмоции в отношениях с близкими людьми. Зрители видят на телеэкранах отцов и детей, наслаждающихся каждым моментом совместного отдыха во время прогулок по самым неожиданным местам. Так, в одной из передач среди заснеженных гор они согреваются, сидя у костра, и ведут откровенный разговор.

Основой реалити-шоу *“Циклон сяоцзы”* (“Циклон детей”, “Циклон сыновей”) стало обращение к идее “сыновней почтительности” как ядру и краеугольному камню традиционной китайской культуры, этическому кодексу, регулирующему поведение людей во всех сферах жизни. Участниками телепрограммы стали известные китайские певцы, актеры, спортсмены, которые жили с родителями на своей родине в течение недели. На протяжении этого времени они проявляли “сыновнюю почтительность” не только к своим родителям, но и к их немолодым гостям. В телепрограмме были восстановлены аутентичные условия жизни в родительском доме не только потому, что он является “корнем жизни” и несет немало хороших воспоминаний в отношениях между родителями и детьми, но и для того, чтобы показать, что в каждой семье имеются свои традиции выполнения сыновнего долга.

В развлекательном проекте *“Чтение письма”* в художественной манере читаются письма китайских солдат времен китайско-японской войны. Эти письма имеют большую культур-

ную и историческую ценность: раньше к ним имел доступ ограниченный круг специалистов. Каждое письмо – это особая страница культурно-исторического наследия, которая раскрывает национальный менталитет жителей Китая.

Письма, озвученные во время телепрограммы, ведущие передают семьям солдат, которые писали их, что пробуждает коллективную эмоциональную память о военном лихолетье. Героический дух китайской нации, проявленный во время войны, способны передавать не только исторические книги, но и личные письма обычных солдат. Благодаря этим простым текстам с обыденным содержанием зрители в очередной раз убеждаются, что никогда нельзя забывать уроки истории.

Успех реалити-шоу *“Звук”* обусловлен уникальностью художественной идеи и ориентацией исключительно на китайского зрителя. Шоу посвящено дублированию и озвучиванию в сфере анимации и компьютерных игр и, соответственно, актерам-дублерам и аниматорам, малоизвестным широкой публике. В основе содержания телепрограммы – озвучивание эпизодов из различных художественных фильмов. Эпизоды выбираются из произведений, относящихся к классике китайской и мировой кинематографии.

Поскольку целевую аудиторию шоу “Звук” составляют люди, интересующиеся классическим искусством и обладающие определенным культурным уровнем и эрудицией, можно отметить и явный элитарный уклон этого реалити. К отличительным особенностям шоу “Звук” можно отнести и отсутствие связности между действующими лицами: в программе “Звук” ведущий и другие актеры поощряют участников независимо от уровня их способностей, представляя главной целью передачи демонстрацию их дикторской техники и таланта” [6, с. 27].

Шоу *“Желаемая жизнь”* демонстрирует стремление многих современных людей по мере ускорения процесса урбанизации удалиться от суеты городской жизни и жить в условиях, близких к природе. Участники телепрограммы уезжают на определенное время жить в тихие горные деревни. Природа и деревенский мир дают им возможность хотя бы на время ощутить вкус простых, бесхитростных отношений. В итоге, побывав гостями данного реалити-шоу, многие молодые люди предпочли жизни в большом мегаполисе жизнь в деревне.

Особой популярностью в Китае пользуются оригинальные реалити-шоу “*Незабываемый ресторан*”, цель которого – обратить внимание на проблемы людей с когнитивными расстройствами, такими как болезнь Альцгеймера и Паркинсона. Главная особенность телепроекта заключается в достоверности происходящего, поскольку герои программы не могут действовать по определенному сценарию из-за проблем с памятью. В ресторане вместе с известными актерами работают пожилые люди с когнитивными расстройствами. У героев не всегда получается хорошо обслужить посетителей, но это дает возможность клиентам ресторана и зрителям глубоко задуматься над тем, как помочь таким людям оставаться социально активными и значимыми в обществе.

Анализ основных элементов реалити-шоу (состав участников, содержательное наполнение, социальный посыл) позволяет определить общие направления формирования развлекательного контента на китайском телевидении. Все реалити-шоу преследуют определенную *социальную цель*, актуальную для современного китайского общества. В шоу “Куда идет папа” – это проблемы отношений детей и родителей. В “Циклоне сяоцзы” – возрождение и популяризация традиционных китайских семейных ценностей. В “Чтении письма” – преемственность поколений и культурно-исторических ценностей. В шоу “Звук” – повышение культурного уровня зрителей и приобщение к национальным литературно-художественным традициям. Шоу “Желаемая жизнь” демонстрирует важность простой, созидательной жизни. “Незабываемый ресторан” акцентирует внимание на проблемах людей вне активного социума.

Продвижение в китайском развлекательном медиаконтенте культурного и исторического наследия, в т. ч. основных положений учения Конфуция, способствует формированию у участников телешоу таких качеств, как человеколюбие, чувство долга, достойное и благопристойное поведение, справедливость, почитание родителей и старших, культ предков, а также активная гражданская позиция.

Китайское телевидение не стремится использовать зрелищные эффекты и чрезмерно воздействовать на восприятие зрителей при помощи ярких эмоций. Удовольствие доставляют не эмоции, а гуманность в поведении людей в экстремальных ситуациях, демонстрация социальной ответственности, реше-

ние сложных вопросов благодаря мудрости и умению договариваться, отсутствие программ с безнравственными моделями поведения и “черным” юмором. В семейных реалити-шоу Китая принимают участие известные, авторитетные люди, и в эфире показывается, как они в реальной семейной жизни воспитывают своих детей. Передачи, ориентированные на старшее поколение, призывают зрителей не останавливаться в развитии, постигать новое.

Заключение

На современном этапе развития китайская телеиндустрия создает программы, в игровой форме отражающие актуальные социальные потребности. Телевидение Китая расширяет развлекательный продукт, в том числе и реалити-шоу, в которых сочетаются игровые и интеллектуальные составляющие, удовлетворяющие эстетические потребности аудитории.

Современные китайские реалити-шоу выполняют миссию формирования общественного мнения и выступают за поддержание традиционной национальной культуры. Инновационность китайской развлекательной телеиндустрии базируется на оригинальных идеях, реалистичном отражении мира, направленности на определенную целевую аудиторию, уважении к традиционной национальной культуре.

Масштаб популярности реалити-шоу на китайском телевидении указывает на их основное предназначение: через развлечение повышать культурный уровень, общую эрудицию зрительской аудитории, стимулировать изучение национального духовного наследия. В связи с тем, что в современном китайском обществе искажаются традиционные нравственные нормы и ценности, возрождение традиционной конфуцианской морали представляется необходимым для китайского общества в новых геополитических и экономических условиях. Современный развлекательный телеконтент должен стремиться к соответствию культурным традициям, социальным ценностям, моральным и эстетическим стандартам китайского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Акинфиев, С.Н.* Жанровая структура российского развлекательного телевидения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / С. Н. Акинфиев ; Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во МГУ, 2008. – 21 с.

2. Постановление Государственного совета КНР № 228 от 11 августа 1997 года; изменение в постановление Государственного совета КНР “О внесении изменений в некоторые административные акты” от 7 декабря 2013 года; изменение в соответствии с постановлением Государственного совета КНР “О внесении изменений в некоторые административные акты и их аннулировании” от 1 марта 2017 года; изменение в соответствии с постановлением Государственного совета КНР “О внесении изменений в некоторые административные акты и их аннулировании” от 29 ноября 2020 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E5%B9%BF%E6%92%AD%E7%94%B5%E8%A7%86%E7%AE%A1%E7%90%86%E6%9D%A1%E4%BE%8B/7978515?fr=aladdin>. – Дата доступа: 10.12.2021.

3. *Чжан, Цивэй*. Поиск эффективных методов идеологического воспитания молодежи через конфуцианское образование / Цивэй Чжан // Образование в Цинхай. – 2018. – № 10. – С. 17.

4. *Ли, Чжэн*. Реалити-шоу как инновационная форма телевизионного контента Китая / Чжэн Ли // 77-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета [Электронный ресурс] : материалы конф. : в 3 ч., Минск, 11–22 мая 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – Ч. 3. – С. 92–94.

5. *Ли, Чжэн*. Популяризация конфуцианских идей в телевизионных реалити-шоу Китая / Чжэн Ли // Вестник БГУ. – 2021. – № 1. – С. 97–101.

6. *Ду, С.* Художественная идея китайского телевизионного шоу “Звук” и особенности ее распространения в средствах массовой коммуникации [Электронный ресурс] / С. Ду, Л. Ли // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. – 2018. – № 7(53). – Режим доступа: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6120>. – Дата доступа: 19.04.2021.

Поступила в редакцию 21.12.2021 г.

Контакты: 630332130@qq.com (Ли Чжэн)

Li Zheng. REALITY SHOW IN CHINESE ENTERTAINMENT TELEVISION.

Reality TV is one of the most popular forms of entertainment video content on Chinese television. The article highlights the features peculiar to reality shows that distinguish them from other types of TV shows: a combination of gaming and intellectual components in real time. Chinese reality shows are largely borrowed. However, according to the author, they have been recently aimed at popularizing traditional historical and cultural values. This allows them to influence the spiritual and moral culture of the audience and testifies to the innovativeness of China's entertainment TV content.

Keyword: mass media, entertainment show in China, reality shows.

ДЛЯ ЗАЇВАГ

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанавы

Тэхнічныя рэдактары: *А. Л. Пазнякоў, Л. І. Будкова*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А. Л. Пазнякоў*
Карэктар *Г. В. Кармянкова*

Падпісана да друку .03.2022 г.
Фармац 70x108¹/₁₆. Папера афсетная. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 11,02. Ул.-выд. арк. 13,0. Тыраж 100 экз. Заказ № 1451.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў